НАТАЛИЯ
ШАД-ХАН

Чужеядцы

РОМАН

МОСКОВСКОЕ
ТОВАРИЩЕСТВО ПИСАТЕЛЕЙ

НАТАЛИЯ ШАД-ХАН

ЧУЖЕЯДЫ

РОМАН

МОСКОВСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО ПИСАТЕЛЕЙ

ГОС. ТИПОГРАФИЯ
ИМЕНИ
Е.В.Г. СОКОЛОВОЙ
ПР. КРАСН. КОМАНДИРОВ 29
ЛЕНИНГРАД

Главлит № 80822 Тираж 4.150—14 л. Заказ № 894

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Роман „Чужеяды“ будет прочитан с интересом. Фабула его стара, как буржуазный мир: любящий муж и вышедшая замуж по расчету жена, изменяющая ему с другим. Но интерес не в этом. Автор сумел на этой избитой канве вышить узор красками нашей современности, причем это удалось ему настолько, что роман приковывает все внимание читателя и не дает оторваться от него до последней страницы.

Ответственный работник, занимающий высокое положение, член партии Хвалынин, вышедший, правда, из дворянской среды, но искупивший это свое происхождение долгими годами подпольной работы и каторги, встречается в поезде с женой бежавшего заграницу вице-губернатора Татищева, ненавидящего Советскую власть и все с ней соприкасающееся, влюбляется и женится на ней, надеясь ее перевоспитать и сделать своим верным другом и помощницей в работе. Она выходит за него потому, что средства к существованию, получавшиеся от продажи вещей, истощаются, других

нет, и будущее для нее беспросветно. Но выйдя замуж она остается ему совершенно чужой, органически не может да и не хочет понять его интересов, цели и смысла его работы, его стремлений. Хвалынин запутывается в клубке противоречий, из которых не видит выхода, разойтись же с женой не имеет силы. Хвалынин, несмотря на центральное место, которое он занимает в романе, обрисован автором лишь вскользь, постольку, поскольку было нужно для развития самого действия. Все свое внимание автор перенес на ту среду, с которой вошел в соприкосновение Хвалынин в результате своей женитьбы, и которая названа „чужеяды". Мать Тэни Татищевой, ее брат Никки, его приятель Юрий Салтыков, семья Ольшевских,—все это представители породы „зубров", которой Октябрьская революция нанесла смертельный удар. Это—остатки сошедшего вместе с Николаем вторым с исторической сцены русского дворянства, доживающие свой век в чуждой им атмосфере новой Советской России, которую они ненавидят от всего сердца, с которой никогда не примирятся, но в которой ухитряются жить или служа в Комиссариате, как Никки, или занимаясь темными делами, находящимися на границе предусмотренных уголовным кодексом преступлений, как Юрий. Они гордятся тем, что остались единственными хранителями старинных дворянских традиций и благородства, они не закурят папиросы, не спросив разрешения, они тщательно следят,

чтобы складка на их брюках была безукоризненно отутюжена, чтобы воротнички и манжеты блестели, как белый мрамор, чтобы пробор на голове представлял идеально правильную прямую линию, они ходят к маникюрше, пудрятся и прыскаются дорогими духами, они не допустят в разговоре ни одного режущего слух слова и они хвалятся тем, что занимают официальные должности на службе Советской власти только для того, чтобы как можно больше навредить и как можно меньше работать, получая за это весьма круглые оклады, они с удовольствием рассказывают об изобретенном способе получать в разных учреждениях авансы и затем переезжать с места на место, чтобы замести всякую возможность их погашения. Они наполняют свою жизнь только вкусной едой, заботами о своем туалете и свиданиями с любовницами. Они оправдывают замужество Тэни теми выгодами, которые они мечтают получить от близости к Хвалынину. И вместе с тем они, конечно, говорят о большевиках, как о чудовищно безнравственных людях, и считают признаком хорошего тона выражение надежд на скорое падение Советской власти, в которое сами уже не верят.

Они не из тех, которые участвовали в заговорах против Советской России или с оружием в руках боролись против Красной Армии. Они спокойно остались на своих квартирах и с первого дня Октябрьской революции постарались устроиться на службе у большевиков, саботируя работу, вста-

вляя всюду палки в колеса, добиваясь высоких спецставок и имея в резерве на всякий случай утверждение, что вся их деятельность направлена к вреду для Советской власти.

Типы Никки, Юрия, Ольшевской очень удались автору. Кто из нас не видел их в Москве, кто не сталкивался с ними, кто не был свидетелем их „работы" в наших канцеляриях, кто не думал, что борьба с ними, влезшими в наши учреждения, чрезвычайно трудна, ибо эти наши злейшие враги умеют носить личину безукоризненно лояльных и совершенно незаменимых наших сотрудников? Они с особенной ненавистью относятся к начатой нами борьбе с канцелярщиной и бюрократизмом и к лозунгу режима экономии, ибо с полным основанием считают, что эта борьба направлена против, них, ибо они много положили сил и труда именно на развитие канцелярщины и бюрократизма, ибо все их старания направлены к наибольшему увеличению непроизводительных расходов, от которых они только и питаются.

Типы Варвары Михайловны Лопухиной, ее сына Никки и дочери Тэни, Юрия Салтыкова, Марины Ольшевской и их друзей отходят в область прошлого. Через десяток-другой лет они исчезнут совершенно. Они вклинились в нашу теперешнюю жизнь по инерции. Они — грязный, источенный весенним дождем, но еще не растаявший снег, оставшийся от зимы в глубоких оврагах. Но они еще существуют, они еще живут бок

о бок с нами, и их типы следует отметить в литературе.

Измена Тэни раскрылась. Перед Хвалыниным во весь рост сразу обнаружился настоящий облик жены. Он переживает величайшую личную драму. И выходит из нее с честью, несмотря на все попытки Тэни использовать его чувство и остаться в том привиллегированном положении, которое она имеет, как жена ответственного работника в глазах окружающих. Попытки ее родни использовать Хвалынина в личных интересах также не имеют успеха. Хвалынин уезжает в заграничную командировку и там, переборов физическое влечение к Тэни, пишет ей письмо, в котором освобождает ее от всех обязательств, наложенных замужеством. Может-быть, излишней щепетильностью является обещание Хвалынина выслать ей денежную помощь, пока она не устроится как-нибудь иначе, но в этом можно усмотреть последний удар, нанесенный Хвалыниным своему чувству к Тэни, якобы он хочет оплатить деньгами месяцы своей физической близости к ней. Однако эта щепетильность, вероятно, не понравится читателю, для которого было бы гораздо более понятно, если бы Хвалынин просто выгнал Тэни, ибо нельзя себе представить столь чуждых друг другу людей, как отдающийся весь радостному делу строительства новой жизни в первой в мире пролетарской республике Советов Хвалынин и красивая, лишенная каких бы то ни было общественных инте-

ресов самка, какой является Тэни Татищева. На протяжении всего романа читатель с тревогой следит за Хвалыниным, боясь, что любовь слишком далеко увлечет его, что скомпрометирует себя и погибнет этот энергичный работник, и с чувством облегчения встречает конец романа.

Роман показывает, какая сильная закалка требуется от коммуниста и какими опасностями грозит каждая уступка, которую он делает даже в своей личной жизни, поддаваясь,—как в данном случае,—чувству любви и враждебной ему по своим воззрениям и интересам женщине. Представители яркого будущего не должны связывать свою жизнь с отбросами прошлого, вышвырнутыми в мусорную кучу великим Октябрем 1917 года.

Дм. Сверчков.

Чужеяды.

I.

Агент, который должен был доставить билет, запьянствовал, пропил деньги и не только не исполнил поручения, но даже не явился. Правда, потом агент был уволен, но Хвалынин уехал не в четверг, как предполагал, а в пятницу.

В пятницу в этом же международном вагоне и даже в том же купе уехала Татьяна Александровна Татищева, встреча с которой повернула всю жизнь Хвалынина по совершенно другой линии. Из Москвы поезд отходил вечером. Утомленный целым днем хлопот, Хвалынин сейчас же лег и быстро уснул. Сквозь сон он слышал, как после второго звонка дверь в его купе отворилась, и кто-то занял диван внизу. Было так приятно дремотно, что просыпаться не хотелось, и он погрузился окончательно в сладкое небытие.

Проснулся он довольно рано. Сквозь спущенную штору брезжил свет серый и безличный, как столбец публикаций в газетах о потере документов.

Вагон мерно и мягко подбрасывало, изредка поскрипывали пружины и, журча, сбегали по зеркальным окнам струйки монотонного дождя.

Хвалынин приятно потянулся, особенно остро ощутив тепло и уют купе в сравнении с промозглой сыростью за окном. Потом, в еще отуманенном от сна мозгу всплыли воспоминания об от'езде, лицо его секретаря, приехавшего на вокзал с срочной телеграммой, хотя он уже и сдал дела.

Свесив голову, он посмотрел вниз. Прямо перед собой (его постель была поперек), он увидел клетчатый пушистый плед. Из-под отвернутого его угла выглядывала нога в сером шелковом чулке. Нога упиралась в открытый нессесер, в котором блестели серебряные крышки флаконов. За зеркало был задвинут образок с большим розовым бантом. Хвалынин одним взглядом уловил все эти мелочи, улыбнулся и подумал:

— И это на седьмом году революции! Живучи же они все-таки!

И волна неудовольствия на судьбу за такого спутника поднялась в нем.

— Должно-быть, старая ханжа, — решил он и, отвернувшись, взялся за книгу „Жертвы Интервенции", хотел сосредоточиться, однако строчки чинно нанизывались одна за другой перед глазами, а до сознания не доходили. К тому же теплая, полная какого-то пряного запаха атмосфера купе отнюдь не располагала к умственным занятиям.

— Пойду умыться, — решил Хвалынин и спустился вниз.

Невольно посмотрел на спутницу, спавшую мирным сном, прижавшись щекой к маленькой подушке, которую она держала за угол обоими руками. И то, что она оказалась молодой и весьма привлекательной, повергло Хвалынина в смущение. Не то, чтобы он был уж слишком целомудренным, или боялся женщин, а именно эта взволновала его предчувствием чего-то неизбежного, от чего не уйдешь.

Он не пошел мыться в умывальную, которая была при купе, а вышел в корридор. Здесь было много прохладнее, и царила полная тишина и порядок. Хвалынин не спеша умылся, постоял у окна, посмотрел на однообразно-серые поля и показалось, что к нему снова вернулись ясность и спокойствие духа. Он осторожно открыл дверь своего купе и вошел.

Его спутница уже не спала. Она посмотрела на него холодными серыми глазами, полными спокойного любопытства и отчужденности, которые, казалось, говорили: ты сам по себе, а я сама по себе. А кроме того, может-быть, ты и враг.

И Хвалынин ясно это почувствовал. Но от этого ему стало только весело и бодро, захотелось победить это недоверие, эту отчужденность. Она заинтересовала его еще больше и, чувствуя в ней женщину светскую, для которой внешние приличия играют большую роль, он непринужденно

поклонился ей так, как кланялся когда-то раньше, до своей ссылки на каторгу. Поймав себя на этом движении, он немножко подосадовал, но неизвестно почему у него появилось такое хорошее настроение, что он не дал этой досаде прочно осесть в душе и испортить утро, а продолжал в том же несвойственном ему обычно, но естественном сейчас тоне:

— Простите, я вам не помешал? Может-быть, прикажете уйти?

Татьяна Александровна чуть повела плечами (плечи у нее были круглые, полные и прекрасно очерченные) и отвечала:

— Нет, благодарю вас. Я еще полежу. Ведь рано?

Голос ее низкий и в то же время звучный имел в себе что-то волнующее, обещающее. Голос этот был несомненно одной из главных ее прелестей. Все это сразу оценил Хвалынин и опять, незаметно для себя, вошел в тон внимания и светской заботливости к даме, тон, который он давно забыл. Она смотрела на него из-под полуопущенных ресниц, разглядывая его лицо, костюм, манеры.

— Неужели коммунист?—подумала она, заметив ВЦИК-овский флажек на борту его френча. Ну, да не все ли равно? Он вполне приличен и мешать не будет.

Кивнув головой на его просьбу о разрешении курить, она взялась за книгу. Хвалынин последовал ее примеру. Однако он снова не понимал

ничего из добросовестно прочитанных страниц. Положительно, присутствие этой женщины его волновало. К тому же кончик ноги снова выглянул из-под пледа и невольно притягивал его взгляд, и он поймал себя на мысли, что было бы хорошо лежать сейчас рядом с ней, обнимать ее тело, прекрасные формы которого ясно обрисовывались под тонким пледом. Чувствовать ее всю своею и целовать капризный, страстный рот с острыми, синевато-белыми зубами.

— Она была бы великолепной любовницей, темпераментной и яркой и она должна быть моей.

Хвалынин внезапно очнулся. Вот до чего доводит праздность! Разве пришли бы ему в голову такие мысли, при виде первой встречной женщины, там в Москве, где каждый час, каждая минута были заполнены работой, ответственной, горячей, интенсивной, где часто некогда было поесть иначе как на ходу, между двумя заседаниями, где ночами готовился к докладам, где нужно было прочитать целые горы литературы, чтобы не отстать от шагавшей великаньими шагами жизни, где, наконец, он переработался до того, что врачи настояли на его немедленном выезде на курорт, несмотря на конец марта и разгар работы?

Но все доводы рассудка замолкали перед голосом крови, инстинкта, зовущего его, мужчину, туда, где была эта слабая, но властная своей слабостью женщина.

Теперь, когда он осознал свое чувство, он понял, что бороться с ним не будет и что надо только придумать исход, чтобы его удовлетворить.

Татьяна Александровна, словно чувствуя на себе его взгляд, потянулась с тем томным и милым видом, который так свойственен молодым женщинам по утрам, когда сон еще не совсем отошел и держит тело и ум в истоме, и спросила который час.

— Уже одиннадцать! Скоро надо итти завтракать. Ну, теперь воспользуюсь вашей любезностью и прогоню, так как буду одеваться.

Хвалынин вышел из купе. Нервно куря папиросу за папиросой, он глядел на мелькавшие за окнами поля, местами уже зеленевшие, местами покрытые снегом и думал о своей соседке.

II.

Быстро мчится поезд. Едва задержится на станции покрупнее, а маленьких и вовсе не замечает: свистнет и пролетит мимо.

День клонился к концу. Хвалынин и не заметил, как в разговорах прошло время.

Он узнал, что и она едет в Кисловодск (нервы расстроены, надо освежиться), что муж ее, уже скоро пять лет, за границей.

— Неужели жила так, не имела никого, — подумал Хвалынин, не решаясь, однако, об этом спросить. Да и как спросишь? И без того, он

ясно чувствует, что в разговорах с ним она осторожна, сдержана, многих тем избегает.

Они заговорили о религии. (Не давал ему покоя образок с розовым бантом).

— Неужели вы, культурный и развитой человек, можете придавать этому значение, верить во все это?

С застывшим и холодным лицом она отвечает:

— Бросим разговоры на эту тему. Мы с вами люди разных взглядов и, вероятно, никогда не сойдемся. Не стоит и время тратить на пустые споры. Да и спорить с вами, по-настоящему, я не могу.

— Почему же именно со мной нельзя спорить?— удивился Хвалынин.

— Да по весьма простой причине: вы партийный.

После обеда в вагон-ресторане, где они, однако, почти по-дружески сидели вдвоем за маленьким столиком, и где он отметил ее манеру есть, которая обличала в ней властную и чувственную натуру, они возвращались в купе. Переходя площадку (поезд шел очень быстро и вагон сильно качало), Татьяна Александровна покачнулась и почти упала на его протянутую руку. На одно мгновенье он прижал ее к себе, ясно ощутив упругую грудь и почувствовав тонкий и волнующий запах ее тела. Невольно задержал ее в своих об'ятьях дольше, чем было нужно. Она тихонько освободилась, кивнула головой, быстро проговорила „благодарю" и пошла в вагон.

В их купе было еще темно.

В окно лился свет луны, то яркий и серебристый, то задернутый набегавшими облаками. На столе, в серебряном стаканчике, стоял букетик первых фиалок, купленный ею на какой-то станции, и их тонкий, еле уловимый, печальный аромат примешивался к запаху ее духов, шедшему от мехового манто, висевшего в углу.

— Не будем зажигать света. Так хорошо. Луна какая красивая! — сказал он.

Тихонько смеется Татьяна Александровна.

— Вам, такому серьезному человеку и ответственному работнику, не следует прельщаться поэзией лунных ночей.

Опустившись на диван и нюхая букетик, она продолжает:

— А знаете, по моему, запах фиалок — запах смерти, тления. Поэтому он так и печален. В Генуе, на Кампо-Санто их так много. Я помню, когда мы были там, однажды, поздней осенью с мужем...

Она вдруг остановилась и замолчала. Хвалынин берет ее руку беспомощно лежащую на диване.

— Вы его очень любили? — говорит он, чуть касаясь поцелуем тонких пальцев.

Татьяна Александровна делает легкое движение, чтобы отнять руку.

— Кого любила?

— Вашего мужа.

— Тогда очень.

— А теперь?

— Да вам для чего это знать.

В полутьме вагона блеснули ее зубы, открытые улыбкой. Она решительно вытягивает руку, встает, подходит к окну.

— Посмотрите лучше, какая чудная ночь.

Хвалынин тоже встает.

Она стоит опершись на столик обоими руками, склонившись вперед и не отрываясь смотрит на залитые луною степи.

Хвалынин видит ее шею, как нежный стебель, выходящую из воротника блузки, чувствует ее запах и его мучит одно желание: поцеловать ее в этот белый кусочек тела, в светлые пушистые волосы.

Татьяна Александровна, почувствовав на себе его пристальный взгляд, оборачивается и, видя его блестящие глаза, в которых так ясно отражаются его переживания, невольно откидывается назад.

— Зажгите свет,—говорит она, и голос ее звучит холодно и властно. Еще бы! Надо поскорее нарушить эту атмосферу интимности, а то от него, как видно, можно всего ожидать. Хотя и держал себя все время прилично, но кто поручится за дальнейшее.

Хвалынин послушно поворачивает выключатель. Яркий свет заливает сразу все купе, прогоняя настроение.

Хвалынину не по себе. Ведь чуть не натворил глупостей, не испортил с трудом налаженные доб-

рые отношения. А тянет к ней все больше, желание все сильнее...

Поезд летит. Теперь они едут по Донбассу.

— Сколько здесь нашей крови пролито, — задумчиво говорит Хвалынин, глядя на чернеющие силуэты шахт, мелькающие за окном. — Кажется, каждый аршин земли ею промочен.

— Да и нашей тоже не мало,—слышит он неприязненный ответ.

— Однако, значит ваша кровь была там, на противной стороне. Это, по крайней мере, смело сказано,—шутливо-укоризненно говорит он.

— Ведь вы на меня в ГПУ не пожалуетесь?— В ее голосе явная насмешка.—С женщинами вы не воюете?

Хвалынин пожимает плечами и замолкает.

Он очень не доволен собой. Как все это глупо, несерьезно. Влюбился.

Самым пошлым образом влюбился. Вагонное приключение. Вспомнилась, будто в утешение, фраза приятеля: „человек — не железо".

Вот, что значит переработаться, забыть о личной жизни. Теперь природа требует своего.

Но в глубине души Хвалынин сознает, что все это одни фразы. А на деле серьезное, неизбежное, что влечет его и с чем он не в силах, да и не особенно хочет бороться.

Наконец, весь хаос его мыслей вылился в одну ясную, четкую фразу:

— Она должна быть моей женой.

Как этого добиться, какими путями к этому прийти,—он еще не знал.

Да и не это было важно. Цели он достигнет. Твердости духа и упорства у него хватит. Годы борьбы и революции выковали в нем железную настойчивость.

Пожалуй, было бы целесообразнее эту волю и настойчивость употребить на то, чтобы сбросить с себя очарование этой чужой женщины.

— „Да, человек — не железо".

III.

Хвалынин, в том особенно приятно-повышенном настроении, которое не покидало его со времени приезда в Кисловодск, то-есть уже пятый день, шел по сухой и твердой дорожке парка, между еще безлистными деревьями. А солнышко грело совсем по-летнему. Небо ясно-синее, прозрачное и насыщенное в одно и то же время. Кое-где, между прошлогодними листьями, целыми группами высунули свои любопытные головки лиловые крокусы. Свежий горный воздух входит в легкие с особенной приятностью. Весь полон радостью жизни. Беспричинно весело и ко всем так расположен, Хвалынин ощущал все это особенно остро, так как знал, что через несколько минут увидит Татьяну Александровну, „Тэни", как ее называли и как уже он называл ее мысленно. Только мысленно, однако. Со времени их приезда они встре-

чались каждый день, но она была сдержана, как и в первый раз. Чуть только он неосторожным движением, словом выдаст свое чувство, страстное желание,—она умеет одним удивленно-холодным взглядом, насмешливым замечанием, отрезвить его. Даже в прекрасные ночи, когда она разрешила сидеть у себя на балконе очень долго, дальше поцелуев ее рук пойти не удавалось. На все его попытки к большой близости она отвечала:

— Вам мало. Ну, милый друг, за неблагодарность будете лишены и этого.

Уходя от нее, он неизменно решал не искать больше с ней встреч, прекратить эту игру, отнимавшую у него здоровье и нервы, но на утро снова шел в парк, к Нарзану, с трепетом ждал, чтобы показался ее синий костюм, чтобы лукаво улыбнулись ему серые глаза, и показались до синевы белые зубы между алыми полосками губ. И пока он будет целовать (а, ведь, как недавно сам он восставал против этого рабского обычая!) ее руку в серой замшевой перчатке, стараясь коснуться тела, Тэни спросит его: — Как спали? Надеюсь, дурных снов не видели?

Потом начнется обычная пытка: видеть ее возле себя и не сметь даже сказать ей о том, что переживает, не позволить себе ни малейшей ласки. Бояться, что каждую минуту, по случайному капризу она не разрешит ему быть около себя, отошлет его или уйдет сама. Так уже раз было, когда, не удержавшись, поцеловал ее в склоненную шею.

О Тэни он, несмотря на постоянное общение, знал очень мало. Попрежнему она упорно избегала говорить о себе. Ну, что может быть интересного у нее в жизни теперь? Живет с матерью и братом, он служит в Наркомпути, о муже ничего не знает, так как не переписывается с ним — вот и все!

Что же еще нужно? До ее внутренних переживаний никому не может быть дела.

Хвалынин часто ловил себя на мысли, что его мучит ее прошлое. Как жила до сих пор? По своей привычке доводить все до логического конца, он тут постарался формулировать свое чувство по этому вопросу. Важно ли это и может ли ее прошлое иметь какое-либо значение для его отношений к ней?

Ответ был ясен: не все ли равно? Хочу ее всю, такой как она есть. Она необходима для жизни, для счастья, для того, чтобы вновь обрести потерянное душевное равновесие, нарушенное этим ворвавшимся, непрошенным чувством.

А если необходима — значит нужно получить. Сомнениям, колебаниям места быть не должно.

У поворота дорожки Хвалынин увидел Тэни. Она спокойно сидела на скамейке с книгой в руках, но с ушедшими далеко глазами. При виде его, подошедшего почти вплотную, она подняла голову.

— А, это вы?

В голосе ни радости, ни недовольства.

— Я вам не помешал? Мечтаете?

От руки, которую он целует, пахнет знакомым, сладковатым запахом, от которого всегда слегка кружится голова. Тэни смеется.

— Мечтать? О чем же? В мои годы?

— А сколько вам лет?

— Какая непосредственность! Да разве можно спрашивать об этом у женщины? Хорошо, что я пока не скрываю свои годы, а то бы вас непременно обманула.

— Итак, все же сколько?

— Много. Двадцать восемь.

— Я старше вас на восемь лет. Но вернемся к прежнему. О чем вы думали?

Глаза у Тэни делаются сразу чужими и далекими, зрачки до странности суживаются.

— Не помню. Вероятно, о чем-нибудь, для вас, по крайней мере, неинтересном. Вы сегодня уже пили Нарзан?

— Что у вас за привычка говорить о том, что не имеет значения, — перебивает он ее. Я хочу, наконец, знать что-нибудь о вас. Почему вы всегда стараетесь отдаляться от меня? Ведь я ничего, ничего не знаю о вашей жизни. Вы не доверяете мне?

Тэни поднимает опущенные ресницы.

— А почему я должна быть с вами откровенна? У вас странные претензии: мы с вами случайные попутчики, случайно же, в силу обстоятельств, продолжившие наше вагонное знакомство. Вот и все.

— Нет, это неправда. И вы это отлично знаете. Неправда, потому что мое отношение, мое чувство к вам слишком ясно выражается и вы...

— Бог мой! Даже чувство. И давно ли?

— Перестаньте шутить. Я говорю серьезно. Да, давно, почти с первой минуты, с того момента, когда увидел вас там, в вагоне.

Видя, что она делает движение, чтобы встать и недовольно сдвигает брови, он берет ее за руку.

— Нет, нет не уходите. Я должен договорить до конца, и вы выслушайте меня. Я не могу жить без вас. Это сильнее меня. Я боролся с этим, но, как видите, ничего сделать не мог. Не отталкивайте меня, я так люблю вас.

Хвалынин ясно сознает, что говорит бессвязно, неубедительно, как неопытный юноша, впервые оставшийся наедине со своим „предметом". Но никаких других слов в этот момент он придумать не мог. Это он-то, признанный оратор, прекрасно знавший, что такое владеть массами во время своих выступлений.

Теперь, смущенный и взволнованный, он старался в ее лице прочесть ответ, решавший его судьбу.

Тэни сидела опустив голову, и он не мог видеть ее глаз.

— Отчего вы молчите? Вы связаны с кем-нибудь? Вы любите? Ведь не о муже идет речь, не так ли? Вы сами говорили, что уже пять лет,

как между вами все порвано. Быть-может, я вам противен?

При этой, вдруг пришедшей ему мысли, Хвалынин останавливается с тревогой в душе. — „А вдруг и в самом деле?"

Взметнулись длинные ресницы, и, глядя ему в глаза, говорит Тэни:

— Ах, не то, не то. Неужели вы не понимаете, что это невозможно? Ведь, вы коммунист. Связавши свою жизнь с моею, вы испортите свою будущность, а я... Да, впрочем, дело и не во мне сейчас.

Голос ее звучит шутливо, когда она доканчивает:

— Я не желаю, чтобы вы ради меня „оторвавись от масс". Так, кажется, это называется на вашем партийном „арго". Были бы вы в „буржуазном окружении"...

Вскочив со скамейки, Хвалынин до боли сжимает ее руку.

— Нет, обо мне, о моих отношениях к партии предоставьте заботиться мне самому. Дело только в вас. Вашего ответа я жду.

— Руки сломаете. Безумный человек! — с улыбкой, освобождаясь, говорит Тэни. — Можно ли так сжимать? Ну, а ответ мой вы получите потом. Согласитесь, что ваше предложение, которым вы сделали честь меня почтить (так, кажется, выражались в шестидесятых годах наши буржуазные бабушки!), все же очень скоропалительно, и не

обладая таким экспансивным характером, чтобы потерять голову через неделю знакомства, я должна иметь время подумать и разобраться во всем этом. Если ваше чувство не исчезнет также быстро, как появилось.

— Вы смеетесь надо мной.

В голосе Хвалынина слышна искренняя обида.

— Что вы, напротив, я очень серьезна.

Вставши, Тэни берет его под руку.

— Ну, не злитесь. Проводите меня, мой страстный вздыхатель, — говорит она, заглядывая ему в глаза.

Даже сквозь ткань костюма он ощущает теплоту ее тела.

И почувствовав ее так близко, он сделал то, что до него и после него делали и будут делать все, кто не очень потрепан жизнью, кто влюблен, и кого еще волнует близость молодой и привлекательной женщины. Забыв о том, что они в людном парке, не спросив о согласии, он порывистым движением привлек Тэни к себе и прильнул поцелуем к желанным губам.

IV.

Сквозь открытую балконную дверь свежей струей вливается хрустальный горный воздух.

Темно-синим с серебряными крапинками рисуется в рамке звездное небо. Кажется оно таким

низким и близким: протяни руку и снимай любую звезду.

Тишина и покой.

Тэни уснуть не может. Очень много нужно обдумать, решить, а днем невозможно сосредоточиться. Хвалынин делается все настойчивее, требует решительного ответа. А что она может ответить? Любить его — не любит, конечно. Совсем чужой и непонятный он для нее. Ну, а замужество — это вопрос другой. К этому надо подойти с деловой точки зрения. Ведь устраиваться как-то необходимо. Устала она бороться с жизнью. К этой борьбе ее совсем не подготовили. Она, Тэни Татищева, совсем не теперешняя, не „советская". Даже в былое время находила, что опоздала родиться почти на столетие. Ну, а теперь-то что-же говорить. Ведь вся она пропитана предрассудками, scrupul'ями, которые так усложняют жизнь.

Вот и теперь: любит ее Хвалынин, она это прекрасно понимает, любит тем чувством, мимо которого проходить нельзя, ибо не часто оно попадается на пути. И хотя она и не любит его, а все же он ей нравится. В нем есть то мужское начало, которое всегда импонирует женщине. Наконец, это даст ей возможность сложить все житейские тяготы на его сильные плечи. Но — он коммунист. Как посмотрят на это родные? Что скажут знакомые — те, конечно, которых она считает равным себе? А вдруг, Советская власть

погибнет (Тэни в глубине души верит в это), тогда что? Конечно, брат Никки только одобрит, скажет, что давно пора бросить „институтские фанаберии" и „подойти к жизни без фокусов". Ведь его философия чрезвычайно проста и сводится к двум словам — уметь успокоиться. А пути у каждого к этому свои. У нее он сейчас такой ясный — сделаться женой Хвалынина, видного ответственного работника. Хорошо еще, что не на содержание пойти, — мелькнуло в голове Тэни. Да и вообще, могло случиться гораздо хуже. Надо решиться написать письма домой. И написать в категорическом тоне, как о вопросе оконченном. Иначе, пойдут разговоры, обсуждения, — только нервы расстраивать. Муж? А что для нее теперь этот муж и какие у нее к нему обязательства. Живя вдали, не хранит он ей, конечно, верности, как это делала до сих пор она. Правда, это было не трудно, так как не попадался еще тот, кто бы искренно затронул ее. Но все же, все же... У нее в душе не оставалось к мужу ничего. Пять лет, да еще революционных, это не пустяк.

Склонившись над столом, Тэни задумчиво водит пером по бумаге. Рисует арабески, пишет „Тэни", „Татьяна", то крупно, то мелко. Много раз. Напишет, потом обведет, пририсует по углам виньетки, потом причудливую монограмму, то русскую, то французскую. А начать письмо не может. Мысли собрать в нужные фразы не удается. Да и стоит ли писать? Как будет, так и будет. Надоело думать.

Устала... Лучше перейти на диван, уютно сесть положив голову на руку и закрыв глаза, без мысли и тревог спокойно дышать упоительным горным воздухом.

Хорошо было бы свет потушить, да вставать лень...

В дверь тихо стучат. Тэни сладко дремлет и не слышит. Снова стук, и осторожно входит Хвалынин. Она спит. Первое его движение — уйти. Но так тянет к ней, что он подходит совсем близко и долго смотрит: на ее освещенное лицо, такое юное, не по годам, и девственно-чистое, на бахромчатые ресницы, резко чернеющие на нежной коже щек, на скорбно сжатый рот. Если бы не этот рот, ей можно дать не больше двадцати лет. Одна рука под головой, другая беспомощно свесилась с дивана, сжимает кружевной комочек — носовой платок.

Хвалынину, почему то, нестерпимо ее жаль, такую беззащитную, трогательную в своей беспомощности. Ей бы сидеть за роялем, в пышном оборчатом платье, играть ноктюрны Шопена. На столе благоухали розы в искристом хрустале, а со стен пускай любуются портреты предков на такой удачный экземпляр своей барской породы.

Хвалынин берет ее за руку, нежно целует бархатную ладонь. Этот запах? От нежности и умиления не остается и следа. Кровь приливает к голове, мутит сознание...

Он впивается зубами в розовую кожу, а рукой нервной и горячей ищет прикосновения к груди,

которая так соблазнительно движется при дыхании под тонким платьем.

Тэни вздрагивает, просыпается. Широко открыты удивленные глаза.

— Вы? Как вы вошли? Я не слыхала.

Быстро спускает она ноги с дивана, застегивает растегнувшуюся пуговку на груди.

— Простите, я стучал. — Голос его был хриплый и неуверенный.

— Да, я уснула. Все думала и устала. Ведь наши женские головы больше созданы для того, чтобы носить шляпы, как говорит одна моя приятельница...

— Оставьте приятельницу! Мне необходимо говорить с вами серьезно, — перебивает Хвалынин. Голос его звучит уже твердо, хотя в глазах еще туман.

— Я хочу знать когда.

— Ах, вопрос уже только в том, когда? А если вообще никогда.

Рот Тэни уже не скорбный,. а насмешливый. Это не беззащитная, невинная девочка, а опытная, дразнящая кокетка. Чуть потянулась всем телом, поежилась плечами, взяла серый мех, висевший на спинке стула, и завернувшись в него до самого подбородка, сощурив глаза, смотрит на Хвалынина.

— Надо вас наказать за самоуверенность.

Так бы и накинулся на нее, и целовал, и кусал эти губы свежие и блестящие, как разрезанный

гранат, выглядывающие из серебристого шеншиля. Заставил бы их стать покорными.

Что скажет он ей? Правда, идя к ней, он знал такие убедительные слова, такие прекрасные и правдивые. А сейчас все позабыл.

Сделав несколько шагов по комнате, он вдруг остановился и, повинуясь какому-то внутреннему импульсу, взял Тэни за обе руки и, глаза в глаза, тихо и отчетливо сказал:

— Довольно этой игры. Мы с вами не ребята. Или прогоните совсем, или скажите, когда. Я не могу...— Он сильнее сжимает ее руки.— Не могу больше так. Хотите в конце этой недели?

Притихшая, покорная его решительному тону, Тэни шепчет:

— Что?

— Надо все оформить, и вы будете моей совсем.

Так же решительно и внезапно он бросает ее руки и, опустившись в кресло, вынимает папиросу. Спички с треском ломаются одна за другой и летят в окно, а папироса все не загорается. Молча отбирает Тэни из его рук спички и, взяв со стола папиросу, медленно закуривает ее. Потом протягивает ее Хвалынину. Удерживая ее руку в своей дрожащей руке, он тихо говорит, заглядывая ей в лицо:

— Так на этой неделе?

— Вероятно.

— Наверное?

— Боже мой, как настойчиво! Ну, да.

Хвалынин не говорит больше ни слова. Молча, почтительно прощается он с ней и выходит из комнаты. Он не хочет ничего прибавлять к тому, что произошло, и чем он весь полон.

V.

Большая комната. Она—и салон, и спальня. В углу кровать за высокими ширмами, а возле — киот. В нем бесчисленные образа всех величин, то в кованных тяжелых ризах, то ажурные, шитые жемчугом, то резные по перламутру. На некоторых и разобрать почти ничего нельзя. Перед ними мерцает, потрескивает лампадка, вспыхивая и погасая. Посреди комнаты овальный стол, накрыт на два прибора. На белоснежной скатерти синий английский фаянс сервиза кажется гигантскими подснежниками.

При последних угасающих лучах солнца Варвара Михайловна Лопухина кажется еще молодой женщиной, а совсем седые волосы, причесанные по прежней моде, „придворной прически", производят впечатление напудренного парика.

Худые, узкие руки с двумя обручальными кольцами и изумрудом—кабошоном на четвертом пальце, быстро движутся над вышиванием. Только изредка взглянет она на часы, которые степенно тикают на шкафике „буль".

Никки сегодня опаздывает. Хорошо, что няня „приспособилась" и обед не испортится. Эта

няня—такое сокровище! Чтобы они стали без нее делать?

Три звонка резко нарушают тишину. Это Никки. Один звонок — к следователю,—его комната напротив, а два — к артистке из М. Х. А. Т., она занимает две комнаты по коридору.

Няня, сухенькая, как моль, аккуратная, в темном платье и полосатом переднике, больше похожая на вдову мелкого чиновника, чем на прислугу, быстро бежит отворять.

С наслаждением прислушивается Варвара Михайловна к голосу сына и его смеху. Голос настоящий барский, характер веселый, энергичный, не то, что у Тэни.

Быстро просеменя ногами, исчезает няня в дверях. А Никки с кем-то разговаривает. Наверное, с артисткой. Она так и подстерегает его везде.

Через минуту Никки на пороге столовой.

— Прости, мама, — запоздал. Ездил доставать твои любимые пьяные вишни.

Он целует руки матери одну за другой, пока она нежно касается губами его лба.

Ну, как не любить такого прекрасного сына? Милого, обаятельного, внимательного.

— Извини, если не очень хороши, но это „советское производство", — чуть пожимает он широкими плечами, на которых так хорошо сидит синий пиджак.

— Благодарствуй, мой друг, ты очень внимателен.

Варвара Михайловна искренно тронута.

Голос Никки слышен уже из ванной, где он приводит себя в порядок.

— А я тебе привез письмо от Тэни. Удивительные новости!

Свежий, с идеальным пробором на светлых, как у сестры волосах, с ослепительными зубами, он, действительно, весьма привлекателен.

Недаром, все машинистки его отдела от него без ума, находя, что ему только „полпредом" в Париже или Лондоне быть с его внешностью и манерами. Настоящий дипломат!

Варвара Михайловна переходит к столу. Известия от дочери ее волнуют, но многолетняя привычка подавлять в себе все чувства не позволяет ей спросить о чем именно пишет дочь.

Но Никки и не дожидается вопроса. Развернув туго накрахмаленную салфетку, он говорит:

— Ты, chèrie, не пугайся, не волнуйся. Дело в том, что наша очаровательная Тэни (а ведь, ей-богу, она очаровательная женщина) выходит замуж.

Разливательная ложка дрожит в руке Варвары Михайловны, и несколько капель супа попадает вместо тарелки на скатерть, расплываясь по ней янтарным пятном.

Никки чуть прищуривает один глаз и тем же веселым тоном продолжает:

— А le comble всего — он коммунист. — И не давая матери возразить. — И хорошо делает. Что

за предрассудки? Ведь служим же мы все у них и им, и она пускай воспримет Революцию.

Смеется он своим заразительным смехом.

Варвара Михайловна не выдерживает. При всей любви к сыну и восхищении всеми его поступками, ее возмущает его легкомысленное отношение к замужеству сестры. Для Варвары Михайловны до сих пор брак — таинство, и при живом муже, без развода, конечно, без венчания в церкви, это — не замужество, а сплошной грех и неприличие.

— Мне кажется,—голос ее звучит сухо и недовольно,—что радоваться тут нечему и надо принять все меры к тому, чтобы этому помешать.

Поджаренный гренок хрустит на крепких зубах Никки.

— Отнюдь и никогда. Это было бы безумием. Какое мы имеем право отговаривать ее от этого? Дорогая, прости, но это дело не твоей компетенции. Ты отстала от жизни минимум на десять лет. Сейчас надо устраиваться, а тем более Тэни. Жизнь ее не сладка. При ее вкусах и привычках ей очень трудно. Ты, ведь, отлично знаешь ее материальное положение. Продавать, продавать, но на это долго не протянешь. Ну, что она будет делать дальше?

Служить? Да кто ее возьмет? Никаких специальных знаний у нее нет. Наконец, в лучшем случае если бы ей удалось найти место, то надо

подчиняться всякому управделу из разночинцев, который будет ее начальством.

Речь Никки прервана приходом няни с жарким.

— А, отбивные. Надеюсь—телячьи? И горошек. Хорошо.

Одна из слабостей Никки вкусно поесть. В доме с этим очень считаются. Еще в лицее он назывался „Никки le gourmet“ и был в выпускном классе „генералом от кухни“.

— В конце-концов, хороший обед это одно из немногого, что нам оставили большевики,—говорит часто Никки.

Подав блюдо, няня не уходит, хочет полюбоваться с каким аппетитом кушает ее „молодой барин“.

— Няня, а шампиньонов еще нет? Только свежих, а не консервов?

— Были бы, так вы их, наверное, уже кушали.

Няня теперь (нельзя же, мы в пролетарской республике!) на полуравной ноге.

— Знаю. Ты у нас тоже любительница „primurs'ов.

Никки обладает приятным талантом разрежать атмосферу.

Варвара Михайловна молча обдумывает его сообщение.

Никки великолепно сознает, как будет трудно, несмотря на все его влияние, убедить мать в этом случае.

Но это необходимо. Это во всех отношениях полезно для их семьи.

Не ему же самому итти в коммунисты. Да и не так это легко сейчас, даже при желании. Такие строгости пошли. А beau-frère, как Хвалынин — это тузисто!

Никки уверен, что, увы, эта власть надолго, и от нее не отвертишься. И как хорошо, что он учел это во-время, и, не поддавшись соблазну временных передышек, не бежал ни на Дон, ни на Украину, как это сделали многие. Вот теперь хоть часть вещей уцелела, никто его не преследует, несмотря на громкую фамилию, лицей и прежнюю службу в Сенате. Даже камер-юнкерство (увы, всего два месяца успел он насладиться придворным званием)—не вредит. Еще бы! Он — лояльнейший советский чиновник. А все почему? С'ориентировался во-время на красных, не донкихотствовал в разных доброармиях. Да au fond, не так уж плохо ему сейчас живется. В его Наркомате много „настоящих" людей служит, а те кто и „полупочтенные"—тоже тянутся и вполне приличны.

Тэни — несчастная женщина: бегала, эвакуировалась, все потеряла и мужа в том числе. Кое-как могла до сих пор прилично существовать, благодаря сохраненному няней (а у кого, как не у него же в доме?) и если ей теперь представляется возможность прилично выйти замуж, то во имя чего он должен ее от этого отговаривать? Что скажут „наши" за границей? Но, боже мой, пора с этим и не считаться. Ведь „они" позорно про-

спали спасение России и, в сущности, спасаем то ее мы, оставшиеся.

Это больное место Никки, и, дойдя до него, он говорит с особенным жаром и убедительностью.

Варвара Михайловна не возражает. Только потому, как дрожит в руке чашка с кофе, видно, что этот разговор ее волнует.

Да и что возразить ему, этому милому ей оратору? Конечно, жизненно он прав, да разве легче от этого?

Никки допивает последний глоток. Взглядом спросив разрешение курить, (даже в тесном семейном кругу надо быть корректным: в наше время так легко порядочному человеку опуститься!) он встает из-за стола и переходит в кресло.

Приятно подремать после хорошего обеда в уютной обстановке, а, главное, знать, что за плечами у тебя нет жены, детей. Дети, брр... Это „кошмарный шедевр шаржа", как говорил один знакомый полковник. А на плакатах: „Дети— цветы жизни". Покорно благодарю за такие „цветочки". Нет, Никки ведет свои дела умнее. У него есть приятная связь с вполне порядочной женщиной. Связь приличная, без драм и истерических чувств. И с мужем (хороший адвокат) — он приятель. „Совладельцы", как говорит в веселые минуты о себе и о нем Никки.

Дом у нее, поскольку теперь это возможно, поставлен хорошо, бывать там приятно, так как и кормят недурно, и нужных людей встретишь.

Нет, что ни говори, а он свою жизнь устроил.

Мысли снова возвращаются к сестре. Никки ясно рисует себе ее семейную жизнь. Конечно, любить его, этого „типа"—глупо. Пусть счастлив будет, что женится на настоящей даме. Впрочем, у них, кажется, с этим мало считаются. В другое время о ней и мечтать бы не мог. Она должна материально извлечь из этого все выгоды, а о развлечениях тогда позаботимся.

Ведь, если у нее будет определенная фирма, ответственность с него, брата, снимается. Конечно, обидно, чорт возьми, что какому то parvenu достанется Лопухина, его сестра. Это необходимо урегулировать. Закон равновесия.

Никки весело потирает руки.

При взгляде на них, он вспоминает, что в шесть часов его ждет его маникюрша Лидочка. Это его день и час, а у нее все время разобрано. Положим, для него она может заставить подождать какую-нибудь толстую нэпманшу. Да, ведь, надо еще доехать с Пречистенки до Камергерского. Хорошо, что автобусы так исправны. А еще говорят, что большевики не восстанавливают хозяйства страны. Положительно несправедливо.

VI.

Утром Тэни встала с тяжелой головой и расстроенными нервами. Не выспалась, так как заснула только на рассвете. Все противно, все

раздражает. Такие дни она называла: „день, когда ничто не радует моего сердца".

А, между тем, сегодня, после долгих оттяжек, условились регистрироваться в ЗАГС'е. Итак, она выходит замуж.

С виду все остается попрежнему, то-есть она будет продолжать жить у себя в номере, Хвалынин у себя.

Но только, с виду. Он — муж. Он может остаться у нее когда и сколько захочет, будет иметь на нее права, а она к нему — обязанности. В общем, достаточно все это и сложно, и противно. Каков-то он будет в интимной жизни? Это так важно. Духовная сторона их отношений мало останавливает внимание Тэни.

Вспомнилось, как с первым мужем она вначале искренно страдала от того, что он не хотел уходить из комнаты, когда она раздевалась. Просыпаясь ночью, курил в кровати, чего она окончательно не выносила. А как волновалась она, юная вице-губернаторша, когда делала первый прием у себя дома. Хотя и провинциальное общество, с которым она считалась мало, смотрела на него, как на неизбежный этап в служебной карьере мужа, а все же жутковато было. А первое впечатление, когда муж разделся в ее присутствии, и она увидела его в трико „цвета бедра испуганной нимфы", как он ее уверял. Теперь, пожалуй, такими вещами ее не смутишь. Как все это далеко. Сном каким-то кажется.

Задумчиво сидит Тэни на кровати, свесив ноги на ковер и пальцами стараясь поймать жартьерку, упавшую со стула.

Стук в дверь. Накинув халат, Тэни идет открыть.

Это Хвалынин.

— Я на одну секунду, простите.

Они говорят еще друг другу „Вы".

Тэни недовольно хмурится.

— Так рано, я еще не одета, только что проснулась. В чем дело?

— Нужны ваши документы. Я все приготовлю заранее, чтобы вам там не ожидать,—робко говорит он.

Не все ли равно? Ведь сегодня он здесь будет такой же хозяин, как и она. Часом раньше, часом позже...

— Хорошо входите. — Она отступает вглубь комнаты.

Хвалынин сразу замечает: и брошенное на стуле ее белье, и упавшую розовую жартьерку, и постель, сохранившую еще формы ее тела, а в голове стучит,—„сегодня".

Тэни молча открывает стол и, склонившись над ящиком, ищет нужные бумаги.

Стол—против окна, и на ярком утреннем солнце, сквозь ткань халата, он видит ее всю, совершенно нагую, такую соблазнительную, с высокой грудью, длинными тонкими ногами и спущенной ниже талии пушистой косой.

Нестерпимо, до боли тянет к ней. „Сегодня".

Сегодня — это давно желанное, мучительное в своей недоступности ее тело, а с ним и капризная неуловимая ее душа — будут совсем его.

Совсем ли? Но не нужно об этом думать. Скорее вон из этой комнаты, где все, как отрава, как дурман, туманят мозг и кровь.

— Итак, ровно в час. Да?

— Я аккуратна.

Тэни подает ему бумаги и подставляет лоб для поцелуя. Но разве можно удовлетвориться таким холодным прощанием, когда она так близко? И Хвалынин прижимает свое сокровище к себе и целует, целует без конца нежную шею, открывшуюся грудь.

Сегодня... сегодня...

Возможно ли, что это счастье наступит.

— — —

Яркая луна таинственным светом заливает комнату. Светло так, что, хоть, читай. Хвалынин стоит перед диваном и смотрит на спящую Тэни, смотрит и не может оторваться.

Наконец, его счастье реально. Такое ли оно, как он ожидал? Пожалуй, еще острее, но другое. До мельчайших подробностей видно лицо Тэни.

На подушке темнеют рассыпанные волосы, синие круги утомления оттеняют и еще увеличивают глаза. А на нежной шее темное пятно — след от его исступленного поцелуя. Спустившаяся бретель рубашки открывает круглое, как яблоко,

плечо с крохотной родинкой над самой грудью. На шее вьется, поблескивая, цепочка и крест с выпуклым распятием.

Сегодня, когда он сильно прижал ее к себе, он почувствовал, как этот крест врезался в его тело, причинив ему боль. Если бы он был суеверным, то подумал бы, что это плохое предзнаменование. Да не все ли равно, что будет после, когда сейчас такое упоительное безумие?

Утомленная всеми пережитыми волнениями и его страстью, Тэни спит. Хвалынин спать не может. До сна ли теперь, когда каждый нерв дрожит от возбуждения, когда каждое прикосновение рождает безумное желание?

Несмятая кровать белеет у стены, манит прохладой своих простынь. Туда переносит он осторожно Тэни, боясь потревожить ее сон.

Какой легкой кажется ему его драгоценная ноша. И с'ума сводит это покорное горячее тело.

Однако, будить ее он не смеет. Боится, что, проснувшись, посмотрит на него чужими, холодными и удивленными глазами. Эти глаза он и любит бесконечно, и боится их выражения.

Теперь он может целовать, ласкать ее всю. Между тем, как мало знает он об ее жизни, о ее прошлом. Да и не хочет знать. Зачем? Для него ее жизнь началась со дня их знакомства. Пускай прежде этим телом обладали другие (даже голова кружится от одной мысли), но теперь никто, никогда не смеет ее коснуться. Ревность его — не

чувство собственника. Нет. Это его яркая любовь поднимает ее над всем окружающим, делая недосягаемой.

Во сне Тэни вздыхает прерывисто, как обиженный ребенок после слез. Потом, потянувшись, закидывает руки за голову и снова затихает.

Нет сил больше сдерживаться.

Ее бессознательно чувственная поза, обнаженное тело лишают Хвалынина остатков благоразумия.

Сегодня — его „сегодня".

VII.

В маленькой спальне Марины Михайловны Ольшевской тепло и уютно. Никки чувствует себя здесь хозяином. Полулежа в широком кресле, он рассеянно перебирает звенья браслета, снятого с руки Марины.

Она — на другом кресле играет с пушистым бухарским котенком.

— Согласись, что он очарователен, — говорит она, поднимая котенка и прижимаясь к его рыжей шерсти.

— А, знаешь, ты с ним одной масти, — замечает Никки.

Действительно, выкрашенные хной волосы Марины совсем сливаются с мехом животного. И даже красивые, искусно подведенные глаза блестят, как хризолиты, при свете лампы. Совсем

по-кошачьи. Загнутые ресницы кажутся особенно длинными и густыми, как бархатные оборочки, (тушь настоящая, Дорэновская, не опасно, что растает и запачкает). Никки находит, что вся Марина немного искусственна. Но это ничего, это к ней идет, это ее стиль.

— Слушай, Марина, будь другом, расскажи твои похождения, — вдруг говорит он.

Марина пожимает плечами.

— Какие похождения? Ты с'ума сошел.

— Пожалуйста, расскажи. Ты, ведь, достаточно тактична, чтобы не уверять меня, что я у тебя первый, — не унимается Никки. — Да и кто, посмотрев на тебя, поверит, что до встречи со мной ты была верна своему мужу? Один твой рот чего стоит? Сплошной грех!

Марина возмущена.

— Ты нахал. И я серьезно рассержусь на тебя.

— За что же? Что тут обидного? По-моему, обидней было бы, если тебя никто не пожелал до сих пор. Потому что, мое глубокое убеждение,— верны своим мужьям только те женщины, на которых не нашлось охотника.

— Этого мало. Надо, чтобы и я пожелала.

Никки протяжно свистит и сейчас же спохватывается.

— Прости, ради бога, я не удержался.

Марина, однако, серьезно обижена. Ярко накрашенные губы недовольно сжаты. Но разве

Никки может позволить на себя сердиться? В секунду он уже на ногах, теребит и целует Марину.

— Кайся, кайся, грешница, сознавайся в своих похождениях. Иначе буду щекотать.

— Это что за допросы с пристрастием? Ты не следователь Чека,—полушутя, полусерьезно отбивается она.

Да разве с ним, таким сильным, справишься? Опрокинув ее на диван, он целует и в ухо, и в затылок под шею. Марина, обессиленная не может ни отбиваться, ни кричать.

— Будешь говорить? Будешь?—спрашивает он между поцелуями,

Вся эта возня дает чувствам другое направление. Одной рукой прижимая Марину к себе, другой — Никки нащупывает на стене штепсель. Через секунду в комнате темно.

— Ну, вот до чего доводят такие допросы!— говорит Марина, приводя в порядок прическу перед зеркалом шиффоньера.

Никки спокойно закуривает папироску. Он аккуратен, как обычно. Даже пробор в порядке. Ни один волосок не растрепался, будто все приклеены.

— Вот до чего доводит упорство и нежелание сказать правду!—в тон отвечает он, выпуская дым колечками и рассматривая Марину, стоявшую к нему спиной.

— А у нее, пожалуй, коротковаты ноги. А впрочем, может-быть, эти платья с низкой талией так изменяют фигуру.

Привычным жестом проводит Марина пуховкой по лицу, освежает карандашом губы, душит шею и руки. И снова свеженькая и привлекательная она оборачивается к нему,

— Ну, а теперь, веди себя хорошо, и поговорим.

„Она положительно премилая",— в сотый раз отмечает Никки.—„Одно удовольствие смотреть на нее".

— Иди ко мне, садись сюда,— Никки похлопывает себя по колену.

— Да, ведь, мы хотели серьезно поговорить.

— Это не помешает. Итак, как твои дела с мужем?

— Как всегда, прекрасны. Да, если правду говорить, чего ему не достает? Чем я плохая жена?

— Сказала она, сидя на коленях у любовника,— со смехом доканчивает Никки.

— Смейся, смейся, а между тем это так. Да вот, посуди сам: хозяйка я идеальная (она загнула палец с длинным розовым ногтем)—не отрицаешь?

— Отрицать — было бы лгать, а на это я не способен.

— Допустим. Итак, считай дальше. Стою я, сравнительно, недорого, т.-е. минимум затрат — максимум удовольствия. — Второй палец загибается тоже.—Наконец, самое важное— поддержка связей, нужные знакомства, разве это все не мое? Мог ли бы он без меня составить общество?

Марина хочет загнуть еще один палец и, вдруг, замечает на ногте трещинку. В секунду она у туалета. Озабоченно глядя на палец, работает она тонким напильником.

— Не сломала?—участливо осведомляется Никки.

— Слава богу, спасла. — Облегченно вздыхает Марина, разглядывая ноготь у лампы.

— Закончим наш разговор. Скажу еще, что можно быть идеальной женой, отнюдь не сохраняя Пенелопину верность мужу. Знаешь, как говорят, что для того, чтоб приготовить рагу из зайца, не всегда требуется именно заяц...

— Еще бы. Он иногда с успехом может быть заменен, например, кошкой. Но это, конечно, не à propos. — Со смехом заканчивает Никки.

— Итак, резюмируем: ты — святая, полная достоинств женщина, и мне грешнику, ничтожному человеку досталось счастье пользоваться твоей благосклонностью. Аллах Кериб! За что ты мне это посылаешь?

Никки возводит глаза к небу с лицемерным вздохом.

Ответ Марины прерван телефонным звонком. Нехотя подходит она к трубке.

— Да, я, Ах, это ты? Конечно, одна. Нет, по-моему не стоит, уже поздно. Лень одеваться? Ну, это вздор. Ладно, приходи. Через полчаса.

Трубка повешена.

— Слыхал. Вот и иллюстрация к нашему разговору, — торжествует Марина.

— Итак, я должен эвакуироваться? — спрашивает Никки, с сожалением покидая диван, на котором так хорошо сиделось.

— Хочешь, оставайся. Мог же ты только что прийти.

— Нет, неудобно. Пожалуй, пойду.

— А ты заметь еще один мой талант, — уменье дрессировать мужей. Ведь, без предупреждения домой не приходит.

— Да, вот это нашей Тэни не вредно было бы усвоить для своего коммуниста. — Марина пожимает плечами.

— Ей не пригодится. Она такая добродетельная, что и большевику верна будет.

Ее тон по отношению к его сестре коробит Никки.

— Видишь ли, милая, мне кажется, что это можно скорее ей в заслугу поставить. Это не каждому дано. — Слегка язвительно говорит он.

Марина поднимает брошенную перчатку.

— Мне, например, не дано? — вызывающе говорит она.

— Повидимому, если я имею незаслуженное счастье быть здесь. — Почтительно раскланивается Никки. Но сейчас же, желая сгладить неприятный след, добавляет:

— И очень хорошо, что не все одинаковы. Иначе, так скучно стало бы жить на свете.

Никки прекрасно знает, что, под наружно хорошими отношениями, Тэни и Марина не долюбли-

вают друг друга. Эти приятельницы никогда не пропускают случая подлить яд во взаимные любезности — тонко с'язвить за глаза и в глаза.

— Хорошо, хорошо. Я знаю, что ты всегда вывернешься, и я останусь виноватой, — сердится Марина.

— Совсем нет, ты отлично знаешь, что я тобой „пленен и побежден", как говорил наш лицейский батюшка. А сердиться тебе нельзя — постареешь. А потому, поцелуй меня и я убегаю, — миролюбиво заявляет Никки.

Осторожно, чтобы не расстрепать прическу, она целует протянутые губы.

— Будь здорова.

Почти в дверях он оборачивается.

— Чуть не забыл. Напомни мужу, что завтра в час я жду его по делу.

У Марины от любопытства округляются глаза.

— По какому делу? Я ничего не знаю.

Но у Никки золотое правило, — женщин, без необходимости, посвящать в дела не нужно. Поэтому и Марина знает только то, что велось через нее непосредственно. А были и такие случаи. Дела у Никки обширны: на жалованье не проживешь, надо шевелить мозгами на предмет извлечения из них „комбинаций", могущих дать доход. И ведет он эти свои дела так аккуратно, что даже ревностное ГПУ ни к чему не придерется. Поэтому, на вопрос Марины он делает грациозный поклон.

— Такая хорошенькая головка и — дела. Нет, это так не вяжется, и не я буду виновен, что заставлю ее скучать над серьезными вещами. Прощай, дорогая, телефонируй, сообщай когда увидимся.

Привет рукой и Никки за дверью.

Выйдя на воздух, заложив руки в карман своего плаща, чуть сдвинув назад шляпу, он бодро шагает по тротуару с видом типичного парижского „бульвардье", как всегда, довольный своей жизнью и собой.

Эта жизнь проходит перед ним, как для рыбы жизнь парохода сквозь стекло иллюминатора: подплыла, посмотрела безразличным взглядом, метнула хвостом и поплыла дальше.

Постукивают каблуки по сухому асфальту. Ехать не стоит — вечером полезно пройтись пешком. Дома, на сон грядущий (сегодня он никуда не пойдет), прочесть французский роман или Локка в подлиннике, — это хорошо действует на настроение, выкурить папироску не спеша за чашкой чая с коньяком и потом заснуть со спокойной совестью, что прожил день как следует.

Пускай другие мучаются, не разгибая спины, корпят ночи и получают нищенские оклады. Ему этого не нужно. Его и так ценят. Что ни говори, а надо уметь устроиться. И напрасно жалуются на большевиков,— и с ними жить можно, не переутомляясь и не теряя, однако, своего „достоинства". Только уменье и такт.

VIII.

Ровно за пять минут до прихода минераловодского поезда, Никки на Курском вокзале. Он точен: ни раньше, ни позже. Ни раньше, так как он не по-русски ценит свое время: „time is money". Не позже, так как хорошо воспитанный человек никогда не опаздывает (извинительны только задержки по службе).

Вчера получена телеграмма Тэни. Она с мужем возвращается в Москву. Никки, прекрасный брат, встречает сестру, конечно, с цветами. Тэни весьма чувствительна ко всем этим мелочам внимания. Сегодня Никки познакомится и с новым родственником. Зная Тэни, надо полагать, что он уж не слишком „коричневый". (Под этим названием в доме Лопухиных подразумевались все люди, стоявшие, по их мнению, ниже их или возбуждавшие их смех).

Но Тэни хороша: ни звука не пишет откуда он, какой семьи, каков собой. Ну, да теперь не долго ждать, скоро увидим. Пожалуй, так даже лучше—первое впечатление, без подготовки.

Носильщики, в белых передниках, похожие на елочных дедов, выстроились длинным рядом. Засуетилась какая-то дама, пробежал отчаянно лающий фокс, потерявший хозяина и при всем напряженном ожидании все-таки неожиданно, как паяц из коробки, выскочил из-за поворота поезд,

мчась так быстро, будто не собирался останавливаться.

У перрона он сразу затормозил, мелькнули головы машинистов, высунувшихся по пояс с паровоза, с площадок соскочили кондуктора и поезд, вздрогнув, остановился. Никки, не торопясь, подошел к международному вагону и в рамке опущенного окна сразу увидал сестру в сером дорожном пальто, в шляпе с белым вуалем. Заметив его, она закивала головой и пошла к выходу. Через минуту они рядом. Она целует его щеку, пока он долго и крепко целует ее руки.

— Ну, а муж твой где?

С лица Тэни сбегает оживление и оно становится тревожно-печальным.

— Послушай, Никки, голубчик, а дома как? Меня примут? Ведь, от мама ни слова.

Она оборачивается, ища глазами Хвалынина. Он спокойно стоит в стороне, разговаривая со своим секретарем. Возле дожидается носильщик с чемоданами.

Хотя и занятый разговором, Хвалынин, однако, прекрасно видит встречу брата и сестры и, не желая мешать первым минутам свиданья, не подходит к ним. Поймав взгляд жены и догадавшись, что речь идет о нем, он извиняется перед секретарем.

— Вы, пожалуйста, покажите носильщику куда нести вещи. Подождите меня в автомобиле.—Он быстро направляется к Тэни.

„Да, ведь, он более, чем приличен", — удивленно проносится в голове Никки, когда он видит сухую высокую фигуру с нервным худым лицом, на котором резко темнеют глубокие глаза, умные и сосредоточенные.

С открытой, такой искренней улыбкой, что даже Тэни колеблется, не принять ли ее всерьез (а уж она то знает Никки, как себя!), он протягивает руку Хвалынину.

— Душевно рад. Очень, очень.

Его пожатие так сердечно, что Хвалынин сразу подпадает под его обаяние и, невольно, тоже крепко, жмет руку Никки. А, кроме того, у него есть одно неотъемлемое достоинство—он ее брат.

— Я велел твои вещи отнести в машину. Ведь мы прямо домой?

В тоне Хвалынина ясно слышна просьба. Еще бы, он так мечтает привести ее, наконец, к себе. В Кисловодске они все же жили на разных квартирах, и он не чувствовал ее совсем своей. Тем сильнее было теперь его желание быть с нею без посторонних, в своей интимной обстановке. Не даром он, обычно равнодушный к удобствам жизни, приказал заранее привести квартиру в полный порядок к их приезду. Все для нее, для этой бесконечно желанной и любимой капризницы. Вот и сейчас, разве хоть одну минуту уверен, что она поедет с ним, а не пожелает быть у матери?

Будто угадав его мысли, Тэни морщит тонкие брови.

— Я еду к мама. Ведь ты довезешь меня, Никки? — Берет она брата под руку.

Хвалынин тоже хмурится. Так он и знал. Едва доехали, уже началось. Но Никки, тактичный Никки le charmeur, разве не для того здесь, чтобы спасти положение.

— Тэни, Vous manquez de tacte, ну, разве можно вооружать против семьи с первого момента человека, который еще двадцать раз может пригодиться?

— Вы не беспокойтесь, Дмитрий Константинович, (какое внимание! Еще не был знаком, а имя уже запомнил!) — действительно, моя мать ожидает Тэни, и так как она не совсем здорова, в ее годы это так понятно (легкое пожатие плеч— снисходительность к чужим слабостям), что не могла приехать встретить вас на вокзал. Но, будьте уверены, что к... (он смотрит на часы) к двум часам, не позже, ваша жена в целости и невредимости будет вам доставлена. (Чарующая улыбка, адресованная лично Хвалынину).

Тэни не возражает. Пусть так. Никки — дипломат, найдет всегда выход, чтобы все были довольны. И Хвалынин рад. Пожалуй, так лучше. За это время он сам все осмотрит, все приготовит, чтобы встретить Тэни как подобает. Он хочет, чтобы первое впечатление у нее было как можно лучше. Хочет, чтобы она, наконец, повеселела,

сбросила с себя эту холодную сдержанность, усталое безразличие, в котором она находится со времени их совместной жизни. Будто что-то ее беспрерывно гнетет. А ведь она может быть веселой и живой. Такой он ее впервые узнал, такой полюбил. Даже страсть его, его ласки принимает она снисходительно-спокойно, только изредка, на короткие мгновенья, просыпаясь и загораясь ответно. И тогда, тогда такое счастье, что слепит как июльское солнце, что оп'яняет как запах весеннего леса...

Идут все вместе по бесконечным тоннелям к выходу.

— Берите машину, а я доеду на извозчике, — преллагает Хвалынин.

Но Никки и это предусмотрел. Его ожидает такси. Тэни молча благодарно пожимает его руку.

— К двум я жду? — вопросительно говорит Хвалынин.

— Да, мы будем точны, — успокаивает Никки. Тэни делается, вдруг, жаль этого сильного человека, который при ней делается мягким как воск. Протягивая ему цветы, полученные от брата и улыбаясь, совсем как он (только улыбка и цвет волос у них одинаковы), она говорит:

— Ведь их там есть где поставить в воду.

Хвалынин улыбается. Будто солнышко выглянуло из-за туч и прогрело до самых костей. А Тэни уже в автомобиле, кивая головой, уносится под гудки.

— Послушай, Тэни, да ты прямо молодец. Он более, чем приличен. У него „классный вид", — начинает Никки.

Тэни вздыхает.

— Да что толку во всем этом. Он — коммунист.

— Вздор. Я писал тебе это еще не видя его, а теперь обеими руками подписываюсь и благословляю. Молодец сестричка. Кстати, при мама держись стойко. Не давай сбить себя с позиции. Я, правда, почву достаточно подготовил, но, конечно, мама очень страдает и без легонькой сцены не обойдется.

— Как ее здоровье? — задумчиво спрашивает Тэни, погруженная в свои мысли.

— Прекрасно. Что касается встречи, то, конечно, сама понимаешь, не могло быть и речи о том, что она будет оказывать „аттенции" большевику.

Тэни смеется. Никки прелесть. С ним так легко. Он один умеет так просто говорить о самых скользких вещах.

В задушевной беседе не заметила, как под'ехали к дому. Стучит сердце Тэни, когда, поднявшись по лестнице, звонит она тремя условными звонками. Еще минута, и она в чьих-то об'ятьях. Няня, плача и смеясь, целует ей руки по стариковски, растроганная.

— Няня, миленькая,—с волнением говорит Тэни, целуя чистенькие морщинки на ее щеках, и это

ощущение от прикосновения к ним вызывает сразу образы детства, когда она искала утешения от обид англичанки на этой плоской груди, орашала горькими слезами эти же щеки.

Медленно раздевается Тэни, волнуясь предстоящим свиданием с матерью. Что она скажет? Как ее примет?

Но все вышло, по обыкновению, не так, как ожидали. Даже Никки ошибся. Ни сцен, ни упреков. А просто, когда увидели друг друга, одна— как всегда корректная, в своем синем тальере, с аккуратной волосок к волоску прической, но заметно похудевшая, осунувшаяся, как после болезни (не дешево ей досталось это замужество дочери,), другая — с печальными, ушедшими в себя глазами, со скорбной складкой у рта (разве так выглядят счастливые жены), — обоим стало так нестерпимо жаль друг друга, что понимая все без слов, они смешали свои слезы в одинаковом порыве.

IX.

Хвалынин пьет чай. В одной руке он держит чашку, в другой карандаш. Быстро мелькают его глаза по лежащей перед ним бумаге. Доклад уже перепечатан на машинке, и на нем Хвалынин делает пометки. В пепельнице тлеет папироса, и тоненькой сизой струйкой вьется дымок. Тэни на другом конце стола. Нежные и белые руки лениво намазывают мармелад на поджаренный

хлеб. В чашке стынет кофе. Для Хвалынина это „праздничный" завтрак, так как в будние дни ему не приходится завтракать с женой, встающей поздно. Уже час дня. В синем платье, гладком и прямом она кажется тоньше и моложе обыкновенного. Бледным румянцем розовеют еще сонные щеки, подпертые высоким воротником.

Хвалынин нет-нет, да и взглянет на нее, оторвавшись от своих бумаг. А дело срочное, даже домой взял. Сегодня вечером заседание в Госплане, его доклад, — вопрос боевой и вызовет бурю прений. Нужно быть во всеоружии, приготовиться детально. А иначе, разве оторвал бы он немногие драгоценные минуты пребывания с женой? Вот уже шесть месяцев, как они вместе, а чувство его к ней все также напряженно и остро, как и в первые дни. Правда, здесь в Москве он так занят, что выпадают недели, когда они видятся мельком за обедом, а иногда только поздно ночью, когда он возвращается домой, после бесконечных заседаний, собраний, утомленный, перекурившийся, с напряженными нервами. Но зато какое счастье, возвратившись, найти ее свернувшейся на кровати в клубок по ее обычной манере, будить ее, смотреть, как она, щуря от света заспанные глаза, прячется в подушку. Или тихонько, чтобы не разбудить, лечь возле, чувствовать ее всю такую близкую, доверчиво к нему прижавшуюся и целовать осторожно чистый открытый лоб. Во сне она

ближе и ласковее к нему, чем на яву: ни капризов, ни отчужденности.

— Скажи, а почему не пришел сегодня твой секретарь? — спрашивает Тэни между двумя глотками.

Почти всегда в неслужебные дни Хвалынин приходит к завтраку вместе с секретарем, так как и в это время часто продолжается работа.

— У него сегодня срочные дела. — Отрываясь от бумаг говорит Хвалынин, развевая рукой дым, чтобы лучше видеть лицо Тэни.

— Как это скучно, вечно дела, — морщится она.

В сущности ей это совершенно безразлично, и говорит это она так просто, по привычке сказать что-нибудь ничего незначущее.

— Тебя совсем не видно последние дни.

В душе она, конечно, нисколько не претендует на отсутствие мужа. Даже так лучше. Не то, чтобы он был ей противен, а все же свободнее без него, как-то легче. Но Хвалынин рад, он верит вполне, что жена без него скучает. Лицо его расцветает радостью. Порой его берет ужас перед тем чувством, которым он полон к Тэни. Оно затягивает его все глубже, все больше усложняет его жизнь. Оно вносит такую двойственность в его существование. Он отлично видит, что они разные люди, и что чем дальше, тем глубже рознь. Ей не только не близки, а просто непонятны ни его интересы, ни его работа. Разве тысячу раз в день он не замечает ее враждеб-

ности ко всему, что ему близко и дорого? И почему же он полюбил именно ее, такую? Неужели его кровь все-таки отравлена, зовет его к прежнему, к тому, что было когда-то его прошлым? Да нет же, нет. С тем порвано навек. Ведь совершенно сознательно, хотя и мальчиком еще ушел он из той среды, с которой был связан рождением. Всю жизнь боролся, отдал лучшие годы юности каторге и эмиграции и вот теперь, когда окончательно установился, вылился в определенные формы, сила чувства вовлекает его снова в далекую ему по духу среду. А между тем, это так. Хвалынин прекрасно сознает, как незаметно уклад его жизни меняется, как сам он часто делает то, что беспощадно осудил бы в других.

Ее, жену, пока что он и не пробует переделывать по своему. Чувствует, что бесполезно. Только вызовет раздражение, огорчит ее, а этого он так боится. Исполнять ее малейшие желания— для него такая радость.

Ее жизни попрежнему он почти не знает. Как-то неудобно спросить, что делала, о чем думала в его отсутствие... А сама разве расскажет? Чуть только задаст он какой-нибудь вопрос, вся она уже настороже. Будто боится сказать лишнее. Вот брат ее, Никки, это совсем другое дело. Искренен, хотя цену этой искренности Хвалынин знает уже хорошо, а, главное, весел и мил. Зайдет, поговорит, развеселит, сразу атмосфера легче, жизнь семейная не кажется такой сложной. Даже

взгляды у него на все не те, как у Тэни. Хвалынин считает его хорошим спецом, который дело сделает, но при удобном случае и себя не забудет. Человек умный, и поговорить с ним занятно.

— Скажи, а к вечеру ты будешь свободен?

Белые пальцы нервно сворачивают и разворачивают салфетку.

— А я тебе нужен?—Хвалынин встает и обойдя за стул жены, обнимает ее за плечи и заглядывает ей в лицо.

— Да видишь ли, я хотела... А впрочем, не стоит.

Глаза Тэни на секунду вспыхивают, но сейчас же гаснут.

— Ну, что же, говори.—Настаивает он, отодвигая со лба ее волосы и касаясь его губами.

Тэни делает движение и освобождает голову.

— Нет, так. Ничего особенного.

— А я прошу сказать. Ведь ты знаешь, что для меня наслаждение сделать тебе что-нибудь приятное.

— Приятное для меня?—пожимает Тэни плечами.—Да это вовсе не для меня, а для Марины.

Она смеется, и от этого смеха не по себе Хвалынину. Он придвигает стул и садится рядом.

— Все-таки, я хочу знать в чем дело. Какое отношение могу я иметь к этой даме? Я видел ее всего один раз и то мельком.

— Что не мешало тебе, однако, найти, что у нее слишком модный вид.—Живо перебивает Тэни.

— Для этого не нужно много времени. Ведь это режет глаза.

— Коммунистические глаза, конечно.

Хвалынин хмурится.

— Тэни, помнишь, мы с тобой условились этих тем не касаться.

В голосе его непривычная суровость. Ее тон взорвал его, и он считает, что это надо пресечь в корне.

У Тэни презрительно приподнимается верхняя губа.

— Ради бога. Не только этих тем, но и вообще никаких. Я, действительно, слишком злоупотребляю твоим драгоценным временем государственного человека.

В последнюю фразу вложено достаточно выражения. Тэни с шумом отодвигает стул и поднимается, чтобы уйти, но, удерживая ее за руку, Хвалынин говорит:

— Постой, ну, к чему этот обидный раздраженный тон? Тэни, любимая, неужели мы не можем договориться?

Голос его звучит умоляюще, он старается заглянуть ей в лицо, которое она отворачивает.

— Ведь ты знаешь какой я, знаешь, что другим быть я не могу. Наконец, я был таким и тогда...

Руки Тэни дрожат в его руках.

— Ах, мало ли делается ошибок,—роняет она неожиданно.

Руки Хвалынина сами собой разжимаются, выпуская своих пленниц.

— Ошибок? — медленно и печально произносит он.

Но Тэни уже не сдерживается больше. Нервы расстроены, хочется плакать, а тут такой прекрасный повод.

Быстро, почти бегом, идет она в спальню и там, припав головой к спинке кресла, долго и горько плачет. О чем? Да разве сама она это точно знает?

После ее ухода Хвалынин несколько минут стоит подавленный. Вот оно, началось. Он всегда этого боялся и в то же время не допускал мысли, что это когда-нибудь будет.

Забыт на столе непросмотренный доклад. В голове только одна мысль:

„Неужели не любит, и я ее потеряю".

Эта мысль так ужасна, что надо поскорее в ней разубедиться. Надо видеть ее, Тэни, ощущать ее живую и попрежнему свою. Горечи, обиды, как не бывало.

Только одна жалость, когда увидал ее в первый раз плачущую, да еще из-за него. Надо успокоить, заставить улыбнуться любимый рот. Она, как драгоценный хрусталь: чуть неосторожно возьмешь — сломается и не склеишь.

Вероятно, сильно удивились бы те, кто знал Хвалынина, спокойного, даже сурового, у которого до сих пор почти не было слабостей и уязвимых

мест, в самые ответственные и серьезные минуты сохранявшего хладнокровие, если бы увидели его сейчас растерянным, не умеющим остановить этот поток слез, за каждую из которых он готов по каплям отдать свою кровь. Даже Тэни тронута этим взрывом отчаяния. Да и слез уже нет. Она стихает, усталая, только губы еще вздрагивают от недавней обиды.

Как природа после дождя, освежилась атмосфера в доме Хвалыниных. Тэни дает себя уговорить, милостиво прощает несуществующую обиду, и, когда Хвалынину удается вызвать улыбку на ее лице, мир восстанавливается окончательно.

В сущности, из-за чего все произошло? Да, приглашение Марины. Он хотел знать в чем дело. Марина просит быть обязательно обоих у нее вечером. Не его, конечно, а его служебное положение не может не с'язвить Тэни, уколов одним ударом и мужа и приятельницу. Но она знает, что ему там, среди этой компании, будет не по себе, что он этого не любит, и она поедет лучше одна.

Но разве он может отпустить ее одну и весь вечер томиться без нее, зная как она будет от него далека и телом и еще больше душой? Ведь там ее атмосфера, там она, как рыба в воде. Нет, лучше быть вместе, и самому все видеть. Конечно, он пойдет тоже. Не сразу, попозже, ненадолго если можно, но все-таки пойдет. Домой он Тэни отвезет во всяком случае сам.

— Только, ты знаешь, Дмитрий, я тебя очень прошу быть там не...—она запнулась,— не слишком „советским",—улыбка смягчает просьбу,—а то ты всех там распугаешь, ведь, знаешь, какая там компания будет.

Много ответов вертится на языке, но Хвалынин не хочет нарушить, с таким трудом, восстановленный мир. Да и что толку? Сразу взрослого человека не переделаешь.

Куда легче писать статьи и резолюции о новом быте, чем творить его в собственной семье. А тут еще руки, как нежные стебли, обвиваются вокруг шеи и близко, близко поблескивают зубы между красными полосками губ.

Опять во власти ядовитого дурмана — страсти...

Под окном гудки машины. Подали автомобиль, пора ехать на заседание, а доклад еще не просмотрен.

Ну разве можно работать при таких условиях? Одна надежда досмотреть в дороге.

В последний раз целуя жену, Хвалынин привычным жестом рассовывает по карманам портсигар, спички, собирает в портфель бумагу.

— Так ты, дорогая, меня не жди, я к обеду не буду, а под'еду прямо к Ольшевским. Если с'умею протелефонирую тебе вечером. Да?

— Да. Viel vergnügen—смеется Тэни.

— Уж тут не до vergnügen'ов,—машет рукой Хвалынин, идя в переднюю.

— Все-таки какая у него типичная большевистская походка,—с неудовольствием отмечает Тэни.

Надвинув кепи на глаза, подняв воротник (на улице дождь), с портфелем под мышкой, Хвалынин имеет деловой вид человека, которому не до фасонов. Чуть перешагнул порог квартиры, он уже весь погружен в дела, полон предстоящим заседанием. Смутно, отдаленно проносится в мозгу: „а ведь, сегодня я, пожалуй, раз и навсегда проиграл свою ставку, проявив к Тэни такую слабость".

Но раздумывать некогда, дело не ждет.

Тэни в окно видит, как он одним прыжком в автомобиле, захлопнулась дверца, и он уже погружен в чтение развернутой бумаги.

Тэни сладко потянулась. Целый день впереди, а дела никакого. Дождь, итти не хочется никуда. Надо протелефонировать портнихе, чтобы не опоздала с платьем. У Марины она хочет быть изящно одетой, особенно сегодня, когда она появится там в первый раз после замужества.

Замужество. Все же сложная эта штука, да еще при двух таких антиподах, как она и Хвалынин. Жалеет ли она о том, что сделала? Пожалуй, нет. Не все ли равно? Жизнь вообще скучна, а тут все же что-то новое. Пока-что она не чувствует слишком большой тяготы от того, что он коммунист. Ни в чем он ее не стесняет и не насилует. Но может-быть только пока? Нет, раз он любит ее, как сейчас, она и дальше сумеет настоять на своем, даже без особых усилий.

А чувство его, конечно, не из скоро проходящих. Тэни подходит к зеркалу. „Ведь есть, что любить“,— с удовольствием думает она, глядя на свое изображение. И она не ошибается. Сейчас она в том расцвете привлекательности и очарования, который бывает в жизни каждой более или менее интересной женщины, когда ее очень любят, когда у нее нет материальных забот и когда она вся, как душистый, медоносный цветок, распускается и созревает для того, чтобы отдать свой мед, страсть и сильное чувство.

X.

В гостиной Ольшевских много народу.

Своими близорукими глазами Тэни не может рассмотреть отдельные лица, так как все сливается в одну пеструю разноцветную массу, которая движется и шумит, как вспугнутая стая скворцов.

— Вы одна?—с огорчением спрашивает Марина, которой очень хочется залучить в свой дом Хвалынина. Это полезно во всех отношениях.

— Муж на заседании, он приедет позже,— спокойно говорит Тэни, удивляясь тому, как у нее легко выходит это—„муж“.

Марина Павловна довольна. Все удается.

Начинаются приветствия. Много знакомых, а многих Тэни видит в первый раз. В углу, у окна Никки с кем-то оживленно разговаривает. Он делает несколько шагов ей навстречу и опытным

взглядом знатока оценивает туалет сестры. Мягкий лиловый шелк так выгодно оттеняет белизну открытых рук и нежной тонкой шеи. Ни одного украшения, ни одной лишней складки. Только в маленьких прозрачных ушах, почти открытых вопреки моде, крупные чистые брильянты. Вся она розовато-бледная, будто под белым тонким фарфором зажгли розовую лампу.

Без румянца, с чуть подкрашенными губами и своеобразной прической Тэни кажется такой несовременной, так резко выделяется на общем фоне. В ней видна кровь культивированная многими поколениями. Даже модное платье на ней приобретает совсем особенный вид.

Даже хорошенькая Марина со своими крашеными волосами проигрывает.

Поцеловав руку сестры, Никки говорит:

— Тэни, позволь тебе представить—Юрий Николаевич Салтыков. — Шопотом добавляет: — брат моего товарища по лицею.

Над рукою Тэни склоняется голова с идеальным пробором на, словно лакированных, черных волосах. И когда голова поднялась, Тэни видит красивое лицо с маленькими черными усами над чувственным ртом и, с особенно поразившими ее своим контрастом, громадными, скорбными голубыми глазами, как на древних образах Суздальского письма.

Только секунду смотрят на нее эти глаза, и сейчас же опускаются тяжелые темные веки, будто

их потянули книзу длинные, поразительно густые, ресницы.

Странное чувство стеснения охватывает Тэни. Юрий Салтыков стоит, опершись руками о спинку стула. Рука такая узкая, хищная, с длинными, острыми ногтями.

— А вы давно в Москве? — спрашивает Тэни, опускаясь в кресло.

Как крылья, взметнулись ресницы. Оказывается, нижние такой же длины, как и верхние, и от этого глаза кажутся бездонными.

— Нет, сравнительно недавно. Я был на Кавказе.

Голос приятный, „Р" картавит.

Никки уже нет возле. Он что-то напевает некрасивой, немолодой даме.

Его система проста: каждой женщине отсыпать щедрой рукой кучу любезностей и самых невероятных комплиментов.

— Я ведь и не претендую, чтобы мне верили,— пожимает он плечами, когда его упрекают в бесстыдной лести.—Мне это ничего не стоит, а у нее на целый день настроение хорошее, и обо мне навеки самое лучшее мнение. А хорошее мнение женщины,—тут Никки многозначительно поднимает брови и палец,—это иногда очень важная и полезная вещь.

— Вы прикажете вам что-нибудь принести?— спрашивает Салтыков, почтительно наклоняясь к Тэни и, полуприкрыв глаза, впивается взглядом в ее открытую шею.

„Какая женщина! Вот королевский кусок!"—проносится в его голове.

Тэни, прищурив глаза, смотрит на накрытый чайный стол в углу.

— А что там есть вкусного? Пожалуй мандарин.

Она следит за его движениями и когда берет от него тарелочку, их руки случайно встречаются. Оба невольно вздрагивают, почувствовав ток. У Тэни странное ощущение, точно невидимые нити протягиваются между ним и ею. И все незначительные слова приобретают особенный смысл.

Хвалынин вырвался из заседания часа через два. Заехав домой, чтобы привести себя в надлежащий вид (снова уступка внешним мелочам ради Тэни), корректный и серьезный в темном костюме полувоенного, английского типа с ВЦИК'овским, резко алевшим флажком на борту открытого френча, входит в гостиную в сопровождении Ольшевского, ища глазами хозяйку. Марина уже идет навстречу с протянутыми руками.

— Наконец-то, давно ждем.—Тон ее как со старым другом.—Окончили ваши дела?

Тэни совсем забылась в веселом разговоре. При входе мужа, она вздрагивает от неожиданности и прислушивается к словам приятельниц. Ясно, что Хвалынин сегодня будет „крэком" вечера.

От Юрия не ускользает ее настроение.

— Кто это?—осторожно спрашивает он. Она, предугадав его вопрос, уже встала и идет.

Ей почему-то не хочется сказать, что это муж. Пускай узнает от других.

Хвалынин, никогда невидавший жену в вечернем нарядном туалете, поражен. Так вот чем он владеет! Вот какая она может быть!

Возбужденная интересным разговором, Тэни порозовела, глаза блестят, как будто сквозь воду пропустили солнечный луч, и это любимое тело при ярком освещении, на общем праздничном фоне кажется еще красивее и желаннее.

Хвалынин бледнеет от нахлынувших на него чувств. Если бы мог, сейчас же схватил ее на руки и унес бы далеко отсюда, чтобы на нее никто даже не смотрел.

У Тэни такое чувство, что надо перед всеми собравшимися людьми, психику которых она отлично знает, показать, что она нисколько не стыдится, смело и гордо стоит рядом с ним, чуждым и страшным им большевиком.

И этот, сидящий там в углу, пусть знает, что за нею стоит муж и, что она это подчеркивает перед всеми.

Только бы Хвалынин не сделал какой-нибудь светский „гафф". Нет, этого опасаться нечего. Его тон спокойной снисходительности и равнодушно-рассеянной любезности, как-раз то, что нужно. И встретившись с ним глазами, она взглядом одобряет его.

Настроение делается прекрасным, появляется легкость на душе, все кажутся милыми и занима-

тельными, даже старый юрисконсульт из какого-то треста, который, подсев к ней, разливается в похвалах ей и деятельности ее мужа.

А глаза нет-нет, да и взглянут в ту сторону, где Салтыков, облокотившись на рояль, разговаривает с каким-то толстым человеком, а сам из-под опущенных занавесей-ресниц не выпускает из виду ни одного движения Тэни.

Хвалынин же так окружен, что и взглянуть на нее не может. Как фимиам, вьется перед ним тонкая лесть Марины. И все же душно, не по себе ему среди этих чуждых ему людей с буржуазным складом. Права была Тэни, когда говорила, что ему будет здесь неприятно. Хорошо было бы удрать потихоньку. Куда там, к жене и не пробраться. Да ей, видно, весело,—она ничуть не тяготится. Как он ни старался, но до ужина вырваться не удалось.

За столом Хвалынин сидел рядом с Мариной. Она старательно подливала в его рюмку, несмотря на его протесты.

— Мертвого заставлю со мной выпить, не то что вас.

А Тэни от него вдали за вазой с фруктами, ее не видно.

Она, случайно или нарочно, сидит рядом с Салтыковым. „Токи“ усиливаются. Вино разогревает кровь, радость жизни бьет ключом. И весело, и чуть-чуть страшно: будто собираешься броситься в неизвестную глубокую воду в жаркий день. Вот-

вот, сейчас почувствует свежесть струи на разгоряченном теле: сладостно звучит в ушах голос Юрия. А что говорит — не понимает. Да и он сам, сознает ли что-нибудь окружающее, когда, нагнувшись за упавшей салфеткой, коснулся ее ноги в розовом, как тело, чулке? А поднимая голову, задел щекой за лежавшую на столе ее руку. Только долголетняя муштровка в пажеском корпусе и помогает владеть собой.

Сразу после ужина, несмотря на просьбы хозяев, Хвалынин, сделав знак жене, стал прощаться. Тэни не возражает. Довольно этой сладкой пытки.

Когда они садились в ожидавший их автомобиль, (тоже уступка против всех его правил, — ведь не заставлять же ее итти пешком или бесконечно трястись на извозчике), Салтыков, подсаживавший Тэни, пожал ее руку выше локтя. И к своему удивлению она не возмутилась и не обиделась, будто это было вполне естественно. И едва машина тронулась, Хвалынин, не выдерживая более, привлек Тэни к себе, ища жадными губами ее губы.

И опять, к своему удивлению, Тэни почувствовала такое острое наслаждение от этого поцелуя, как не испытывала раньше.

Уходя одним из последних от Ольшевских, Никки, от внимания которого ничто не ускользало, целуя Марину за портьерой, сказал:

— А ведь Салтыков усердно растапливал сегодня ту печку, на которой мой достойнейший beau-frére сварит свой суп.

XII.

В открытое, несмотря на холодный осенний вечер, окно спальни доносится колокольный звон. Завтра праздник Введения во храм и в церкви, что недалеко от Хвалыниных, торжественное служение. Тэни с детства любит эту всенощную. Какое-то особенное настроение наводит на нее этот звон. Хвалынин сегодня работает дома. Завтра у него ответственное заседание, и нужно подготовиться. За большим письменным столом, при мягком свете низкой лампы, он, погруженный в работу, даже не слышит, как Тэни входит в комнату. На секунду отрывается он от бумаг, ловит ее руку, чтобы привычно поцеловать. С удивлением замечает, что она в пальто.

— Ты уходишь?

— Да.

Из-под спущенных полей шляпы как-то особенно сияют ее глаза.

— Куда? Надолго?

— Ко всенощной.

Голос Тэни звучит спокойно и уверенно. По нервному лицу Хвалынина пробегает тень недовольства.

— Слушай, Тэни, я, ведь, не вмешиваюсь, а надо было бы, в твои религиозные взгляды и верования.

Но есть вещи, которые не следует делать публично, как вызов всем. Мне кажется, что тебе, моей жене, не совсем удобно ходить по церквам, когда я выступаю против религиозных предрассудков, борюсь с этим везде. Да и вообще...

Тэни опускается в кресло перед столом. Лицо ее ярко освещено падающим от лампы светом. Выражение мягкости в глазах изчезает мгновенно. Брови упрямо сдвинуты.

— Вот кстати, — перебивает она, — поставим раз и навсегда точки над „и". Я заявляю тебе совершенно определенно, — моя личная жизнь и поведение никого не касаются. Я не партийная, ею никогда не буду и совершенно не желаю считаться с тем, какое впечатление произведет это на кого бы то ни было. А не нравится — поищи выход.

Она решительно встает.

— Своих убеждений я менять не собираюсь и совестью торговать даже для твоей контрольной комиссии, так как дело видимо в ней, конечно, не буду.

— Тэни, постой, ну что за разговоры, — стараясь сдержаться говорит Хвалынин. — Причем тут контрольная комиссия? Кто тебя заставляет торговать совестью? Но, соединяя свою жизнь с моею, ты, ведь, понимала, что это налагает на тебя известные обязательства.

Но Тэни уже не слушает. В дверях она оборачивается.

— Прости, не расточай перлы своего красноречия, прибереги их для тех, кого ты можешь убедить и с'агитировать. А мне нет времени сейчас, так как я очень спешу.

Светлое пальто исчезает. Хлопает парадная дверь, и через минуту только запах ее духов напоминает о том, что она только что была здесь.

Опять нарушено настроение, трудно сосредоточиться на работе. Хвалынин, подперев руками голову, раздумывает мучительно над создавшимся положением. Что с нею делать? Где найти слова для убеждения? Как выйти из всех этих неурядиц? Ведь жить без нее он положительно не может. При всей своей воле и характере — это его Ахиллесова пята. А между тем и так оставить нельзя, потому что такие сцены все чаще и чаще.

Тэни в это время подходит к церкви. В голове ни малейшего воспоминания о сцене с мужем. Как вышла на свежий воздух, так все и улетучилось. Снова торжественное благодушие и праздник. Со времени вечера у Ольшевских она много думала и размышляла над своим тогдашним душевным состоянием. Она даже не допускала мысли об увлечении Салтыковым. Находила, что все тогдашние переживания были плодом ее расстроенных нервов. А, между тем, бессознательно, она все время думала об Юрии.

В церкви много народа, но Тэни пробралась в боковой предел, к образу Казанской божией матери, который она особенно любила. Не глядя

по сторонам, она несколько раз перекрестилась и погрузилась, если не в молитву, то в то особенное, повышенно-приподнятое настроение, которое вызывают у религиозных и верующих людей зажженные свечи, запах ладана и очень хорошее пение невидимого хора. Священник служит старый, с разбитым дребежащим голосом, как-будто через силу произнося слова.

„Муха в коробочке", — невольно думает Тэни и, устыдившись, снова настраивается на молитвенный лад. Седая дрожащая борода священника как-то особенно жалобно поднимается кверху. Во время пения „хвалите имя господне", когда священник в сопровождении дьякона обходил с каждением все иконы, они подошли и к Тэни. Толстый дьякон в узковатом для его могучих плечей и коротком стихаре, с подстриженными, как у светского человека, волосами, нося перед собою свечу и подпевая густым басом, подошел близко, и свет от его свечи упал на неосвещенный до этого угол. Случайно бросив туда взгляд, Тэни вздрагивает. Там стоит Салтыков. Она ясно различает его профиль, густые ресницы полуопущенных век, белую ниточку пробора, когда он наклоняет голову при каждении в его сторону. Несомненно он видел ее давно, так как она стояла возле паникадила и была все время в полосе света. Этот особенный свет от восковых свечей придает какую-то странную праздничность, и все лица при нем значительно хорошеют. Салтыков ей показался красивее, чем в пер-

вый раз. С того момента, как Тэни его увидала, ее молитвенное настроение мигом исчезало. И хотя она ни разу не взглянула в его сторону, но чувствовала на себе его пристальный взгляд. Теперь ее развлекали и не давали сосредоточиться и перешептывающиеся две дамы, стоявшие рядом, но которых она до сих пор не замечала. Раздражала манера псаломщика, читавшего все слова без передышки, с замираниями голоса, падавшего до шопота и, вдруг, поднимавшегося до резкой высокой ноты с двойными согласными. Они долго резонировали в высоком куполе, будто их отдавали стены и потолок.

Дьякон, во время эктиньи, размашисто крестился, раскачиваясь всем телом и поднимая, и опуская толстый живот, при чем обнажались черные сапоги с рыжими, нечищенными голенищами, так резко дисгармонирующими с парадной голубой парчей стихаря. А особенно противна была старуха, стоявшая как раз перед Тэни, которая беспрерывно шевелила губами и крестилась так, словно хотела пальцами продавить дыры во лбу и груди. А, между тем, старательно выбирала себе сдачу с тарелочки, положивши туда медную монетку.

У Тэни устали ноги, стало душно от свечей и поэтому, когда псаломщик в заношенной лоснящейся рясе, перетянутой кожанным поясом вышел что-то читать, заправив сальные, прямые, как спаржа, волосы за уши и послюнив палец, чтобы переворачивать листы, она стала пробираться к выходу.

У свечного ящика была толпа, и Тэни не могла пройти. В узком проходе у дверей образовалась такая давка, что попавшему в середину приходилось стоять неподвижно, предоставляя себя течению, которое должно было в конце-концов вынести его куда-нибудь.

— Я помогу вам, — услыхала Тэни сзади себя знакомый голос, от которого у нее упало сердце, похолодели руки и вся кровь сбежала с лица.

Горячая рука взяла ее под локоть, и через минуту они были на паперти. С трудом произнося слова, комком застревающие в горле, она говорит:

— Благодарю вас. Я уже думала, что застряну там, как Гоголевский Вий после пения петухов.

Жаркие губы на мгновение приникают к ее холодной руке, которую она ему протягивает. Потом оба останавливаются. Она — чтобы застегнуть перчатки, он — чтобы одеть фуражку. Будто по уговору сходят вместе со ступенек. Он поддерживает ее под руку, прижимая локоть чуть больше, чем нужно. На улице она тихонько освобождает свою руку, и они идут рядом. Первое время молчат. Оба взволнованы, обоим нужно слишком много сказать друг другу, а поэтому не знают как начать.

— Наконец-то я вас увидел! Вы часто бываете в церкви?

Он чуть заглядывает ей под шляпу, чтобы видеть ее глаза.

— А вы разве меня искали?

Ах, совсем не то надо говорить. Что же это с нею?

— Да, искал. Так хотел снова вас видеть, слышать ваш голос, — и еще тише добавляет: — Вы снились мне нынче.

Тэни не спрашивает почему, по какому праву он ей говорит все это, ей, жене другого. Как-будто так надо, так должно быть. И еще быстрее движутся ноги, будто хочет спастись от самой себя. Рука крепко-крепко прижимает к груди сумочку, словно в ней вся защита. Вот и улица, где она живет, вот и дом. Окно кабинета Хвалынина освещено. Значит, дома, ждет ее. Сейчас, сейчас надо проститься, оторваться от волшебного сна. Хотела было пригласить Юрия к себе. Нет, не надо.

— Когда же я вас увижу снова? — как из тумана слышатся его слова.

— Не знаю.

Разве она ответила это „не знаю"? — Совсем чужой голос. Опять губы на ее руке. Даже сквозь перчатку она их чувствует. На мгновение он задерживает ее руку в своей.

— Неужели не увижу?

Ах, трудно отказать, а, между тем, слова вылетают сами собою:

— Не знаю...

Вот она уже в слабо освещенном под'езде. Почти взбежала на первую площадку и без дыхания, с замирающим сердцем, остановилась.

Почему не сказала ему, что завтра, завтра же хочет быть с ним снова? Не побежать ли, не догнать ли? Нет, нельзя...

Вот ее квартира, ее муж, такой близкий и такой бесконечно чужой, далекий. Тэни напрягает всю силу воли и, стряхнув с себя туман очарования, устало поднимается по лестнице. Лицо сразу завяло, постарело. Рот сурово сжат.

Резко нарушая тишину, дребезжит звонок. Хвалынин вздрагивает, как от удара. Она. Он сам бежит открывать ей дверь и, пораженный ее видом, отступает назад.

— Тэни, детка, что с тобой? Ты не больна?

Вся душа сжимается. Неужели это он так расстроил ее своим разговором? Положительно, нет ему извинения. К ней нельзя подходить, как к другим людям. Все, все сделать, чтобы не видеть этих страдающих глаз.

— Прости, моя девочка, я обидел тебя.

Его огромная любовь лишает его чуткости, и он не замечает холодного удивления в глазах жены. Тэни даже не помнит о чем они говорили, о какой обиде идет речь. Устало снимает она пальто и шляпу и, двигаясь, как автомат, садится на диван. Хвалынин возле нее. В руках согревает он холодные ноги, застывшие в тоненьких туфельках на осеннем морозе. С нежной заботливостью приносит ей вино, закутывает в плед.

Самые умные люди способны впадать в преступную слабость и слепоту по отношению к тем,

кого они так сильно любят. И чем тверже человек, чем сдержаннее он был до сих пор, тем сильнее при чувстве у них проявляется эта слабость.

XII.

— Наконец-то вырвался к тебе.

Голос Никки приятно разливается по номеру, в котором живет Салтыков.

— Давно, дорогой, собираюсь, да все некогда. Сам знаешь, какова наша „советская" жизнь.

— Рад тебя видеть. Раздевайся. Что пить будешь? Я сейчас позвоню, — любезно здоровается Юрий, помогая Никки повесить пальто и шляпу.

— Не беспокойся, ради бога, я ничего не хочу. Только что от сестры. Она меня напоила чаем со всеми аксессуарами.

Никки усаживается в кресло и, заложив ногу за ногу, достает портсигар.

— Куришь? — протягивает его Салтыкову.

При имени сестры Юрий настораживается:

— Как ее здоровье? Отчего ее нигде не видно?— и повернувшись к вошедшему на звонок лакею:— Подайте вино и сыр, которые мне всегда подаете. — И обратившись к Никки, — От этого, надеюсь, не откажешься?

Лакей, взметнув салфеткой, исчезает.

Лицо Никки в голубом облаке дыма от папиросы.

— Я к тебе по делу. Пришел звать тебя к обеду по поручению моей матери.—Почтительный поклон

Юрия. — Итак, в субботу к шести. Конечно, совершенно запросто. Кроме своих никого не будет. Я живу на холостом положении, у нас редко кто бывает. Советскому служащему чем скромнее, тем лучше. Чтобы не вызывать разговоров на какие деньги живешь, да кого приглашаешь.

Появление лакея прерывает разговор на несколько минут. Затем Никки продолжает:

— Ну, а ты как живешь? Что делаешь? Как достаешь средства? Насколько я знаю, ты ведь сейчас нигде не служишь?

Юрий пожимает плечами.

— Да, демобилизовался. Пока что присматриваюсь. Крутятся кое-какие дела, комбинации. Со службой не тороплюсь. Все-равно, меня она мало устроит. Брать взятки. Это, конечно, ерунда. Во-первых никто не дает, да и опасно. А платят „они“ очень мало. Впрочем, я себя упрекнуть не могу: как платят, так им и работаю.

Оживившись, Салтыков рассказывает о своих „комбинациях“. В общем, за свою службу у большевиков он не покраснеет: где только можно, вставлял им палки в колеса, обманывал. Потом, внезапно спохватившись:

— Правда ли, что муж твоей сестры видный коммунист?

— Ну так что же? И тем лучше.

Никки нисколько этого не скрывает. Наоборот, это надо приветствовать. Она ведь не изменится,

останется такой же Тэни Лопухиной, а его, Хвалынина, по-своему переделать может.

Осторожно расспрашивает Салтыков о Тэни, о ее жизни, о ее отношениях к мужу, любит ли она его, как он к ней относится? Как может такая женщина, как она жить в таком кругу? Вероятно, у них допускаются одни коммунисты.

Но Никки не расспросишь, он скажет только то, что хочет сказать и что считает полезным. Он отлично понимает, куда гнет Салтыков.

— Отчего, впрочем, бедной сестричке и не развлечься с человеком своего круга? Кто за это ее осудит? Все будет прилично, тихо, так что никто и не узнает. Да, наконец, я не призван охранять супружеские права Хвалынина. Пускай сам смотрит за своим семейным счастьем.

С удовлетворением думает Никки о том, что ему не о чем беспокоиться. Слава богу, такой глупости, как женитьба, он никогда не сделает.

Кстати, о Марине. Юрий может многое ему о ней порассказать, а лишние козыри иметь на руках никогда не помешает.

За стаканом вина так приятно поболтать дружески часок-другой. Юрий вполне джентльмен. Он и вида не подает, что догадывается об отношениях Никки к Марине. Мало ли хорошеньких женщин, которыми бескорыстно интересуешься?

— Однако, пора. Засиделся, — поднимается Никки, только что рассказав последний, совсем свеженький, анекдот. На это он мастер.

— Так в субботу ждем тебя. И Тэни, думаю, заглянет, — как бы нечаянно роняет он, — ее муж куда-то уезжает, и она остается одна.

Смуглые щеки Юрия вспыхивают румянцем. В глазах мгновенно гаснут веселые искорки и, полуприкрыв их веками, он спрашивает искусственно безразличным тоном:

— Надолго?

Сразу в голове десяток планов и предположений. Тэни захватила его окончательно.

Никки грозит лукаво пальцем.

— Не хитри и не рассчитывай. Знаю, о чем ты думаешь, разбойник. — И, не дав Юрию возразить, заканчивает: — Приходи же. А тебя я вполне понимаю. Она хоть и сестра мне, а должен быть справедливым, — женщина завлекательная. Я бы такую не пропустил. — И уже с лестницы: — Ровно в шесть. Не опаздывай. Мы ужасные педанты во времени.

XIII.

В комнате Никки тепло и уютно. После обеда все перешли туда. Марина скромна до последней степени. Даже рыжие волосы как-то потемнели и выглядят совсем настоящими. Еще бы при Варваре Михайловне нужно быть настороже. Как-то неловко делается в ее присутствии и за слишком модное платье, и за свободный, развязный тон. Люди, как Варвара Михайловна, одним своим видом внушают скромность окружающим. Никки—

очаровательный хозяин. Всем весело и приятно, не хочется уходить. Тэни полулежит на широкой тахте, опершись на руку. В другой — дымится тоненькая папироса. Задумчиво смотрят серые глаза и, слушая — не слышат маленькие уши то, что говорит Ольшевский, сидящий в кресле возле нее. Юрий к обеду не приехал, прислав извинительную записку: задержался срочным неотложным делом, просит разрешения прийти, если освободится, попозже. И Тэни невольно прислушивается к каждому звонку, к каждому шуму на лестнице. Никки немножко сердит. Что за дела, в самом деле, что на первое его приглашение, которым он удостаивает очень немногих, Салтыков не считает нужным, бросив все и вся, явиться во время. Следовало бы дать ему это понять, да жаль сестры. Зачем ее лишать развлечения? И так не очень-то у нее счастливый вид со времени ее замужества. А впрочем, Тэни склонна все драматизировать. Уж такой характер. Что касается его, Никки, то на ее месте он великолепно ужился бы с ним. Такта, такта побольше. Это самое существенное. Вот и теперь, что за неуменье владеть собой? Когда он сказал ей, что Салтыков не будет, сразу увяла, поблекла. А пришла, как наэлектризованная. А ее ли не воспитывали? Он не знает и не интересуется, до какой точки дошли их отношения, но приличия и корректность на людях обязательны. Правда, он всегда считал сестру une femme à grande passion,

но и страстями надо уметь управлять. Вот хотя бы Марину в пример взять. Сидит между мужем и любовником и бровью не поведет. Чувствует себя совершенно на месте. И что же? Кроме благодарности и любви, оба они ничего к ней не чувствуют. Даже Варвара Михайловна, ко всем такая строгая и требовательная, всегда охотно ее принимает и любит послушать ее почтительно-веселую болтовню.

По уходе из комнаты Варвары Михайловны разговор заметно оживляется. Вспоминают кое-кого из знакомых, в том числе и Юрия. Тэни настороже. Говорит Марина. Она давно его знает, еще до революции. Избалованный мальчишка, всегда пользовался бешеным успехом у женщин, и знает себе цену. Она, конечно, устояла против его чар: он — не в ее вкусе. (За спиной мужа выразительный взгляд на Никки). Слишком красив, до гадости. Не родись он в таких условиях, непременно был бы альфонсом. Впрочем, в случае неудачи карьеры, это от него никогда не уйдет У Марины злой язык и против Юрия она имеет зуб, за то, что не ответил на сделанные ему авансы.

В передней звонок. Тэни призывает на помощь все свое хладнокровие, так как чувствует, что это он. Салтыков входит красивый и свежий, с смуглым румянцем от мороза, и глаза его встречаются с ее глазами.

— Когда говорят о солнце, видят его лучи, — по-французски приветствует его Марина. — Мы о вас сейчас говорили.

— Если это вы изволили заниматься моей незначительной особой, то, вероятно, пощады мне ждать нечего, — насмешливо отвечает Юрий, здороваясь со всеми.

„Молодец! Так и нужно", — радуется Тэни, которая по тактическим соображениям все время молчала.

— Ты прости,—извиняется Юрий, отходя с Никки в сторону, но так, что Тэни все слышит.—Понимаешь ли, абсолютно не мог. Ведь ясно, что быть у тебя для меня слишком большое удовольствие, чтобы я мог от него отказаться по доброй воле. Разреши мне, принести мои извинения твоей сестре.

Наконец-то он подходит к ней. Как вдруг стало хорошо и светло. Лицо Тэни совсем переменилось. Глаза сияют, хотя она и старается всеми силами потушить их блеск. Снова очарованный круг его близости... Ничего ей больше не надо, только сидеть тут, видеть его возле, слышать его голос, чувствовать на себе его восхищенные взгляды.

Стремительно бегут минуты. Сурово время и бесстрастно. Не задержится, не поторопится ни на секунду, приближая каждым мгновением к неизбежному.

Так неожиданно кажется Тэни, что уже одиннадцать часов, что Ольшевские собираются уходить. Пора и ей, а так не хочется.

— Ты, Юрий, доставишь Тэни до дому?—спрашивает все предугадывающий Никки.—Я не могу: у меня есть срочная работа.

— Само собой разумеется, если Татьяна Александровна разрешит.

На улице Салтыков смело берет Тэни под руку.

— Едем или идем?

— О да, пройтись. Такая прекрасная погода.

Падает крупный, мягкий снег, как пух от цвета тополя. Сквозь тучи выглядывает луна. Как хорошо, так прижавшись друг к другу, подставив щеки ласковому морозу, итти вперед потерянными в этом большом городе...

Снежинки заползают за воротник и, тая от теплоты тела, щекочут тоненькой струйкой по спине. На ресницах Юрия они легли белой пушистой рюшью, и при голубом ночном освещении он выглядит, как Пьеро.

Незнакомое до этого времени чувство робости сковывает его язык.

Трепетное счастье от взаимной близости, как огонек лампады, при малейшем дуновении готово погаснуть. Вот-вот сейчас они дойдут до ее дома и надо будет расстаться. И опять неизвестно когда встретятся вновь, каждый порознь будет томиться и мучиться этой разлукой.

И не спрашивая ее согласия, заранее в нем уверенный, Салтыков сворачивает с Театральной на Петровку.

Окна запертых магазинов ярко освещены. Волшебной гаммой пастельных тонов сиреневого, розового и голубого драпируются и льются крепде-шины в витрине Шелкотреста,— то сплетаясь в причудливые узлы, то распускаясь махровыми звездами. Жадными, полными вожделения глазами смотрят на эти недоступные, упоительные прелести совбарышни из учреждений, мысленно подсчитывая, сколько сверхурочных надо выстукать на Ундервуде, чтобы стать обладательницей нескольких метров этих сокровищ.

Густым басом кричат, расчищая себе дорогу, ночные автобусы. Плотной стеной движется толпа по обе стороны и в обоих направлениях.

Ночная Москва.

Целый час бродят Тэни с Юрием безмолвно по улицам. Не нужно слов, все так понятно... Счастье их велико. Оно, как свежий снег, чисто и девственно, пока страсть своим жарким прикосновением не превратит его в серую массу на мокрой почерневшей земле.

XIV.

За огромным столом служебного кабинета спиной к окну сидит Хвалынин. Солидный чернильный прибор, под толстым стеклом расписание часов приемов и докладов, слева аккуратно сложенные папки с бумагами, телефонный аппарат, груда очиненных карандашей, свежие перья возле чер-

нильницы. Секретарь исполнителен до педантизма и внимательно изучил вкусы и привычки „начальства".

У окна маленький столик, а за ним серенькая девица с жидкими, взбитыми спереди желтыми волосами. С боков они спускаются до воротника „тирбушонами". Это — стенографистка. Хвалынин, для сохранения времени, все бумаги и доклады диктует прямо ей.

Стенографистка давно и безнадежно в него влюблена со всем пылом, на который способны золотушные, анемичные девицы, которым уже несколько лет под-ряд „около тридцати". Сколько бессонных ночей создал он ей одним каким-нибудь ласковым словом, сказанным им в те дни, когда Тэни была с ним особенно мила и нежна и когда от этого все казались ему славными.

Долго тогда ворочается на узкой кровати ее худое тело, с увядшей, не видавшей ласки грудью, и картины одна другой соблазнительнее мутят старо-девическое воображение. На утро, синие круги под водянистыми глазами, нервно вырванные волосы при снятии одетых на ночь папильоток.

А в золотом медальоне, с травянистым хризолитом, на тоненькой цепочке, что вьется по поддельному „валансьену" рубашки и теряется на сухой поблекшей коже, ни больше ни меньше, как кончик от папиросы, которую курил он, Хвалынин. А он и не подозревает, что под вязанным жакетом „баядерка" такого василькового цвета, что глазам

больно, бьется любящее его, полное неудовлетворенных желаний девственное сердце.

Дверь в кабинет Хвалынина открывается, пропуская испуганного секретаря, а сейчас же за ним, отстранив его могучей рукой, входит человек в синей блузе-косоворотке, подпоясанной кавказским ремешком. Сверху серый пиджак. На голове густая шапка темных волос, тронутых ранней сединой.

Издали он протягивает волосатые руки.

— Здравствуй, брат. Вот он не хотел пускать меня к тебе. Говорит, без доклада нельзя. Вот у тебя порядки какие.

Гудит густой бас.

Хвалынин уже вскочил, поспешно идет навстречу.

— Ты! Какими судьбами? На долго ли? Конечно, ко мне, прямо домой.

Сказал и осекся. А Тэни. Как она к этому отнесется. Понравится ли он ей, этот его старый товарищ, рабочий от станка, простой человек, чуждый всяким светским условностям.

— Нет, я тут у товарища одного. Тоже, наш кубанец. А к тебе-то теперь как же. Ты ведь не один.

По лицу Хвалынина пробегает тень. Уже сказали. Удивительно. Как-будто бы его личная, интимная жизнь должна быть мало интересной для посторонних.

Вошедший громко и раскатисто смеется, так что стенографистка от ужаса роняет карандаш.

— Известно, все известно,—и подмигнув шопотом добавляет: — и не очень-то одобряют товарищи. Говорят, что жинка твоя совсем забрала тебя в руки, отдалила от них. А ты ведь прежде всего партиец.

Хвалынин чувствует правоту его слов. Последнее время он и сам замечает, что в партийных кругах им недовольны. А ведь это опасно. Уже и теперь, наверное, на его „вертящейся простыне" в орготделе ЦК есть нежелательные кружки, которые никогда не сотрутся. А для него, идущего по литеру „а", это не особенно приятно. Хвалынин нисколько не удивится, если вызовут его в КК и, как мальчишке, не посмотрев на стаж, сделают соответственное внушение, а то для сближения с массами пошлют работать в какой-нибудь фабзавком. Да еще и из Москвы долой куда-нибудь в рабочий район. В былое время от'езд из Москвы не испугал бы его ничуть. Но теперь, хорош он будет с Тэни где-нибудь в Туле или Иваново-Вознесенске. Как все усложнилось. Какая двойственность. Укоряют его, что оторвался от партийной работы. А разве не правда? Разве прежде не было все его время посвящено только ей? Разве было утомительно, поев на ходу после занятий, выступать с докладом в ячейке, читать лекцию в рабочем клубе, до поздней ночи отвечая на поданные в записках вопросы? А теперь, чуть освободился от текущей работы, каждую свободную минутку летит он домой, к жене. Иной раз

газет не успевает прочесть, только проглядит самое важное. На заседаниях всегда первым за то, чтобы ограничить ораторов во времени.

Радость свидания с товарищем еще по подпольной работе, соучастником многих лет страданий и борьбы отравлена. Нет прежней свободы, легкости в отношениях. Как-будто стена встала между ними. И совсем неинтересными кажутся сообщения: „я, брат, теперь кооператором стал". И длинный перечень, уснащенный цифрами кооперативных подвигов на арене восстановления и оздоровления торговли в стране. А в глаза лезут назойливо руки с грязноватыми, плоскими ногтями на коротких пальцах. Совсем без воодушевления Хвалынин приглашает.

— Так ты, все-таки, заходи ко мне. Жена моя— человек хороший, тебя не с'ест, а товарищам моим она всегда рада.

И самому неловко как фальшиво звучит последняя фраза.

— Ладно, зайду. Потолковать надо.

Снова пожатие, такое, что у Хвалынина еще с минуту после ноют пальцы.

Когда закрывается дверь кабинета, Хвалынин с облегчением вздыхает и, поймав себя на этом, приходит в ужас. Неужели же он, законченный, сложившийся человек, мог внутренно так измениться за какие-нибудь полгода? Неужели тяготит его общество старого товарища? Но некогда останавливаться на этих мыслях. Перед столом уже

выросла склоненная фигура секретаря с грудой бумаг для подписи. Привычным взглядом пробегает их Хвалынин, сразу схватывая самое важное и не тратя времени на словословие. Самопишущая ручка быстро чертит фамилию через всю бумагу, захватывая зачастую внизу и подпись секретаря, что аккуратненько поместилась в уголке, скромненькая и безобидная.

Начинается время приема.

Спокойно и бесстрастно выслушивает Хвалынин доклады, изредка прерывая каким-нибудь замечанием, вопросом. Ничего общего с тем Хвалыниным, которого знает Тэни. С виду кажется, что этого холодно-вежливого и делового человека ничто, кроме работы, интересовать не может.

В промежутках между посетителями стенографистка заносит на бумагу иероглифы с отношениями, ответами, письмами Хвалынина. На их расшифровывании она обычно сидит потом до поздней ночи. За короткое время нужно успеть как можно больше, и Хвалынин не теряет ни секунды. Дома работается плохо. А мысли нет-нет, да и вернутся к тому, что только что его взволновало.

А что если позовут в контрольную комиссию? Надо будет тогда принять бой и бороться за свое счастье. А червячок — сомнение уже нашептывает—счастье ли? Да и что такое счастье? В чем оно? Если в физическом обладании любимой женщины, то оно есть у него и теперь, как и в первые

дни. А если в душевном удовлетворении, в общей любимой работе, взаимном понимании, то его ведь никогда и не было. А тогда, за что же и бороться?

Но надо гнать, прочь гнать эти мысли. Ни к чему они. Только дух мутят. Не в характере Хвалынина сожалеть о сделанном, колебаться. Сделано, ну и ладно.

Поставить точку и не думать.

Так спокойнее...

XV.

Четыре часа дня.

Сквозь густую завесу снега, который, как пух из распоротой перины, сыплет безостановочно с темного нависшего неба, приветно-желтыми маяками блестят огни витрин.

Возле Мосторга, как всегда, толпа. Идут, торопятся, толкают друг друга. Туда, с холодными мокрыми лицами, оттуда — раскрасневшиеся, возбужденные толкотней и покупками, нагруженные свертками и пакетами.

У витрин толпы глазеющих, тех, кто не может потратить трудовые гроши на порой совсем ненужный хлам, что так заманчив при ярком свете электричества за стеклами хитро-убранных полок.

У самого входа, оглушительно выкрикивают мальчишки свои необычайные сообщения о дешевых шпильках-невидимках, или редком случае:

„мыло, вместо рубля, двадцать копеек". Подозрительного вида молодые люди трутся о бока меховых манто и таинственно шепчут о шелковых чулках „паутинка", о заграничных духах, пудре — „недорого". На всю эту картину суеты и движения презрительно-серым профилем смотрит Большой театр. Смотрит и явно не одобряет своим столетним опытом, познавая всю бренность и тщету того, что движет и управляет этой массой.

Тэни терпеть не может Москорга именно за эту сутолоку и духоту. Да разве москвичу без него прожить?

Скрипит тяжелая дверь, пропуская длинную ленту паломниц к священному царству тряпок и парфюмерии. Тэни, увлеченная общим потоком, тоже входит, невольно задерживается взглядом в большом зеркале простенка. Оттуда, из большого воротника, на нее смотрит прямой тонкий нос, с подвижными ноздрями и блестящие глаза, оттененные полями маленькой шляпы. С гладкой, блестящей поверхности ее манто из брейдшванца стекают, скользя, струйки растаявшего снега, оставляя на серых ботах темные пятна. Мокрая от снега перчатка прилипла к руке. Тэни торопливо выбирается из толпы и поворачивает в писчебумажный отдел. Там просторнее и легче дышать. Купив конверты, Тэни, разглядывая по дороге витрины, идет к лестнице, чтобы подняться наверх. На первой площадке она почти вплотную сталкивается с Салтыковым. Оба поражены. Меньше

всего ожидала Тэни встретить его здесь, хотя вся ее жизнь последних дней — сплошное ожидание и трепет. Тэни протягивает обе руки. В этом жесте столько искренности, что всякому ясно, как не безразлична ей эта встреча. А губы по привычке говорят не то, что на сердце.

— А, и вы тут? Что вы тут делаете?

И необыкновенно серьезно звучит его ответ:

— Я так хотел, чтобы вы пришли, и вы пришли.

Руки крепко-крепко сжимают ее мокрые пальчики, и оба замирают, глядя с упоением друг на друга. Первая приходит в себя Тэни, за рукав оттягивая его.

— Отойдем в сторону, мы заняли проход.

Но зачем и вообще так стоять? Можно подняться наверх и там, в ресторане, спокойно посидеть и поговорить. И властная рука уже держит Тэни, и тесно прижавшись друг к другу, они поднимаются по лестнице.

В ресторане — полно. В самом углу, у стены только и свободен один столик. Он совсем в тени. Его не заняла бы мясистая дама в коверкоте,— ей нужно показать свой тысячный соболь и заграничный фетр случайно встретившейся приятельнице и тем расстроить ее на целые сутки. Не подойдет он и деловым людям, за стаканом кофе склонившим черные курчавые головы над столом, что-то с жаром подсчитывающим на бумаге, изредка произнося „доллар“, „валюта“,—им будет темно, и важные цифры могут спутаться.

Нежным румянцем алеют щеки Тэни и ярким — кончики ушей. Юрий рядом, на маленьком диванчике. Не начатые стынут чашки с шоколадом, на тарелке бисквит, чуть надкушенный острыми зубами, невинно выставил свою сухонькую спинку. Мимо летают кельнерши в передниках бабочкой с усталыми глазами и любезной готовностью на накрашенных губах.

Руки Тэни в руках Юрия.

— Простите меня, я знаю, что я безумен, что вы прогоните меня, но я не могу, не хочу больше молчать. Мне кажется, что когда я выскажу вам все, мне станет легче.

Умоляюще смотрят на Тэни скорбные глаза, а руки осторожно снимают с похолодевших пальцев мокрые перчатки. Его голова низко склоняется над ними. Как озябли руки, но он их согреет поцелуями. От его головы пахнет сладковатым запахом „Вэра Виолетта", и так и тянет прикоснуться хоть на секунду к этим блестящим, лакированным волосам, разделенным белой ниточкой пробора. У Тэни замирает душа. Нити, протянувшиеся от него к ней, крепко опутывают ее, и нет сил вырваться. А он между поцелуями говорит:

— Я люблю вас, люблю. Неужели вы не сжалитесь надо мной? Неужели я для вас безразличен?

Все эти такие старые слова кажутся Тэни откровением.

— Что я должна сделать,—с тоской говорит она.

А в уме проносится: ах, уйти, пока не поздно. Разорвать эти путы, что так туго ее оплели. А сил где взять?

— Разве от меня зависит ваш покой?

— Да, да, только от вас.

Пускай даст ему возможность видеть ее одну, даст ему право показать, как безмерно-страстно он любит.

Рука незаметно обвилась вокруг талии и тянет к себе покорное тело. Оба замирают в мучительно-сладостной истоме от этой близости. Последним усилием воли Тэни проясняет сознание. Что она делает? Такое об'ятие среди публики? Это—совсем безумие.

— Сумасшедший человек, как можно себя так вести? Ведь нас могут увидеть.

Голос ее дрожит и срывается.

Что ему до того? Он знает одно—свою любовь к ней. Да, быть-может, это—безумие, да что поделаешь? Человек не волен в своих чувствах. Он не виноват, что она доводит его до такого состояния. Пускай даст возможность увидеть себя без свидетелей, и он ей гарантирует, что на публике он будет олицетворенной скромностью.

Над их головой часы бьют пять. Тэни вздрагивает. Надо домой. Скорее, скорее счет, если он хочет ее провожать. Лихорадочно натягиваются перчатки, застегивается распахнутое манто. Быстро выходят они из ресторана. Юрий сумрачен. За-

чем она так встревожилась опозданием? Зачем так заторопилась? Муж ждет? Такая покорная жена.

На площадке — никого. Вдали на стуле дремлет дежурный пожарный. С бессмысленными улыбками на вишнево-красных губах протягивают коричневые руки восковые модели в модных платьях. Войдя в неосвещенную полосу, между двумя шкапами, как будто их толкала посторонняя сила, Юрий и Тэни поворачиваются друг к другу и в страстном порыве тесно прижимаются в долгом поцелуе, от которого звенит в ушах и перед глазами идут пестрые круги...

Не долог был этот первый, ворованный поцелуй, прерванный проходящими по лестнице людьми. Но несколько минут стояли они безмолвные, ошеломленные, уничтоженные силой пережитого.

Даже выйдя на улицу, Тэни ощущала вкус его мягких губ, пахнущих папиросами и тем же „Вэра Виолетт", что и голова,—вероятно, от усов.

— Не поехать ли покататься? Дорога прекрасная, снежная,— соблазняет Юрий.

Тэни согласна.

Заботливо застегивает Салтыков меховую полость саней и, зайдя с другой стороны, садится. Застоявшийся серый рысак рванул с места, и полетели белые комья из-под копыт.

Крепко, крепко держит Юрий свою милую. Когда же, когда? Пусть она скажет, когда он

увидит ее снова? Пусть не обрекает его на муку неизвестности нового счастья-свиданья.

Рука без перчатки проникает в широкий рукав ее манто и выше, выше добирается до голого тела у локтя, в сгибе. Там трепетные пальцы ласкают так упоительно, что нет сил сопротивляться.

Так вот, в пятницу, вечером она протелефонирует ему, когда и где—точно.

— Согласен?

— Нет, нет. До пятницы слишком долго, он умрет от тоски. Сегодня только вторник.

— Ну, хорошо. Тогда в четверг.

— А почему не завтра?

Ах, нет. Завтра она не может ни в коем случае. Есть серьезные причины. Пусть он верит ей на слово, не требуя об'яснения. Он знает, что она несвободна.

Летят сани по белоснежной дорожке.

Мелькают дома, люди. И когда они в'езжают под темный свод одних из многочисленных московских ворот, Юрий отворачивает концы ее высокого воротника и, подбородком касаясь его намокшего от снега края, снова находит ее губы ...

И многочисленные благонамеренные москвичи, шедшие в этот вечер по одной из улиц, были искренно возмущены картиной, которая представилась их глазам,—целующаяся пара при полном освещении на улице.

Вероятно, придя домой, где за самоваром ждет дородная супруга, похрустывая моссельпро-

мовскими баранками с недорогим чаем, какой-нибудь серьезный бухгалтер, возвращавшийся со службы и обалдевший от составления годового отчета, искренно попенял на падение нравов.

И долго еще будет он скрипеть пружинами супружеской кровати, когда ляжет спать возле жены в мадеполамовой рубашке с меткой крестиком и не то с отвращением, не то с завистью вспоминать промчавшихся мимо безумцев, которым ни до кого нет дела в упоении страсти.

И пресной покажется ему, быть-может, его ровная, серо-достаточная жизнь между длинным рядом цифр, преферансом по сотой и несколькими бутылками русской горькой, распитой с приятелями под закуску из чайной колбасы и овощных консервов, тридцать копеек коробка. А потом, ночью, изученная до мелочей в каждом слове и движении супружеская страсть и спокойный сон, как после сделанного, скучного, но обязательного дела, с легким похрапыванием законной половины под боком.

XVI.

Весь день Тэни в приподнятом возбужденном настроении. Все складывалось, как она хотела. С утра забежал Никки сказать, что есть ложа в оперетку, что будут она, Марина, Юрий и он. Никки просит, чтобы в театр она приехала одна, так как ему придется привозить Марину, Юрию

же заезжать за ней безусловно неудобно. Ее муж, вероятно, не будет в претензии, что не приглашен. Было бы просто преступно отрывать его столь нужное время для таких пустяков. Так пускай она ему и передаст, если он ее об этом спросит.

Из всякого скользкого положения Никки всегда найдет отменно-тактичный выход.

Вечером Хвалынин, приготовляясь итти на собрание своей ячейки, удивлен и обрадован настроением Тэни. Давно он не слыхал такого веселого смеха. Давно не была она с ним так кокетливо-любезна.

Изредка у Тэни замрет сердце от томительного щемящего чувства, как бывало в институте на экзамене, когда та что по алфавиту перед нею уже оканчивает билет, вот-вот раздастся роковое „садитесь" и назовут фамилию Лопухиной. Это странное чувство, порой доходящее до тошноты, будто что-то обрывается и падает в груди, всякий раз охватывает Тэни, когда она думает о сегодняшнем вечере и о том, что будет после. И такой ужас отражается в ее глазах, как-будто она видит прямо перед собой надвигающуюся, низбежную и страшную опасность.

С самого утра Хвалынин был в отвратительном настроении. Неприятности и об'яснения, касающиеся его семейной жизни, которых он давно ожидал, дрязги и грызня внутри аппарата, о которых он узнал сегодня. Наконец, гибель на аэроплане одного

из его старых товарищей по работе (известие о ней принесло вечернее радио). К тому же, стенографистка проявляла сегодня такую беспримерную тупость и смотрела на него при этом такими собачье-преданными глазами, что он не выдержал, возвысил голос, хотя делал это чрезвычайно редко, и даже пригрозил ей увольнением, если она и дальше будет так работать.

А тут еще, накануне вечером, он снова крупно поговорил с Тэни, в тоне которой было столько озлобленности, столько непримиримой вражды, что ему стало жутко. Кроме того, смущали его ее глаза в тот памятный вечер, когда она вернулась после катанья с Салтыковым. Смущали, главным образом, тем, что он не понимал их выражения, но инстинктом чувствовал, что где-то собирается над ним опасность, которую он не в силах предотвратить. После ссоры они не примирились, хотя бы внешне, как бывало обычно, а отчужденность увеличивалась все больше. Поэтому, вернувшись сегодня домой и без того расстроенный, он ожидал найти ее замкнутой и недовольной, едва поддерживающей незначительный разговор при прислуге и угрюмо замолкавшей, лишь только они оставались вдвоем.

Однако, против ожидания она встретила его приветливой, веселой, милой, будто ничего не случилось. Хвалынин чрезвычайно обрадовался этой перемене, и на душе у него посветлело. Тэни с большим сочувствием отнеслась к смерти его

товарища, внимательно расспрашивала все подробности. Искренно смеялась и вышучивала бедную стенографистку. Наконец, даже сделала несколько дельных и тонких замечаний по поводу интриг, о которых ей сказал вскользь Хвалынин. При этом не позволила себе ни одной, даже самой незначительной шпильки по адресу „правящей партии", как она всегда это делала. Хвалынин окончательно растаял и в сотый раз нашел, что эта женщина — редкое сокровище. Вплоть до его ухода, весь вечер, они просидели у него в кабинете, на диване, дружески болтая и смеясь, как в былые дни их знакомства. Тэни была неисчерпаемо остоумна и разговорчива, грызла какие-то конфекты. Он лежал на диване, положив ей на колени голову. Ее белые пальцы шутливо водили по его губам и подбородку, закрывали и открывали веки его глаз. Все это делалось с такой осторожностью, что не было ни боли, ни неприятного ощущения.

Однако, как ни хорошо лежать, а итти все же надо.

Нежно, долго целует Хвалынин руки жены, потом оба глаза, лоб, хочет поцеловать губы, но они ускользают.

— Не надо. Опоздаешь, — шепчут эти неуловимые губы.

Да, да. Она права. Потом еще труднее уйти. Какой магнит в ней, что не оторвешься.

Тэни смотрит на часы. Скорей, скорей пусть уходит. Ей надо одеваться в театр, ему — на собрание.

Дверь захлопнулась за Хвалыниным. Наконец то!

Тэни в одну секунду в ванной. С шумом льется в белую эмаль голубоватая, чистая вода. Тэни откручивает оба крана до отказа. „Скорее, скорее лейся". Ванна еще до половины не наполнилась, а уж торопливой рукой влит сосновый экстракт, и в опаловую воду скользит ее тело.

Какое удовольствие отдать себя ласке теплой струи...

Но наслаждаться некогда. Быть-может, бессознательно тело стремится, спешит к другим знойным ласкам, неизведанным еще...

Быстро розовеет белый скользкий фарфор тела от мохнатой простыни. Скорее... Так мало времени, что некогда полюбоваться перед большим зеркалом новым гарнитуром белья, только-что полученным из Парижа. Скользит шелк чулка и так приятно охватывает тонкую щиколотку, не делая ни одной складочки. Ласковый, как перчатка, туфель нигде не жмет, сидит безупречно. Черное платье, с глубоким вырезом сзади и совсем без рукавов, будто наклеено на фигуре. А только расстегни плечики, соскользнет на пол.

Волосы идеально легли и особенно блестят в мягких ondulations спереди и тяжелом узле сзади. На шее нитка жемчуга, ровная, матовая, зерно к зерну. И сама Тэни, как драгоценная жемчужина на черном бархате футляра.

Сумочка, палантин, лорнет. Кажется все. Торопливо, проливая духи на пол, душит она шею и руки. Скорее ехать.

Однако, как ни торопилась, а опоздала. Он, наверное, ее ждет. Ну, что же, пускай подождет. Тем сильнее радость свиданья.

Быстро мчат сани закутанную в мех Тэни. Мчат к счастью иль к несчастью? Что-то будет? Покорная судьбе, она не станет сопротивляться неизбежному, что созрело в сердце.

Щурясь от яркого света, Тэни вошла в ложу. Только-что окончился первый акт вечно юной „Сильвы".

Завернутая в белоснежный горностай, Тэни кажется холодной, как тот снег, что сахаром искрится на улице.

Марина стоит у барьера спиной к залу. Рядом с ней Никки, в углу Салтыков. Она его не столько видит, сколько чувствует.

— Невозможная женщина, почему опоздали? Юрий Николаевич тут без вас окончательно истомился, — смеется Марина, пожимая руку Тэни и одним взглядом рассматривая ее платье.

— Опять новое и опять очаровательное.

— Les beaux restes, — чуть пожимает плечами Тэни. — Переделано из парижского платья, которому, кажется, сто лет.

Тэни садится на приготовленный ей стул, за которым стоит Юрий. Они еще не обменялись ни одним словом, но оба полны друг другом. При-

двинув коробку, стоящую на барьере ложи, Тэни, склонившись, выбирает конфекты. Как сладостно чувствовать Юрия за собой и так близко, что если прислониться к спинке стула, можно плечом коснуться его пальцев, которые оплелись вокруг резной решетки.

Непринужденно болтают Тэни, Марина и Никки о всяких пустяках. Только Никки умеет так создать нужную атмосферу. Целый сундук воспоминаний, давно отживших свое время, но интересных для них.

Очаровательная Тэни, вы на родной почве.

Поднятый занавес прерывает разговоры. Близко придвигает Юрий свой стул к стулу Тэни. Она чувствует его дыхание на своей обнаженной спине. Он не видит сцены. Перед ним, в острой раме выреза белеет ее спина и в самом низу, возле левой лопатки, родинка, как зернышко спелого яблока. Как удержаться, чтобы не коснуться губами холодной свежести тела. И улучив минуту, Юрий склоняется, и как бы мимоходом, целует атласистую кожу. Только вздрогнуло под его губами круглое плечо, но не повернулась голова. И смелее и дольше снова впиваются губы. Нет, так нельзя. Тэни оборачивается. Укоризненно смотрят серые глаза, а губы улыбаются. На сцене такая страстная призывающая музыка, хотя тысячи раз слышанная, но всегда волнующая. Даже корректный Никки, незаметно концами усов щекочет шею Марины под самыми волосами. А она,

словно кошка, которую почесали за ухом,— поеживается, нежится, вот-вот замурлычет.

В последнем антракте Никки предлагает ехать куда-нибудь ужинать. Нет, Тэни не может. Ей надо домой. Ну, а если Тэни не поедет, то и Марина, конечно, нет. Честно спать, и никаких ужинов. „Спишь, не грешишь, денег не тратишь и здоровье сохраняешь", — резюмирует Никки.

Последний акт вдруг кажется Тэни скучным. А Юрий тут как тут. Ну, стоит ли его смотреть, лучше проехаться по воздуху. Осторожно, чтобы не нашуметь, поднимаются оба, тихонько прощаются с компанией и, чуть скрипнув дверью, исчезают.

В коридоре тихо. Дремлют у вешалки усталые капельдинеры, охраняя чужие шубы. Чинно внизу, задками к наруже, дамские ботики, мужские галоши—вот-вот зашагают.

Тэни и Юрий быстро одеваются. У под'езда такси. Пригнув голову, входят в его каретку Тэни, за нею Юрий.

Салтыков говорит что-то шоферу, но что— она не слышит.

Порывисто привлекает ее к себе Юрий и уже смело, как по праву, целует.

— Милая, милая. Как я люблю! — шепчут губы между поцелуями. Еще не смеет он сказать ей „ты", но и „вы" уже кажется слишком далеким.

Она вся трепещет и дрожит.

— Куда мы едем?

— Ко мне. Ведь можно?

Не дожидаясь ответа, зажимает отказ поцелуем.

Машина останавливается. Приехали. У под'езда швейцар, в секунду подбежав к автомобилю почтительно высаживает Тэни.

Будто сама собой открылась тяжелая стеклянная дверь, пропуская ее в вестибюль. С смешанным чувством любопытства и стыда поднимается она по лестнице. Ей кажется, что все смотрят и все понимают. И швейцар, и портье внизу, и спускающийся сверху штатский, что так внимательно оглядел ее через пенснэ, и даже обернулся, как она увидала в зеркале первой площадки.

Один этаж, другой. Наконец, повернули с площадки по коридору.

Юрий вынимает ключ с круглым номерком. При свете лампы Тэни ясно может прочитать 72 и невольно, по привычке (она страшно суеверна), складывает цифры: 7 плюс 2 равняется 9. Это хорошо, это к счастью. Щелкает замок, дверь открыта. Пропустив ее вперед, Юрий входит и, закрыв дверь, не зажигая света, привлекает ее к себе, грудь к груди и долго, долго целует в губы Горячие руки уж сбрасывают шубу с плечей, ищу спины и груди.

Как до боли хорошо это об'ятие, в котором капля по капле уходит вся воля, все сознание...

Одно беспредельное, сладкое томление...

На полу, по дороге к дивану брошена шуба, белой лентой вьется горностай. Потерянная, в стре-

мительном порыве, туфелька поблескивает лаком кожи при свете, который льется с улицы в незавешанное шторой окно. Еще дальше, зацепившись о ручку кресла, блестит сумочка, беспомощно открыв рот и показывая белый язычок платочек и голубой глазок—эмалевую крышечку пудреницы. У самого дивана, брошенная второпях, меховая куртка Юрия.

С равнодушием нубийского палача тикают часы на руке Юрия под головой Тэни и, склонившись низко смотрит он ей в глаза, смотрит и не насмотрится..

— Милая, милая...

Никаких других слов не может он сейчас припомнить: слишком остро переживание. Слишком еще ненасытно удовлетворенное желание.

Тэни кажется, что сильно стучат не часы, а ее сердце.

Вот они милые, скорбные глаза, в которых она так ясно читает.

Сколько времени они лежат так, который час? Все спуталось в отуманенных головах. Осторожно вытягивает Юрий руку и, поднеся ее под свет, старается разглядеть циферблат. Но сама Тэни, подняв голову от подушки, видит, что уже больше двух часов.

— Боже мой! Когда же это сделалось?— вырывается у нее нелепая фраза.

И обоим смешно. Надо зажечь свет, привести себя в порядок. Как неприятно-ярко светит элек-

тричество, беспощадно залезая во все углы и закоулки.

Из зеркала на Тэни глядит совсем чужое лицо, бледное, измученное. Только губы, даже без помады, красны, как кровь. Нагибаясь, Юрий собирает разбросанные вещи.

Скорее одеваться и домой.

Одетая, с поднятым воротником, дожидает она его. Смотрит на комнату, где он живет, на его вещи, его постель. Смотрит, но не видит. Ни одной сознательной мысли в голове, только инстинктивно понимает, что пора домой.

Хвалынин, вернувшись с собрания около двенадцати часов ночи в ожидании Тэни садится за работу. Надо написать статью в газету, которую ждут от него вот уже третий день.

Увлекшись работой, он не замечает времени. Наконец окончил. Взглянул на часы. Половина второго. Тревога кольнула сердце. Что же это значит? Так поздно, а жены нет. Не может быть, чтобы в театре не окончили? Рука тянется к телефону. Нужно позвонить. Он слышит, как длительно звонит телефонистка, безрезультатно.

„Там, повидимому, никого нет. Не отвечают".— Слышит он ее голос.

Хвалынин открывает книгу. Тревога все растет, не дает сосредоточиться на читаемом. Он подождет еще полчаса и поедет ее искать. Куда? Не к Ольшевским же? Он знает, что Марина была

вместе с Тэни. Это будет бестактно. Может-быть, ужинает у матери? И позвонить нельзя, у них нет телефона. Где же она может быть? Не случилось ли чего? Нет, дали бы знать.

Хвалынин не может сидеть на месте. Беспокойно ходит он из угла в угол по диагонали кабинета.

Вот уже и два пробило в столовой, а по его часам скоро половина третьего.

Трррр... Резко звонит звонок в ночной тишине. Наконец-то! На пороге Тэни. Веселая, улыбающаяся, розовая от мороза.

— Ты ждал? Вот глупенький! Не сердишься, надеюсь. Я тебе все об'ясню. Тэни сама удивлена, как естественно звучит ее голос. Слова льются сами собой. И подставляя для поцелуя щеки, на которых еще горят поцелуи другого, она добавляет:

— Устала я адски, и скучно мне было — невероятно.

С лица, и в самом деле, сбегают краски мороза и оно будто линяет. Возбуждение, в котором она была все время, падает.

— А все же где ты была? Ведь не из театра сейчас?

— Конечно, нет. Эта Марина вечно что-нибудь выдумает. Вот беспокойная душа! Затеяла ехать ужинать в какой-то подвал. („Надо Марину предупредить, а то может выйти неаккуратно", — проносится в голове Тэни). И вот, в подвале заказали этот глупейший шашлык. Ты знаешь, я вообще

терпеть не могу всех этих восточных угощений. Помнишь, как однажды, в Кисловодске мы с тобой завтракали в таком духане? Ты тогда еще очень меня любил.

Тэни говорит, говорит без умолка. Остановиться нельзя — можно себя выдать.

— Разве теперь я люблю тебя меньше? Ведь сама знаешь, что неправда.

Но Тэни перебивает:

— И я осталась голодной. Ужасно есть хочу. Ты будешь милым, принесешь мне какой-нибудь сандвич. К чаю, наверное, что-нибудь готовили.

В самом деле, Тэни чувствует голод. Да и пока он будет ходить в столовую, она сможет немножко собраться с мыслями. Сидя в кресле возле туалета, Хвалынин смотрит, как Тэни причесывается на ночь. На стекле стола — сандвич. Она откусит кусочек, положит, заплетет немного свою длинную косу, снова откусит, снова заплетет. Закончив, Тэни сладко тянется.

— А теперь спать, спать. Как я устала! Только голову до подушки донесу и усну, — предупреждает она Хвалынина, чтобы он не пытался ей мешать.

Да он и не будет. Он любит ее настолько, что ее покой — выше его желаний, и хотя бы он сгорал на медленном огне неудовлетворенной страсти, ни за что не нарушит ее сон, не потревожит усталого тела.

Тэни в кровати. Закрыла глаза, делает вид, что спит. Хвалынин заснул, о чем Тэни узнает

сейчас же по его ровному дыханию. Приподнявшись на локте, при свете ночника, рассматривает она лицо мужа.

Итак, только-что она ему изменила.

„Из-ме-ни-ла" — размеренно повторяет Тэни несколько раз под-ряд. Что же она чувствует? Тэни старается поискать в себе раскаяние, сожаление.

Ничего.

Муж кажется совсем чужим и далеким, а близким тот, который заставил раскрыться и благоухать сокровенную медоносную чашечку цветка ее—тела.

Она обманула мужа. Это только начало, а впереди вереница таких обманов.

Вся жизнь из них... Да что думать, что заранее мучиться?..

И крепко закрыв глаза, стиснув руками подушку, Тэни припоминает во всех подробностях только-что пережитое. А в ушах звенят последние слова Юрия:

— Так завтра в семь, смотри же, приходи, я буду ждать. Придешь, не обманешь?

Да где же обмануть, когда, едва расставшись, уже не дождется этого желанного „завтра".

XVII.

Жизнь Хвалыниных, по крайней мере, с виду, шла попрежнему. Он так же много работал и также мало знал, что делала Тэни в его отсутствие. Безгранично ей веря и будучи чрезвычайно прямым и честным человеком, он не допу-

скал и мысли о возможности унизить ее и себя какими-либо расспросами по этому поводу.

Жизнь Тэни теперь резко разделилась на две части. С Юрием она виделась по несколько раз в день на улице, в магазинах, у него.

С Хвалыниным ее отношения были прекрасны. Она была слишком счастлива. Поэтому на долю Хвалынина обильно перепадали куски „с барского стола", которыми он, не зная большего, был вполне удовлетворен. Неприятности его тоже, более или менее, уладились и, поглощенный усиленной работой, он ничего не замечал и был счастлив.

То, чего он боялся, а именно „Лопухинского засилья", как он называл, на деле не оказалось. У них бывал только Никки и то чрезвычайно редко. А со времени своей связи с Салтыковым Тэни всегда и везде старалась бывать одна, и ему не приходилось вращаться в том кругу, который был ему органически противен. Не зная истинных причин, он был благодарен жене за это.

Как-то некоторые из его товарищей высказали настойчивое желание познакомиться с его женой.

— Прячешь ее за семью замками! — дразнили они.

К его удивлению, его сообщение о том, что он хочет позвать кое-кого из своих, Тэни встретила совершенно спокойно. Ее ждал в условленном месте Юрий и ей некогда было вступать в лишние разговоры.

Ну, что же? Пригласил, так и ладно. Ведь он хозяин у себя. Только пускай за день скажет, особенно, если к обеду. Ах, не к обеду, вечером? Ну, так и лучше. Зови, бога ради, кого хочешь!

День был назначен. С утра, отдав нужные распоряжения и позвав Никки на помощь (пускай займет хорошенько „этих людей"), Тэни спешит к маникюрше. Там ее должен найти Юрий. Она скажет ему, что, как не грустно, а вечером они не увидятся. Вот этого осложнения она не учла, давая мужу так легкомысленно свое согласие? Что же делать? Надо терпеть.

В парикмахерской, как всегда, полно. В кабинках дамы с обернутыми в бумагу головами (после краски хной), в клеенчатых пелеринках, сушат волосы. В этом уборе они похожи на средневековых колдуний. За столиками, уставленными флаконами с различными сортами лаков от нежно-розового до темно-карминного, с целым набором ножниц, пилочек, ножей, совсем, как у хирурга, склонились завитые головы двух маникюрш. Жаркий воздух насыщен запахом духов, эфира, грушевой эссенции, гретых щипцов. И гул голосов, как гудение пчел над цветами в знойный день.

Очередь Тэни заказана по телефону, и она не ждет. Юрия еще нет. Отдав пальто служителю и придвинув стул за столиком, Тэни протягивает руки. Внимательно, священнодействуя, пересматривает маникюрша каждый палец и после обычного „короче делать не будем" — начинает работу. Опу-

стив подпиленные ногти в чашку с горячей водой, Тэни мечтательно смотрит в окно. Ей не хочется разговаривать. Рядом с ней сидит артистка, которая не закрывает ни на мунуту своих до того ярко выкрашенных губ, что они кажутся свежей кровавой раной на набеленном подбородке. За пять минут соседства Тэни узнает все тайны и интриги того театра, где она работает.

— Я никогда не думала, что здесь, в Москве, такие гадкие люди, не дают ходу талантам. Я служила в Одессе, в Харькове и нигде ничего подобного.

Маникюрша равнодушно соглашается. За целый день она наслушается столько, что уж не в силах реагировать ни на какие откровенности.

— Слушайте, скажите, по-моему, мне было лучше, когда я была шатенкой. Сейчас слишком ярко и будет неестественно! — слышится умоляющий голос из кабинки.

А в ответ гудит парикмахерский бас:

— Напрасно, мадам, очень идет и даже очень естественно. Натуральное золото!

Тэни улыбается. Сколько раз она это слышит. И особенно потешно выходит это у какой-нибудь современной модницы с оплывшим лицом, как-будто по нем проехал тяжелый каток, сплюснув и придавив все черты. И вот именно она-то желает иметь венецианский оттенок. Несчастные парикмахеры! Сколько греха берут они на себя, соблазняя неустойчивую душу какой-нибудь почтенной

матери трех детей, толкая ее на эту безбожно-рыжую прическу с открытым аршинным лбом.

Долго потом, со смесью наслаждения и ужаса, будет смотреть она на себя в зеркало и, пугаясь, не узнавать. А парикмахер что? Сделал одну чучелом, не посчитавшись ни с возрастом, ни с положением, за другую принялся. Обесцветит пергидролем в pendant к судачьим глазам, жиденькие волосы и доволен. Приобрел жертву надолго, так как такие волосы потребуют и окраски белесых бровей и ресниц. А за ресницами и маникюр потребуется.

Входная дверь скрипит. Наверное, Юрий? Конечно, он. Одним взглядом осмотрел парикмахерскую — сразу нашел Тэни. Интимным жестом, но осторожно, чтобы не размазать сохнущий лак на растопыренных пальчиках, целует руку. Чуть косит на артистку, которая сразу вся подтянулась, как кавалерийский конь при звуках трубы. Приветливый кивок маникюрше с покровительственным „как дела" и снова целует руку, но повыше кисти.

— Ты давно здесь? Я опоздал. Меня задержали.

А глазами всю целует. Придвинув стул, садится ближе.

Обращаясь к маникюрше: „Не помешаю?".

А затем к Тэни по-английски:

— Слушай, поторопи ее. Поедем ко мне. Хорошо? А то до вечера так долго. Тэни отрицательно качает головой.

— Сегодня вечером я у тебя не буду.

Жмурятся густые брови Юрия.

— Почему? Что случилось?— подозрительно спрашивает он.

— Ничего особенного, а просто у нас сегодня гости, и я не могу уйти.

— Кто?— еще подозрительнее звучит вопрос.

Юрий до невероятия ревнив, и Тэни, хотя и не подает повода, все же у него под строгим контролем.

— Успокойся,—товарищи мужа. Я их увижу в первый раз. Вероятно, „ирокезы" какие-нибудь. Я даже позвала Никки на подмогу, а то боюсь, что одна не выдержу.

— Значит, будет „хождение в народ". Бедняжечка, я тебя жалею. А все же, нельзя ли тебе как-нибудь удрать. Ведь это такая публика, что ты их только стеснять будешь.

— Увы, нет. Это абсолютно невозможно. Даже думать нечего. Что поделаешь? Надо покориться, иначе нельзя было.

Вторая рука покрытая лаком, высохла. Готово, можно итти. Сунув под салфетку деньги (не беспокойтесь о сдаче), Тэни одевается. Кивнув головой на прощанье, оба выходят на улицу. После духоты парикмахерской особенно опьяняющим и свежим кажется им весенний воздух. Март в этом году очень теплый. Снег почти везде стаял, а где не стаял,— счистили. И так радостно и светло на душе от ласкового солнышка, которое так дружелюбно посматривает с бледно-голубого неба.

Тэни прижимается к Юрию.

— Ах, Юрочка, как хорошо жить! Правда?

— Когда ты со мной, — соглашается он, — а вот сегодня вечером, когда тебя не будет, что я буду делать?

Нет, нельзя так любить, как он ее любит. Он знает, она на такое чувство, конечно, не способна. Он для нее только пустое развлечение, не больше.

Тэни искренно возмущена. Да за кого же он ее принимает? Неужели он думает, что для нее привычно такое положение, что она пошла бы на этот унизительный обман, если бы не было такого сильного чувства, которое заставило ее забыть все на свете?

Конечно, он пошутил. Он знает, что она чудная, идеальная и что он ее недостоин. Потому-то он и мучится иногда сомнением, что она не может его любить.

Такие разговоры у них довольно часты, и хотя в душе Юрий, конечно, ничего подобного не думает, но говорит это так, на всякий случай. Иногда, это не мешает.

И уже ничем больше не омрачается их весеннее настроение, пока они доходят до его гостиницы.

Но зайти она не может, у нее еще много дела, а если пойдет к нему, то задержится.

— Как? Не хочешь прийти вечером и днем отказываешься? Да где же это видано такая несправедливость? Ты хочешь довести меня до отчая-

ния. Да если так, то завтра найдешь холодный труп, так как я умру от тоски.

И не дожидаясь ответа, Юрий уже открывает перед Тэни дверь.

Что с ним поделаешь? Беда вся в том, что Тэни не в силах ему отказать, особенно когда так умоляюще смотрят печальные глаза.

XVIII.

У Хвалыниных вечер.

Тэни, хотя и с немного рассеянной любезностью, все же очаровательна.

И Хвалынин видит, что она производит на товарищей хорошее впечатление.

Еще накануне, когда Тэни говорила с Никки об этом предполагаемом вечере, он сказал:

— Ты их побольше расспрашивай о ссылке и об их прежней подпольной работе. Это их слабое место. Даже твой муж, уж на что человек крепкий, а и тот мякнет.

Сам Никки, впрочем, везде чувствует себя прекрасно. Вообще, он всегда себя считал человеком „либеральным", идущим за веком. Если бы не его чисто физическое отвращение к „плебсу", он бы, наверное, так или иначе, проявил себя в активной работе по укреплению советской власти.

Да и притом, всякий народ имеет то правительство, которого он сам стоит. А поэтому, нечего теперь валить все беды на коммунистов. Мы-то, интеллигенция, тоже хороши! И большевики тысячу

раз правы, обращаясь с нами так. Чего же лучшего мы заслуживаем, если себя так поставили?

В душе, конечно, Никки не считает себя принадлежащим к этой „интеллигенции". Для него, как монархиста по убеждению (его либерализм с этим легко уживается), все власти равны, если нет монархии. Он даже предпочитает советскую: по крайней мере, не шляпствуют и не угощают миндальными пирожными, как кадеты и меньшевики.

С великолепной улыбкой умиления слушает Тэни, как ее сосед, не молодой отец близнецов-октябрят, рассказывает ей все интересные только для него подробности. Нужды нет, что она их никогда не видала и, даст бог, никогда и не увидит. Она так мастерски разыгрывает свою роль „жены их товарища-партийца", сердечной и простой женщины, что никто не заподозрит ее в притворстве.

Только изредка бросит взгляд на Никки, загорятся глаза веселым огоньком и сейчас же снова серьезна.

— Вот вы так счастливы, право, имея таких прекрасных пупсов. Мы с Дмитрием так любим малышей. Вы их непременно должны к нам привести, — убеждает Тэни.

А самой весело. Мысленно представляет себе, как завтра она обо всем расскажет Юрию, подметив, со свойственным ей даром, все смешное. И как они над этим „по-королевски" позабавятся.

— Я пью за их здоровье и желаю им быть такими же героями революции, как их отец, —

говорит Тэни, поднимая бокал и указывая на орден красного знамени у своего собеседника.

„Кажется не промахнулась!" — думает она, глядя как расцвело его лицо с сабельным шрамом через всю щеку,—казак под Краснодаром полоснул.

А самой невольно приходит в голову, что, если бы он знал, что не дальше, как вчера, ее, жену Хвалынина, такого видного политического работника, спрашивала знакомая бывшая генеральша:

— Вы там среди „них" вращаетесь, не слыхали, скоро ли кончится советская власть? Ведь говорят, что вопрос интервенции — вопрос дней, и многие из видных большевиков уже удирают за границу, — и спрашивала совсем серьезно, надеясь на скорое возвращение сына — дроздовца.

Точь-в-точь, как во время войны расспрашивали раненых офицеров: „вы там, на фронте больше знаете, ну, скоро ли окончится эта противная война?"

И смешно, и досадно. Живя с Хвалыниным, Тэни невольно начинала понимать всю нелепость того, во что верила еще так недавно.

Она, например, уже знала, что не все коммунисты—секретные агенты, что при допросах не применяются штыки, что большевики не получают все даром из магазинов и, что признание России Англией и Францией не есть сплошная выдумка газет.

Читая эмигрантскую прессу (Хвалынин часто приносил заграничные газеты), Тэни находила,

что сидящие там совершенно не понимают теперешней жизни.

В простом темном платье (хоть в рабочей аудитории выступай, не смутишь никого) Тэни — сама скромность. Внимательная хозяйка — всем найдет сказать что-нибудь приятное.

Хвалынин не может не оценить ее такт и уменье.

Надо было уже давно ввести ее в свой круг, она бы в нем прекрасно освоилась, и многих неприятных минут не пришлось бы им переживать. Нервная и восприимчивая она так быстро поддается влиянию.

Сосед Тэни с другой стороны — человек, бывавший за границей и прежде, и теперь. С ним у Тэни неисчерпаемые темы: воспоминания о тех местах, где оба были. Тут Тэни оживляется уже искренно.

— Нет, нет, вы должны мне это подробно рассказать. Как к нам относятся? Неужели же вы настоящие дипломаты?

Собеседник улыбается.

— А вы думаете, что дипломаты это только те, которые во фраках и моноклях ездят в каретах, или сидят на дипломатических обедах в посольствах, имея за каждым стулом по лакею? Этому научиться несложно. Потруднее кое-что другое.

В разговор вмешивается подошедший Никки.

— Вы правы, я знал в прежнее время одного типа (еще бы, собственный двоюродный брат), который загубил себе всю карьеру, уронив на первом официальном обеде свой монокль в тарелку с супом.

Все смеются.

А Тэни уже в другом конце комнаты. Хвалынин не видит ее. Но до него явственно доносятся ее слова.

— Нет, нет, вы меня в этом не убедите. Так перерабатываться нельзя. Вы сами должны понимать, что ваша жизнь принадлежит государству, что расходуя свое здоровье так, как это делаете вы, вы совершаете преступление.

— Так-то оно так, да некогда об этом думать. Дело не ждет, милая хозяюшка, жизнь уходит. Надо еще многое успеть доделать нам, старикам, чтобы тем, кто придет нам на смену, было легче, — слышится в ответ.

Хвалынин улыбается. Не знал он за женой таких талантов красноречия. Через минуту Тэни входит в его кабинет. Веселая, с разгоревшимися глазами.

— Ну, доволен мной? — тихонько спрашивает она, проходя мимо и направляясь к шкафу с книгами.

Хвалынин нежно и любовно пожимает ее руку. Еще бы! А что ей нужно в шкафу?

Дело в том, что среди гостей автор одной из книг, которая недавно случайно попалась в руки Тэни. Теперь она развивает эту тему подробно. Обладая блестящей памятью, на лету схватив целые фразы, она ими удачно оперирует, введя в заблуждение даже самого автора. Теперь они заспорили по поводу одного места, и Тэни для подкрепления решила принести всю книгу.

— Ну вот, видите, кто был прав? — торжествует Тэни, найдя нужную фразу.

— „И когда она успела все выштудировать?— думает Хвалынин. — Значит, интересуется, учится".

Когда, проводив последнего гостя, Хвалынин подошел к Тэни и спросил ее:

— Ну, как твое впечатление?

Она чуть повела плечами и ответила:

— Послушай, почему этот толстый человек с орденом говорит „ногамы и рукамы", и потом все они невероятно жмут руку.

XIX.

Вернувшись в гостиницу после обычной встречи с Тэни, Салтыков долго не мог заснуть. Лежа одетый на кровати, он курил папиросу за папиросой. В ушах еще звучали обрывки фраз, сказанных ею, даже интонации ее голоса он различал, будто она была возле. Всякий раз, при расставании он испытывал одно и то же: всегда казалось, что они виделись одну секунду и абсолютно ничего не успели друг другу сказать из того важного и нужного, что так прекрасно вспоминалось за время разлуки.

Салтыков чувствовал полную ненужность для него всего, что не входило в узкий замкнутый круг их отношений. Его раздражало то, что у нее была еще отдельная от него жизнь, муж, интересы. Незаметно для него самого яркая вспышка превратилась в длительное и сильное пламя, которое

начинало его мучить и беспокоить. Он, гордившийся до сих пор тем, что ни одна женщина не могла его достаточно сильно к себе привязать и что любую в любую минуту он мог бросить без сожаления, — теперь совершенно не представлял себе жизни без Тэни, без ее близости. Не задумываясь, во что выльются в дальнейшем их отношения, он наслаждался настоящим счастьем, которое так легко ему досталось.

Положив руки под голову, сощурив глаза, смотрит Юрий на сиреневое облачко дыма от папиросы, которое лениво отделилось колечком и медленно расплывается в вышине в едва заметную дымку.

В открытое окно свежей струей тянет мягкий холодок весенней северной ночи, — ясной и прозрачной, как южная осень.

В дверь легкий стук. С неудовольствием отрывается Юрий от своих мыслей, которые довел уже до ясности и почти полной иллюзии настоящей близости, и потягиваясь идет открывать дверь.

— Тэни, ты!

В дверях смущенная Тэни и от этого особенно для него милая и привлекательная.

Быстро закрыта дверь, и нежно целуя похолодевшее от воздуха лицо, он увлекает ее к кровати, еще сохранившей теплоту его тела.

— Ты не ждал меня? Я не во-время? Ты спал? Я помешала? — слегка отстраняясь от него, говорит она.

— Я думал о тебе, ждал тебя, моя чудная, любимая. Ну, раздевайся, давай пальто. Какая умница, что пришла.

— Нет, нет. Я на одну минутку. Хотела посмотреть, что ты без меня делаешь.

— Проверка, недоверие? Ну, что же, удовлетворена теперь, что в твоем отсутствии я такой же твой раб, как и при тебе?

— Не то. Просто мужа нет дома и так сильно захотела увидеть тебя снова, хотя бы на минутку, что вот сразу решила и приехала. А знаешь, шла к тебе и боялась. Вдруг у тебя кто-нибудь из приятелей? Ну что бы тогда было?

— Все вздор. Ничего бы и не было. И не все ли равно, что будут думать о нас другие, если мы счастливы? А ведь ты счастлива, скажи?

Откинув ее на подушки, он, склонившись, смотрит ей в глаза.

— Пусти, сумасшедший, шляпа...

— Сними ее.

— Не могу, я сейчас все равно ухожу.

— Ну что же шляпа мне не помешает. Все равно не пущу.

Сильные руки сжимают так, что не пошевелишься. Еще ни одна из тех женщин, которыми обладал Юрий (а их было очень много), не наполняла его так всецело, не возбуждала так мгновенно одним взглядом, случайным прикосновением, как Тэни. И вместо успокоения это усиливается с каждым свиданием. Ее страсть, как волшебное озеро:

чем больше пьешь, тем больше пить хочется. Какие-то тайные, схороненные на дне души инстинкты будит ее близость. Умоляющее „пусти“ только разжигает.

Нет, не пустит он ее больше никуда. Пускай здесь остается и будь, что будет. Надоело ему это счастье урывками. Надоело делить ее с мужем. Безраздельно хочет владеть он ею.

В голосе его раздражение, повелительность.

Так еще никто не говорил с нею. И вечный инстинкт женщины-рабы, счастье которой в полном подчинении более сильному мужчине, заставляет ее покорно перенести и этот оскорбительный тон и грубые, почти насильственные ласки.

Стук в дверь. Настойчивый и властный. Тэни вздрагивает в об'ятьях Юрия. На лице такой ужас, что и он на секунду теряет выдержку, но сейчас же овладевает собой.

— Успокойся, дверь заперта, и пока ты у меня, я никому не открою.

Потом спокойно подходит к двери.

— Кто там?

За дверьми голос Никки. Ему нужен Юрий на два слова, по делу.

Пусть Никки его извинит, он не может принять его у себя. Он спустится в ресторан сию минуту, только приведет себя в порядок, так как он уже в постели.

Но Никки не может ждать, да и дело терпит до утра.

— Завтра рано, до службы, заеду к тебе, а пока будь здоров. В другой раз не укладывайся спать с петухами.

Последние слова звучат явной насмешкой. Никки немножко рассержен.

В том, что Юрий не один, он не сомневается. Но если это Тэни, то все же неосторожно и неблагоразумно. Неужели нельзя так обставить, чтобы ей не бывать на его холостой квартире, да еще в гостинице. Ведь наладил же он свои дела с Мариной и так, что комар носа не подточит, а „подточит—так отскочит", как говорил их бывший деревенский управляющий.

Обернувшись назад, Юрий видит Тэни, уткнувшуюся лицом в платок и по вздрагивающим плечам догадывается, что она плачет.

— Тэни, голубушка, о чем? Я обидел, или слишком взволновалась? Но от чего же? Ведь знаешь, что нечего бояться.

Тихонько отводит он руки от заплаканного лица. Оно похоже теперь на цветок шиповника, обильно орошенный утренней росой.

Просто у нее нервы не в порядке, последнее время она себя так плохо чувствует.

Слезы еще дрожат в голосе.

Вполне понятно, что она взволновалась. Этот стук, такой неожиданный. И притом Никки, наверное, догадался обо всем. Ей это очень неприятно. В общем, жизнь тяжела и сложна, и ей надоело жить.

С тревогой смотрит Юрий на расстроенное лицо Тэни. А ведь, правда, она плохо выглядит. Что с нею? Здорова ли? Быть-может, есть у нее какие-нибудь неприятности, о которых она не хочет говорить?

Устало качает головой.

— Ничего особенного нет, а так, все противно. Не обращай внимания, пройдет.

И вялы и безжизненны ее движения, когда она одевается, чтобы уходить.

Она хочет домой. Напрасно приезжала.

Нельзя пить никогда до дна: всегда можно глотнуть осадок.

И болезненное раздражение поднимается в ней против всего света, а особенно против Юрия, так как он виновник унизительного положения, в котором она только-что была.

XX.

Давно уже Тэни и Юрий мечтают провести вместе всю ночь. Да все не удается. Тэни не может вырваться из дому, не возбудив подозрений.

Накануне первого мая Хвалынин сообщил жене, что с вечера уедет куда-то в подшефное село на автомобиле и, не заезжая домой, поедет затем на празднование.

Поэтому, когда затихли гудки увозившей его машины, Тэни торопливо собралась и весело, чувствуя себя школьницей на каникулах, отправилась к Салтыкову.

Какое блаженство. Совсем свободна. Никуда не надо спешить, ни о ком не беспокоиться, никто не ожидает.

Веселая, с горящими глазами и щеками, поднялась она по знакомой лестнице мимо уже знающего ее швейцара и без стука вошла в комнату.

Такой оживленной Юрий давно ее не видал. Все расстройство нервов, раздражительность и тревога последних дней слетели с нее, как пух с одуванчика.

Они весело поужинали вдвоем, и все казалось таким прекрасным: и лакей, перепутавший заказ и принесший сосиски вместо камбалы, и внезапно потухшее электричество, которое так же внезапно зажглось и даже, облитая, убежавшим из бутылки нарзаном, сумка Тэни.

Сидя потом на окне, они смотрели на блещущую таинственными огнями Москву, которая принарядилась для завтрашнего празднества.

Прямо против них, на черном фоне ночного неба вырисовывался огненный контур Колонного Дома Союзов. Кровавым заревом рдели широкие буквы, из которых четко выходило „1-е МАЯ". Над всем этим вверху, упираясь светлым бликом в черный небосвод, как символ, алел красный кремлевский флаг, чуть шевелящийся от мягкого ночного ветерка.

— Юрочка, посмотри, все же красиво, — говорит Тэни, любуясь панорамой и теснее прижимаясь к Салтыкову.

— Брось, что хорошего? Безобразие и наглость! — пожимает он плечами.

— Нет, но все же это красиво, — настаивает Тэни.

— Прости, но ты становишься форменной большевичкой, — язвительно отвечает Юрий, отнимая руку, которой обнимал ее за талию, — это все на тебя влияет твой муж, вероятно.

— Слушай, милый друг, — резко поворачивается Тэни, — мы с тобой раз и навсегда условимся о моем муже никогда не говорить.

Она возмущена. Сама она может осуждать мужа как угодно, но другим тронуть не позволит. Ведь он „ее" муж, этого довольно.

— Как прикажешь, — сухо отвечает Юрий и замолкает.

Настроение нарушено, у обоих досада в сердце. У нее на него — за бестактность, у него на нее — за защиту мужа.

Но стоит ли долго предаваться дурному чувству, когда минуты свидания так коротки, когда встречи, как сегодняшняя, так редки...

. . . . . .

Тэни проснулась от мощных звуков нескольких оркестров, игравших почти под их окнами.

С удивлением оглянулась она на незнакомую обстановку, силясь вспомнить, где она и как сюда попала. Повернувшись, увидала рядом на подушке дорогую ей голову Юрия, со спутавшимся пробором, сомкнутыми веками. Он крепко спал. С неж-

ностью Тэни поцеловала прекрасные глаза, отвела осторожно волосы с гладкого лба и чуть коснулась его губами.

Какое редкое наслаждение испытывала она, проснувшись рядом с любимым, чувствуя его совсем своим, полной собственностью, телом и душой.

Как ни осторожен поцелуй, но затрепетали ресницы, и с легким вздохом открывает Салтыков глаза.

Удивленным взглядом встречается Юрий с полным любви взглядом Тэни. Потянувшись к ней и целуя нежную грудь, прижимается к ней горячей щекой.

— Давно проснулась? Отчего не разбудила раньше?

Долог и нежен ответный поцелуй.

— Не-зачем и будить было, сам от музыки проснулся.

— Ах да, ведь сегодня первое мая. Праздник всемирного плебса, — тянет он, и счастливое выражение сбегает с его лица. — Как это все скучно! Изволь целый день слушать эту очаровательную мелодию, — он прислушивается к звукам Интернационала, — да еще и жизнь замирает на весь день: ни театра, ни автобуса. Даже пообедать негде, рестораны закрыты.

Потянувшись с ленивой гримасой, Юрий снова опускается на подушки, привлекая к себе Тэни.

— Только и остается, что лежать весь день в кровати, чтобы не видеть всю эту мерзость.

Но Тэни тихонько освобождается из его рук.

Увы, ей надо вставать. Как бы там ни было, а нужно домой. Муж может вернуться, и хотя она и мало считается с ним, но приличие соблюсти нужно. Мало ли что может быть?

— Да брось, пренебреги. К тому же ты и не пройдешь сейчас, ведь не пускают, — убеждает Салтыков, привычной рукой нащупывая на ночном столике папиросы и спички.

Но Тэни стоит на своем. Ей нужно одеваться. И вывернувшись из его об'ятий, она одним движением соскакивает с кровати. Подбежав к окну, распахивает обе рамы.

Мощной волной влилась струя звуков.

В коротенькой прозрачной рубашке, с распущенными по плечам волосами, забыв о своем костюме, Тэни уперлась руками в подоконник и смотрит вниз, на площадь, где беспрерывной лентой тянутся войска к Иверским воротам. Салтыков зажимает уши подушкой.

— Ради бога, закрой! Неужели тебе не противно слушать эту гадость? Не надоело смотреть на их физиономии?

— Нет, не надоело и непротивно, — не оборачиваясь роняет Тэни, и в голосе ее звучит нотка враждебности.

Что в самом деле за вздор? Это глупое закрывание глаз на действительность, как-будто советская власть может погибнуть от того, что они на нее не посмотрят. Наоборот, надо смотреть,

надо сознательно отдавать себе отчет в их силе и количестве, а не убаюкивать себя мыслями, что Красная армия — миф, что коммунистов ничтожная кучка, а остальное — наемная банда, как уверены многие.

Опершись на руку, Салтыков насмешливо слушает Тэни.

Нет, ее положительно испортили. Ведь еще немного, и она найдет, что большевики — прекрасная власть. Впрочем, иначе ей и говорить нельзя в виду положения ее мужа. Но, конечно, он не сомневается, что она с ним согласна.

Отойдя от окна, Тэни присаживается на кровать. Глаза ее гневно горят.

— И очень ошибаешься. Я думаю то, что говорю, а ты...

Вероятно, она хочет сказать что-нибудь резкое.

Но Салтыков ее не слушает. Не все ли равно, в конце-концов, кто из них прав? Ведь не для политических споров они вместе? Пускай большевики идеальные люди, пускай вся жизнь в советской России — рай, он со всем согласен, если она его любит.

Побежденная такой логикой, Тэни склоняется к нему в долгом поцелуе.

И в самом деле, о чем волноваться, к чему убеждать его, когда ласки так страстны, так мимолетно счастье взаимной близости.

Что ей большевики, муж, своя семейная жизнь? То — серые будни, а это — яркий праздник, светлый и прекрасный, как это майское утро...

Но уйти Тэни, действительно, скоро не удается. Снова оба они у окна.

Пестрой лентой тянутся отряды пионеров в красных галстуках. За ними, как поле маков, запестрели красные „майки" циклистов. Потом целый отряд зеленых „маек". В порядке, без суеты движутся все в одном направлении, стягиваясь к Красной площади.

И невольно вырывается у Салтыкова:

— А ведь надо отдать справедливость, армию они создали. И физическое воспитание детей тоже хорошо поставлено.

Тэни кивает головой.

Вот она это говорила, а он уверял, что это не армия, а сброд.

И долго с тоской и душевной болью смотрят оба на эту картину, которая, как будто по заказу, развертывается перед их глазами.

Вдруг резким движением Салтыков отстраняет Тэни от окна.

В чем дело? Близорукие глаза ее не могут различить того, что видит зоркий Юрий. Внизу, из под'езда его гостиницы выходит Хвалынин вместе с делегацией английских работниц.

Мощно и стройно звучит многотысячное „ура" при виде выходящих. С энтузиазмом машут в воздухе шапками и платками. Секунда—и они в автомобиле двинулись туда же, куда льются эти бесконечные людские потоки.

— Видишь, как я был прав, что не пустил тебя. Столкнулась бы нос к носу с мужем, — укоризненно говорит Юрий.

— Вот пустяки! Ну, и столкнулась бы. Сумела бы выпутаться, — беспечно пожимает плечами Тэни.

— В таком случае надо отдать честь твоей изобретательности. А, может-быть, это просто практика? — дразнит Юрий.

— Не говори гадостей, — зажимает она его рот душистой теплой ладонью.—Я ведь у тебя в гостях.

Почтительно склоняется Юрий. Она права, как всегда.

Но Тэни уже не слушает. Теперь надо пользоваться моментом и живо домой.

Пускай он ее не провожает, она уйдет незаметно. А там, на улице, она тоже проберется. Ведь, в крайнем случае, в сумочке есть ее удостоверение. Хоть для чего-нибудь пригодится быть женою коммуниста.

XXI.

Последнее время характер Тэни резко изменился к худшему. Беспричинная раздражительность, частые слезы, капризы и резкость приводили Хвалынина порой в отчаяние.

В то время, как Салтыков видал Тэни только в хорошие минуты, на долю мужа выпадала вся черная сторона их жизни. Но любя ее, он всегда находил ей оправдание и только жалел, нисколько не сердясь.

Причины же нервности Тэни были две. Во-первых, она начинала тяготиться атмосферой вечной лжи, в которой находилась и которой не ощущала так резко в первые моменты туманного опьянения. Вторая и самая главная — она подозревала, что беременна.

Эта мысль ее так угнетала, что она совершенно вышла из колеи. То надеялась, что это плод ее расстроенного воображения, тогда веселела и делалась похожей на прежнюю. То видела, что по всем признакам это несомненно, и впадала в полное отчаяние.

Ни мужу, ни Юрию она об этом не говорила. Последний, впрочем, догадывался, но Хвалынин был от этого далек.

По слабости характера Тэни оттягивала свой визит к доктору, боясь правды, хотя и уверенная в ней. Не дождавшись ее об'яснения, Салтыков заговорил с нею об этом первый и мягко, но настойчиво потребовал окончательного выяснения. Тэни упиралась, что это дела не изменит, что, наконец, это его касаться не может, но все же покорилась.

Визит к врачу был для нее сплошным мучением и физическим, и моральным. Ожидая в его приемной своей очереди (Юрий пожелал ее проводить и ходил по улице, возле дома), она с тоской смотрела на нескольких пациенток, ожидавших как и она, и доверчиво, хотя виделись в первый раз, рассказывавших друг другу интимные недуги.

Дверь кабинета растворилась, пропустив красно-щекую молодую девушку в пестрой повязочке с заплаканными глазами и пылающим лицом.

— Бедная, наверное то же, что и со мной, — невольно думает Тэни, глядя как девушка дрожащими руками собирает со стула свои вещи: вязанный жакет, шарфик и зонтик, которые она оставила, идя в кабинет.

Очередь Тэни — четвертая. Она сердилась, что приходилось ждать, а когда ей надо было итти, готова была уступить свое место.

Доктор седоватый с бородкой и жидкими усами, с маленькими черными глазками на мясистом лице, сидел за столом. Он безмолвно указал Тэни кресло перед ним, продолжая что-то записывать в большой книге, изредка взглядывая на нее поверх золотого пенснэ. Потом спокойно отложил в сторону перо, сложил на животе белые пухлые руки, на которых резко синели вены, и сказал:

— Я вас слушаю.

Тэни, волнуясь и сбиваясь (не помогла и светская выдержка), сказала причину своего визита. Доктор снова что-то записывал, изредка задавая вопросы. Затем спросил:

— Ваша фамилия?

Тэни секунду колебалась. Как удобнее назваться? Впрочем, не все ли равно, так надоела эта вечная ложь.

Узнав ее фамилию, доктор стал заметно любезнее.

Тэни покраснела, как-будто ее уличили в чем постыдном. Ей казалось, что доктор прекрасно понимает и знает ее истинное положение. И, посмотрев, сейчас же догадается о ее связи с Салтыковым. Поэтому, когда доктор, отойдя к умывальнику, стал тщательно мыть щеткой руки, видимо довольный, что в числе его пациенток — жена Хвалынина, и сказал:

— Ну-с, посмотрим вас.

Она невольно ответила:

— Доктор, нельзя ли без этого?

Доктор засмеялся раскатисто, на всю комнату („Наверное, попович", — подумала Тэни с неудовольствием) и уверил, что он не святой дух.

С трепетом ожидала Тэни свой приговор, так как в глубине еще теплилась надежда.

Спокойно снова отойдя к умывальнику, медленно и тщательно вымыл доктор руки и снова сел перед столом.

— Могу вас обрадовать. В положенное время подарите вашему мужу наследника.

Как ни была убита Тэни известием, но не могла не подумать про доктора: „какой хам, что за гнусный тон!". И, решив не вступать больше с ним в разговоры, она поднялась. Ее обычное спокойствие и холодность вернулись к ней.

Надменно кивнув головой, она сухо поблагодарила и, не подавая руки, вышла, оставив на столе синюю бумажку.

На улице, у под'езда, опершись спиной о выступ, ждал Салтыков. Огонек его папиросы то вспыхивал, то потухал. Увидя Тэни, он подошел к ней и безмолвно взял ее под руку. Некоторое время они шли молча. Потом, когда вышли на более освещенное место, он заглянул ей в лицо и тихо спросил:

— Ну что? Да?

Тэни кивнула головой, стиснула зубы и содрогнулась, вспомнив о докторе.

Юрий прижал крепче ее локоть.

— Да ты, дорогая, не печалься. Что-нибудь придумаем. Ведь не ты одна в таком положении, и находят же люди из него выход.

Тэни продолжает молчать.

— Ну, зайдем ко мне, поговорим, подумаем, — уговаривает Юрий, но Тени отрицательно качает головой.

— Нет, я хочу только домой.

— Как хочешь, — обиженно замолкает он.

Остальной путь до квартиры они не обмениваются ни одним словом. Юрий видит Тэни такой суровой и чужой в первый раз. Но он знает, что лучше всего дать ей успокоиться.

— Завтра утром протелефонируй, — просит он, прощаясь.

Не отвечая, а может-быть ответила, но так, что он не слыхал, исчезает Тэни в под'езде.

Решительно идет она к Хвалынину. Не снимая шляпы и перчаток, садится в кресло. Уж если

страдать, так сразу, пускай и это об'яснение сегодня.

Хвалынин с удивлением смотрит на жену.

— Ты откуда?

— От доктора.

— А что с тобой? Ты больна? — встревоженно спрашивает он.

— Enceinte, — холодно и будто спокойно звучит ответ.

С минуту Хвалынин ошеломленный молчит. Неужели это правда? Ведь это счастье, о котором он не смел даже мечтать. Ведь только теперь она будет окончательно его. И реальным результатом его любви к ней будет ребенок, которого он воспитает и сделает настоящим новым человеком. Это будет блестящее соединение утонченной культурной породы матери с его сильной волей и выкованной в борьбе стальной энергией. Он будет представителем того нового поколения, в руки которого передадут утомленные старые бойцы красное знамя, с таким трудом пронесенное сквозь многие бури и опасности. Воспитанный в новых условиях, неиспорченный вредным влиянием он будет верить в одного бога — Труд, будет знать одну власть — власть Труда.

Тэни сурово смотрит на мужа.

— Ну, что же ты молчишь?

— Я так безмерно счастлив, что даже слов нет, — тихо, как во сне говорит он.

— Что же тут хорошего?

Голос Тэни беспощадно презрителен.

Но в полноте своей радости Хвалынин ничего не замечает.

— Как же не счастье? Ведь об этом я так мечтал—иметь своего ребенка, ради которого жить и бороться, знать, что дело будет продолжать собственный сын.

— Постой, постой,—перебивает его Тэни.—А ты думаешь, что я соглашусь иметь от тебя ребенка?

Что если сказать ему правду, или, наоборот, скрыть и пускай родится чужой по крови и по духу, который, конечно, никогда не будет итти за мнимым отцом и быть может будет одним из тех, кто разрушит эту власть.

Нет, жертвовать собой она не хочет. К чему эти трагедии? Можно и так поставить точки над „и". Не может же она, в самом деле, допустить, чтобы ее ребенок был „ими" воспитан. Получив собачью кличку, вместо имени, едва став на ноги и начав лепетать, уже об'явил бы себя безбожником, и, одев красную тряпку на шею, бегал бы в пионерских отрядах по улицам. Красивая картина — внук Лопухиных — октябренок!

Но как ни раздражена Тэни, как ни мало она считается с мужем, однако, не смеет высказать этого вслух.

Она отлично сознает, что этого он ей не простит, что как ни безумна его любовь, опасно заставлять делать выбор между ею и партией. Она далеко не уверена, что победит.

Поэтому мотивы надо привести другие.

— Почему же именно от меня? — удивленно спрашивает Хвалынин.

— Не хочу. Чего ради? Связать себя по рукам и ногам, вычеркнуть из жизни два года. Год безобразия, потом невероятные физические страдания, а потом год визга, пеленок, неприятностей с кормилицами. Не думает же он, что она может кормить сама этого крикуна? Да и куда он будет годен, этот ребенок? У нее нервы издерганы, у него тоже. Наконец, не может же он ей дать гарантии, что будет жить еще двадцать лет. А остаться с ребенком на руках, без средств. Благодарю покорно. Поищи дурочку.

Хвалынин с неподдельным ужасом смотрит на этот взрыв желчного негодования. Как гвозди, вколачиваются в его душу ее слова. Вот кого он любит, с кем связал свою жизнь? Он чувствовал, что стоит над открытой черной бездной, в которую сейчас упадет. Ведь у нее в душе ни одного нормального человеческого чувства. Только чудовищный эгоизм и себялюбие.

Проявить настойчивость. Показать, наконец, и свою волю. Ведь это вопрос всего дальнейшего существования.

Подойдя к Тэни и взяв ее за руку, он тихо, но внятно говорит:

— Я прощаю тебе эти безумные слова только потому, что ты больна и не понимаешь того, что

говоришь. Я твердо верю, что у тебя это пройдет и ты пожалеешь о сказанном.

Тэни вырывает руку. Глаза ее лихорадочно блестят.

— Никогда, никогда, слышишь ли, никогда, я не изменю своего решения. Я скорее умру, чем буду иметь ребенка, которого я ненавижу уже сейчас.

Хвалынин бледнеет. Он чувствует, что хладнокровие его оставляет. Он не может позволить топтать ногами его чувство.

Еще раз овладевает он ее руками.

— Тэни, перестань,—его голос не узнаваем.—Не доводи меня до последнего предела. Я говорю, что мой ребенок принадлежит мне, и ты не можешь, я не позволю его уничтожить.

Тэни хочет что то сказать, но только беспомощно открывает несколько раз рот, ловит судорожно воздух и вдруг беззвучно падает на ковер, больно ударившись затылком об угол стола.

. . . .

То, что пережил Хвалынин в этот вечер, надолго лишило его сил для дальнейшей борьбы.

Увидя жену бледную, мертвую, как ему показалось, с тоненькой струйкой алой крови, которая вытекала из темени, он почувствовал, что как бы она ни была виновата, жить без нее, лишиться ее — он не может.

Эти минуты, когда он поднимал с ковра ее безжизненное тело и переносил его на диван были так мучительны, что он заранее обещал себе оста-

вить ее в покое и предоставить ей действовать по своему усмотрению.

Может ли он приносить ее в жертву пока несуществующему, мечте, хотя и дорогой, но быть может несбыточной? Неизвестно еще, каков будет этот ребенок и будет ли вообще, а ее он потеряет наверное. Конечно, он можем устроить так, что ни один из врачей не согласится ей сделать аборт, но что толку? Ведь она способна на все, вплоть до того, чтобы уйти от него навсегда и лишить его и себя, и ребенка. Да и насильно чувство матери не привьешь.

Когда после долгих усилий ему удалось привести Тэни в себя, он понял, что сохранить ее во что бы то ни стало для него важнее всего, и что пережить ужас ее потери он не в состоянии.

XXII.

На другой день утомленная пережитым, равнодушная ко всему на свете, Тэни все же удивилась неожиданному приходу брата.

Застав сестру в теплом халате, несмотря на солнечный день, с распущенной косой, лежащую на диване с устремленными в одну точку глазами, он пришел в негодование.

— Что еще за привычка так распускаться, что такое случилось? Утром ее муж ему телефонировал, прося ее навестить. Если больна, пускай позовет врача, а нет — нечего до полудня валяться непричесанной. Ах, эти женщины гнилого режима,

воспитанные в атмосфере романов Вербицкой и Марселя Прево. Все у них что-то особенное, необычайные страсти и переживания, а на деле...

— Брось, не мучь, без тебя тошно, — перебивает Тэни. — Ты сначала узнай — в чем дело.

— Воображаю. Конечно, так вела себя с Салтыковым, что муж, наконец, заметил.

Вздрагивают ресницы опущенных глаз.

— Не в этом вопрос.

Медленно и подробно рассказывает Тэни все до вчерашней сцены включительно. Только по недовольно сжатым губам Никки видно, как ему это неприятно. Однако, он выслушивает сестру до конца, не перебивая.

— Ты кончила?

— Ну, так теперь потрудись выслушать мое мнение. Вся эта история — сплошное безобразие. Никто не говорит, все мы не святы, но всему есть предел. Кто тебя неволил устраивать всю эту нелепейшую историю мужу. Ведь беременна ты не от него. Да, да, и нечего теперь делать Васнецовское выражение лица, будто услыхала оскорбительные вещи (и незаслуженно совершенно). Умела грешить, умей и каяться. При том безграничном доверии, которым ты пользуешься у мужа, могла бы прилично ликвидировать все последствия, а не лезть на скандал. Это очень мило, эти мелодрамы во французском театре, в исполнении Сесиль Сорель, но в жизни они просто неприличны

непозволительны. Вот когда сказывается это прелестное ложно-классическое воспитание.

Из глаз молчащей Тэни капают одна за другой крупные слезы. Так жаль себя, так не заслуженными кажутся эти упреки. Но оправдываться не хочет, пускай все против нее, все ее оскорбляют, она выпьет всю горькую чашу до конца.

Слезы окончательно выводят Никки из себя.

— Брось эти аллюры невинной жертвы. Ты одна кругом виновата, из-за тебя всем нам неприятности. Хвалынин благороднейший, прекраснейший человек, ты не смела с ним так разговаривать. Это и гнусно, и грубо. Другой бы за такие штуки вон тебя вышвырнул, а он еще о здоровьи твоем безспокоится. А Юрий твой — это все вздор, как и твоя к нему любовь. Не умели прилично жить, значит совсем видеться не будете. Я соглашусь помочь тебе только, если ты обещаешь мне ликвидировать вашу связь.

Никки беспощаден. Ведь Тэни его сестра, и он совершенно равнодушен к ее женским чарам. А когда нужно, он умеет применить даже и грубую силу.

Знает он Тэни до мелочей. Всегда боялся он этих ее „grandes passions“. Еще девчонкой она постоянно доставляла хлопоты своим характером. То возилась с каким-нибудь гадким щенком, вкладывала в него всю душу, исходила слезами, когда он издыхал. То вдруг начинала мучиться греховностью своей жизни, не ела, не спала, по ночам

вскакивала с постели и молилась до изнеможения, а потом вдруг с такой же страстностью переходила на собирание бабочек или изучение музыки. Тогда по целым часам не отходила от рояля, плакала и казнилась, что у нее нет таланта и что ленива. В институте вечно страдала от воображаемых несправедливостей классных дам, или от холодностей подруг. И все это так искренно, так мучительно переживая, что порою ее становилось жаль.

С годами все сгладилось, как будто улеглось, и вот снова всплывает. И губит эта неуравновешенность. Ведь и теперь способна наделать еще тысячу глупостей, вплоть до признания мужу в измене. Этого только недоставало! Да, счастлив он, что не женат. С Мариной дело другое. Все же она жена чужая, и право, во много раз лучше роль обманывающего, чем обманутого.

— Ты кончил, наконец? Все это одни разговоры в пользу бедных. Сама знаю, что дурно, что хорошо. Скажи лучше, что теперь делать? Твоя Марина, вероятно, знает врача, а то я попала к какому-то поповичу и не желаю больше этого удовольствия.

Тэни уже наплакалась и теперь начинает сердиться.

— Оставь, пожалуйста, Марину. Она тут не при чем, — останавливает холодно Никки.

Никогда до сих пор они не говорили прямо об их отношениях. Но Тэни возмущена:

— Как ты смеешь читать мне такие резкие нотации, а я даже косвенно не должна ничего

касаться? Да что это секрет, что ли? Как куропатки спрятали головы под крыло и думают, что их не видно. Брось очки втирать, скажи лучше правду. Ведь устраиваетесь же вы как-нибудь?

Накипевшее раздражение развязывает язык, и Тэни довольна, что у нее есть козыри. Но Никки не так просто изловить.

— В чем дело? О ком идет речь?

Как-будто бы он к ней обращается за советом, а не наоборот. И Марина, и ее поведение никакого отношения к этому иметь не могут. Что же касается врача, то он может ей назвать две-три лечебницы, где она и может поместиться. И он ей рекомендует по дружески ликвидировать скорее все и постараться уладить свои отношения с мужем. Благо, что, это, как видно, нетрудно.

Глаза Тэни блестят, когда она отвечает:

— А если я не хочу их налаживать?

Остановившись перед сестрой, заложив руки в карманы пиджака, Никки продолжительно свистит.

— Ах, вот в чем дело? Может-быть к Салтыкову перейдешь? А ты у него об этом спрашивала? Входит ли это в его планы?

— А может-быть и спрашивала.

— Ну, тогда поздравляю! Вот это удачный номер! — хохочет Никки. — А на какие средства, нельзя ли узнать, вы жить будете? Долгами? Так не всегда дают. А комбинировать трудно. Особенно при твоих привычках и при его вкусах. Нет, друг

мой, Юрий прекрасный любовник, не спорю, но для мужа это не подходящий материал. Да поверь, он и в мыслях не имеет брать на себя такую обузу, как ты. Будем говорить откровенно, что ты из себя представляешь. Кроме внешности, знания языков, да хороших манер, — ничего. А это, милая, к сожалению, теперь на советской бирже не котируется. Ты — дорогое удовольствие и на любителя. И знаешь, мой тебе совет, держись своего мужа двумя, тремя, если они у тебя есть, руками и бойся, как величайшего несчастья его потерять. Все эти светские ухаживания хороши на пять минут, а для жизни нужно иметь только Хвалыниных. Это человек дела, энергии, который своими руками создал жизнь. И если есть у него один „феллер", то это — любовь к тебе. Ну, да и на солнце бывают пятна.

Безмолвно слушает Тэни слова брата. Ну, что возражать? Все так противно, так гнусно, что хочется только умереть.

Умереть! Как это ей раньше не пришло в голову? Ведь это чудесный и простейший выход из положения. И всем будет хорошо. Да, да, об этом стоит подумать, когда уйдет Никки.

— Ну, хватит. Все же жаль тебя, хоть и виновата. Вечером дам тебе знать насчет лечебницы. Прощай, не скули, и не безумствуй. Подумай о моих словах.

— Хорошо! — кивает Тэни головой.

Оставшись одна, она начинает обдумывать свой план. Конечно, застрелиться. Самое удобное и на-

верняка. Писем — никому. Пускай думают, что хотят. А интересно, как будет реагировать на это Юрий? Как жаль, что она не сможет присутствовать на своих похоронах. Как будет вести себя муж? Наверное, заплачет, если, впрочем умеет. В газете будет напечатано под рубрикой „семейное горе т. Хвалынина", подробное описание несчастья. А Никки, конечно, пожалеет, что перед самой смертью так обидел сестру. Пускай казнится. Он был с ней сегодня так груб. Мама...

Тэни вспомнила о матери в первый раз. Как-то само собой вышло, что со времени замужества она отдалилась от матери еще больше, а после связи с Салтыковым и совсем избегала показываться перед вопрошающими глазами, которым так трудно солгать. Она знает, что мать бесповоротно осудила бы ее за это. Если соединила свою жизнь, то и неси все тяготы, как честный партнер.

Варвара Михайловна даже в разговорах не позволяла себе и не одобряла в детях легкомысленного тона по отношению к Хвалынину.

— Не надо забывать, что Тэни — его жена. Можно быть разных взглядов на жизнь, даже врагами, но об этом надо было думать раньше, а кроме того, это не лишает уважения к нему, как к достойному и честному человеку.

Так сказала она как-то, когда Никки вышучивал их брак.

И теперь Тэни знает, что во всей своей „драме" у матери она сочувствия не встретит.

А вот если смерть, то хотя и узнает всю правду, а простит и будет оплакивать.

Тэни решительно встает. Надо пойти в кабинет, Там, в столе, лежит маузер, с золотыми дощечками и подписями: „Подарок Хвалынину от товарищей по фронту". Принести его сюда и здесь все покончить.

С револьвером в руках возвращается Тэни в спальню. Внимательно осматривает она курок. Кажется, так надо нажать. Стреляться она будет в сердце. Пожалуй, в рот вернее, но безобразно. А она хочет, чтобы после смерти ее жалели молодую, красивую.

Что же она думает сейчас, перед смертью? Да ничего. И неужели вот сейчас она умрет?

На туалете, в вазе мало воды, и цветы завядают. Надо долить. Впрочем, зачем? Она умрет, и цветы ей не нужно.

У портнихи на этой неделе будет готов ее серый костюм. Вот удивится, когда принесет его, а ей скажут, что заказчицы уже нет в живых. А впрочем, она будет знать это раньше, из газет. Продаст его кому-нибудь и еще довольна будет, что заработала на материи. А жаль, что ни разу не одела его, наверное, удачный. Да, в чем же ее похоронят? Разве записку оставить. Не стоит, не все ли равно? Юрий придет и будет целовать мертвые руки. Виден ли на ногтях мертвых лак? Маникюрша, конечно, скажет, что она была ее клиенткой. Верно, тоже будет на похоронах.

Вот и конец жизни! А вот она совсем не так представляла себе свою жизнь в день выпуска из

институтa, когда считала это мировым событием и была уверена, что с этого момента все переменится. И вот окончила и ничего не случилось, и даже было очень скучно в этот день, да и последующие, так как захворала старая тетка, от которой ждали наследства, а поэтому нельзя было ее бросать, расстроилась поездка за границу и вместо пляжа в Довилле, даже в деревню не поехали, а целый месяц просидели в Петербурге, изнывая от духоты и тоски. А когда, наконец, тетка поправилась и можно было поехать, то не было уже того настроения и жажды жизни, а потому и впечатления оказались не теми.

Мысли бегут, цепляясь одна за другую. Тэни не слышит, как в передней позвонили, как в комнату входит девушка, неся завернутые в папиросную бумагу цветы.

Вздрогнув Тэни поспешно прикрывает револьвер книгой. Цветы от Юрия и внутри коротенькая записка: „жду обещанных новостей".

Тэни улыбается. Он получит известия. Пускай подождет немножко. А цветы кстати. Такие чудные розы, с крепкими, туго завитыми листками, похожие на брюссельскую капусту.

Говорят, что цветы чернеют от прикосновения к мертвому. Как странно. Неужели мертвая будет она?.. Однако, пора.

Решительно берет она револьвер, подносит к тому месту, где, по ее мнению, должно быть сердце.

Сейчас она будет смотреть на стрелку часов. Дойдет до цифры „пять", — нажмет курок.

С замиранием сердца следят испуганные, широко открытые глаза за стрелкой. Вот близко, еще одна минута... Ну... Стрелка переходит пять...

Нет, не может... Какое малодушие! Ведь не дорожит она жизнью. Хочет умереть. А вот нажать курок — не может.

— Господи, хоть бы застрелил кто-нибудь! — с тоской шепчет Тэни.

И вдруг вспоминает читанный когда-то рассказ о „клубе самоубийц", где такие как она, поступая в клуб и внося известную сумму денег, отдавали себя на неожиданное убийство из-за угла. Вот бы ей такой клуб пригодился!

Еще раз, собрав всю силу воли, поднимает Тэни маузер. Руки, как деревянные, не хотят слушаться. Нет. Как ни ужасно, а надо признаться — на самоубийство у нее нехватит решимости. Прав, тысячу раз прав Никки, говоря, что она никуда непригодна — даже на это.

Тяжелый клубок подступает к горлу и давит, будто жестокой рукой.

Заплакать бы, легче станет. Но воспаленные глаза сухи и даже усилием ни одной слезы не выжмешь. А рука, что на горле, все давит, не дает дышать. Внутри такое ужасное чувство не то тошноты, не то боли, что места себе найти нельзя.

В тоске мечется Тэни из угла в угол. То прижмет к лицу розы, что еле уловимо пахнут зимним балом,

то бросит их на диван и намоченным в воде платком трет грудь.

Открыла окно, быть-может, воздух ее облегчит.

В окно сразу врывается вместе с ароматом весны и талого снега, уличный шум, гудки моторов, стук колес. Скорее закрыть окно. От этого шума только голова разболится.

Урвав минутку, тревожившийся Хвалынин едет домой. Отперев своим ключом дверь, входит он прямо к Тэни. Видит ее совсем изменившееся лицо, страдающие глаза, видит на столе револьвер и приходит в ужас.

— Тэни, ты хотела...

— Успокойся, даже этого не могу. Мужества нехватило, — горько смеется она.

— Безумная женщина, да как тебе это могло притти в голову?

В голосе Хвалынина столько искреннего отчаяния, что Тэни на секунду делается его жаль. Но себя жаль еще больше.

— Да, да, хотела. Всем она в тягость, всем портит жизнь, а ему первому. И ее смерть — единственный выход из создавшегося положения. Никому она не нужна, никто ее не любит!

Вот они, наконец, желанные слезы. Хлынул целый поток, и льется, льется без конца... И будто смывает он всю тяжесть с души и не так безнадежно кажется все вокруг. Еще, еще плакать, пока не разожмется железная рука, пока не засохнет благодатный источник.

XXIII.

Если бы Хвалынину год тому назад показали его теперешний духовный портрет, он, конечно, не только не поверил бы, но даже посмеялся.

Беспрерывная двойственность его жизни, недовольство собой и очевидность делаемых ошибок и промахов, вечное нервное напряжение, усиленная мозговая работа расшатали его нервы. Он уже не мог так спокойно выносить мелочи жизни и болезненно реагировал на все неприятности.

Соединяя свою судьбу с Тэни, вряд ли он вполне отдавал себе отчет во что это выльется и не будет ли это вечным диссонансом в его жизни и работе. Он считал, что поборов столько серьезных препятствий, он поборет и еще одно — рознь, которая была между ними. Пройдут недели, месяцы, и она будет думать и чувствовать, как он, будет его пристанью, где он наберется сил для дальнейшей борьбы.

Жена-товарищ, одно тело, одна душа, работа у каждого на своем поприще и звено — ребенок, надежда будущего, продолжатель Великого Начатого, — вот чего он хотел.

О том, что Тэни для этого не подходила, он никогда не думал. Влечение было настолько сильно, что для сомнений и колебаний места не оставалось.

После событий последних дней, размышляя над всем случившимся в те свободные минуты, которые

у него оставались от чрезвычайно напряженной в то время работы, он старался спокойно разобраться во всем и притти к каким-либо выводам. Он отлично сознавал, что дальше так жить нельзя. Теперь, когда его любимая надежда—ребенок была навеки похоронена (день операции уже был назначен и противиться этому он уже не мог и не хотел), что же оставалось у него к жене, кроме чувства страсти и стремления к тем наслаждениям, которые она ему доставляла и которых он не хотел лишиться. Да еще некоторого эгоистического собственнического инстинкта к тому, что принадлежало только ему и кем, как он был уверен, никто другой не мог пользоваться.

А кроме того, в малодушии своей любви он все-таки находил всегда оправдание во всех поступках Тэни, хотя они не согласовались с его взглядами.

Как ни подготовлялся Хвалынин, но в день операции Тэни, он чувствовал себя довольно скверно. С одной стороны он не мог простить ей уничтожения ребенка, ради сохранения которого он готов был на сотни жертв, с другой — видя ее страдания и душевную тоску, в которой она находилась последние дни, ему было ее бесконечно жаль.

Тэни действительно страдала. После всего пережитого она замкнулась в себе и, несмотря на все просьбы и умоляющие письма Юрия, не хотела с ним видеться. В этом был виновен не только

Никки, который категорически потребовал, чтобы все было порвано, но и сама Тэни—безразличная, угнетенная и тоскующая.

Только накануне операции, перед вечером она вышла, по настоянию Хвалынина, на воздух, лелея в душе мысль, что умрет под наркозом и решила зайти к Салтыкову проститься.

Свидание вышло не из радостных. Он, измученный тоской и ожиданием, обиженный ее упорным нежеланием его видеть, — она изнервничавшаяся, больная. Что могли они сказать друг другу? Салтыков дошел даже до того, что готов бы был предложить ей оставить мужа и уехать с ним, (освободившись, конечно, от ребенка, который их мог только стеснять). Да и разве он был уверен, что это ребенок его? Разве это могла точно сказать сама Тэни? Казус создался прескверный. При его неопределенном положении было достаточно рискованно брать такую тяжелую ношу, как жена, на свои неприспособленные к труду плечи. Незаметно для себя, он слишком привязался к этой женщине и покорный всегда капризу чувств, не мог отказаться от нее, как этого требовало благоразумие, Даже сейчас, подурневшая и осунувшаяся она привлекала его также сильно, если не больше. Быть может, если бы ему дали возможность отпить от чаши наслаждения столько, сколько он хотел, а не отрывали бы постоянно, после нескольких глотков, его жажда была бы удовлетворена.

Тэни пробыла очень недолго и, прощаясь перед уходом, серьезная и отчужденная, не позволившая ни одной ласки, сказала, что, быть-может, это последнее их свидание, и больше он не увидит ее никогда.

Мысль о смерти продолжала ее занимать и утром. Едучи в лечебницу, она была уверена, что не вернется оттуда.

Хвалынин при всей своей любви, не мог заставить себя проводить Тэни. Это казалось ему оскорблением того, кто должен был стать его счастьем и гордостью.

В операционной было светло и холодно-бело. Яркое солнце, не считаясь с серьезностью момента, весело играло на инструментах, блестевших на столе, равнодушных и с виду таких безобидных. Десятками зайчиков разбегалось солнце по глянцевитому полу. Бесстрастная, с ледяным спокойствием оканчивает свои приготовления фельдшерица. Ей дела нет до того, что творится в душе испуганной дрожащей Тэни, которая в стерильном халате, такая маленькая и жалкая, стоит у дверей в ожидании врача. Нет, нет, да и покосится на операционный стол, закрытый простынями, где ее ждет страшная неизвестность.

По коридору слышны шаги и голоса. Это доктор, хлороформатор и ассистент. Сейчас начнется. У Тэни замирает сердце. Хотя и жаждет она смерти, но все же жутко. А докторам, хотьбы что! Пришли, будто на веселую прогулку,

смеются, шутят, жмут ее холодную руку, об операции ни слова. Только спросили как здоровье, как спала. Да и то не дослушая ответа, пошли мыть руки.

Мыли долго, тщательно, до локтей закатив рукава рубашек (пиджаки сняты) терли щетками, бензином, сулемой. Хлороформатор закончил первый.

— Ну-с, теперь мы вас послушаем, — присаживаясь к Тэни говорит он, и сидя напротив нее на стуле, склонив на бок лысеющую голову, прижался ухом к трубке, другим концом уперев ее Тэни в грудь и замер. Тэни ясно слышит, как в тишине бьется ее сердце, видит, как от ее дыхания у него шевелятся редкие, будто мартовская травка, волосы.

Доктор рыжий, бритый немец, с сильными волосатыми руками и красным веснущатым лицом Тэни однако нравится. Спокоен и не лезет с интимничанием. Деловито-ласков, хорошо действует на нервы.

Наконец, руки вымыты, одеты халаты. Осторожно, чтобы ни к чему не прикасаться держит доктор расставленные руки, локтями врозь.

Надо итти. Медленно, как на эшафот, взбирается Тэни по ступенькам и ложится на стол.

— Только, ради бога, доктор, пока я не засну, не начинайте, — умоляет она.

Доктор смеется. Нет, нет, такую прекрасную даму, они не заставят страдать.

Тэни закрывает глаза. Осторожно накладывают ей на лицо маску. Невольно глубоко вздыхает и сразу делает движение освободиться. Что-то приторное, сухое, захватывает горло и не дает дышать. Но спокойная рука придерживает маску, и снова глубокий вздох. Теперь уже не так противно. Тэни ясно чувствует холод эфира, и становится даже приятно. По приказанию врача она считает: раз, два, три а мысли далеко. С ужасающей быстротой несутся одна за другой картины ее жизни. Но все уже не то. Из-за чего Тэни так страдала, волновалась? Муж, Юрий, Никки... Как это все далеко, как будто завеса упала и отделила ее прошлую жизнь. Как все былое кажется ничтожно, мелко.

Тридцать, сорок Язык начинает заплетаться, не повиноваться мозгу. Тэни отлично сознает, что делает ошибку, а поправиться не может. Сорок десять, сорок одиннадцать... Какая чепуха... Хочет поправить что-то, что ей мешает на лице, но рука онемела, не движется. Хочет пошевелить ногами, но и с ногами то же. Приятная истома и небытие. Тэни чувствует, будто отделяется ее душа от неподвижного, замершего тела.

В ушах начинается нежный, мелодичный и медленный звон. Вот он ускоряется, усиливается, все громче, громче. Такой шум, что кажется еще удар, и голова разлетится вдребезги.

Как-будто пружина подкидывает Тэни, и она просыпается.

Скрип колес по полу, свежесть холодных простынь. Куда это ее везут? Не все ли равно? Такое наслаждение снова закрыть глаза и впасть в Нирванну...

Когда через секунду, как ей показалось, (на самом деле прошло полчаса) Тэни снова пришла в себя, она увидала рыжеволосую руку доктора, держащую ее за пульс.

Неужели же все кончено, и она осталась жива? На секунду стало досадно, но сейчас же снова охватывает чувство такого блаженного безразличия.

Вот только голове неудобно. Это ее положили без подушки. Пошевелила рукой, с трудом поднесла ее к лицу. Глаза мокрые. Что это, неужели она плакала? О чем же? Все так безразлично — хорошо! И такая лень, что даже на вопрос доктора о самочувствии, отвечать не хочется. Если бы навсегда остаться тут и никуда не возвращаться. Сами собой закрываются глаза, как хочется спать...

Через два часа Хвалынин, поборов в себе неприязненное чувство, поехал в лечебницу и настоял на том, чтобы его впустили. Тэни все еще спала. Осторожно подошел он к кровати и с сжатым сердцем смотрел ей в лицо, в котором, казалось, не оставалось ни одной капли крови, так оно было прозрачно-бледно. Безжизненно лежали вдоль одеяла восковые руки. Если бы ни чуть заметное движение груди под кружевом рубашки, —

ее можно было принять за куклу из паноптикума. Побледневшие, запекшиеся губы пахнут эфиром, когда Хвалынин склоняется, чтобы поцеловать ледяной лоб.

Потревоженная в чутком сне открывает Тэни глаза. Пустым взглядом смотрит она на мужа. Зачем он здесь? „Ах, да, пришел ее навестить после операции", — с усилием вспоминает она.

Сердце Хвалынина наполняется жалостью и любовью к ней, страдающей по его вине. Прижавшись головой к ее руке, он молча целует безжизненные пальцы. Он уже простил ей гибель его ребенка. Не смея тревожить ее расспросами, он молчит и гладит лежащую в его руке ее руку. Чем бы ее порадовать? Чем развлечь?

Фельдшерица безжалостно прогоняет его. Больной нужен абсолютный покой. Так сказал доктор. Пускай заедет вечером еще раз. И Тэни благодарна ей. Так хочется быть одной, без мысли и чувств, и опять сон...

Проснувшись часа через два, Тэни уже не нашла в себе благодатного покоя и безразличия, в котором она все время находилась. Наоборот, нервы были расстроены до последней степени, хотелось плакать, все казалось обидным.

Вот она лежит одна, брошенная, и никому до нее нет дела, хоть умри. А умирать теперь вовсе не хотелось. Вошедшая фельдшерица зажгла свет и сказала, что пока она спала, двое приез-

жали ее навещать, привезли цветы, но что до завтра доктор не разрешил их ей давать.

Как досадно! Там, наверное, есть записка от Юрия, так как Тэни не сомневается, что один из приезжавших — он. Ну что же, надо покориться.

Томительно скучно тянутся минуты. Лежать без подушки неудобно, читать не дают, спать не хочется. Думать — тоже.

Вторичному приезду мужа Тэни рада.

Прекрасно, что его впустили. Как хорошо от него пахнет воздухом. Наверное, чудесная погода. С каким удовольствием она пошла бы сейчас гулять. Какой он счастливый, что здоров и на ногах. А она опять останется одна в этой мерзкой больнице.

На глазах опять слезы. Хвалынин старается успокоить ее. Теперь его тревожит яркий румянец, который двумя красными пятнами горит на ее щеках. Глаза неестественно блестят и кажутся черными от расширенных зрачков. И когда она берет принесенный им букетик фиалок, рука ее суха и горяча.

— А помнишь, первый день, когда мы ехали с тобой, у меня были точно такие же фиалки?

Помнит ли он? Еще бы!

Каждый жест, каждое слово для него дорого и любимо.

Пускай, однако, не говорит она с ним так много, ей это вредно, прогонят его, пожалуй. Тэни схватывает его за руку.

— Нет, нет, не уходи. Не оставляй меня одну. Мне страшно. Возьми меня домой. Я не хочу больше здесь быть.

— С какою радостью сделаю я это, когда позволят. Сейчас еще нельзя. Потерпи три дня, они скоро пройдут, — уговаривает он ее, как ребенка.

Тэни горько плачет.

Ничего, ничего не хотят для нее сделать. Все против нее.

Хвалынин в отчаянии.

К счастью приходит доктор с вечерним визитом.

— Это муж? Очень рад! Все пока прекрасно. Посмотрим, что дальше будет. А волноваться нельзя. Да вот и температура повысилась. Это от слез. Вам лучше уйти. Больная успокоится одна и скорее уснет. А завтра пожалуйте в десять часов.

Нехотя поднимается Хвалынин. Отводит доктора в сторону.

— Как вы думаете? Ничего серьезного? Останется она жива?

Громко гудит басистый смех доктора.

— Да если бы от этого все умирали, то и живых бы никого не осталось. Через три дня будет бегать лучше прежнего.

Дружески жмет доктор руку Хвалынина, которому невольно приходит на ум, что эти самые руки убили его ребенка.

Как сложна жизнь и взаимоотношения! Разве поверил бы он, что может пожимать руки, которые нанесли ему тягчайшую из ран.

XXIV.

С тяжелым чувством тоски и одиночества возвращается Хвалынин домой.

Пусто и осиротело все без Тэни. Как-будто вся квартира изменила свою физиономию. В спальне он долго стоит перед туалетом. Кажется, что зеркало сохранило еще ее облик. Хвалынин трогает флаконы, пудреницу, щетку с запахом ее волос, осторожно снимает волосок, застрявший между щетиной и, с нежностью намотав его себе на палец, долго рассматривает перед ярким светом лампы. Волосок, как тоненькая золотая ниточка, которой монахини вышивают по бархату, искрится и поблескивает, будто весело подмигивает.

На спинке кресла, в ногах кровати, висит ее ночная рубашка. Хвалынин снимает ее и прячет лицо в мягких складках. Как она пахнет Тэни. Его охватывает такое мучительное беспокойство, желание видеть ее возле себя хоть на секунду, что он впивается зубами в тонкую ткань, заглушая стон.

Лучше уйти из этой комнаты, где все так полно ею, сесть за работу, погрузиться с головой в дела, не думать и не вспоминать.

До поздней ночи сидит Хвалынин за столом. А сердце нет-нет и сожмется тоскливо. Как-то она там? Все ли окончится благополучно? Только бы она была жива.

И мечтает Хвалынин, как получит он заграничный отпуск и уедет с Тэни. Как, наконец, передe-

лает он ее по-своему, как создаст ту жизнь, которая должна быть. Ведь живя с ним, не может же она быть вечно слепа, не отличать тьму от света? Не может не увидеть всей мелочности, лжи и ничтожества того, чем жила до сих пор? Только умело подойти, не озлобить, не отпугнуть. А если, все-таки, не изменится? Останется такой же чужой и враждебной? Что тогда?

Жить такой раздвоенной жизнью, как жил до сих пор,—нельзя. Значит надо выбирать между ею и делом.

Что об этом думать прежде времени и мучиться напрасно. Довольно и настоящих волнений, и без того невесело на душе.

Почти до утра ворочается Хвалынин в постели, которая кажется такой неудобной, подушки — такими горячими, одеяло — тяжелым.

И не один Хвалынин плохо спит эту ночь. На своей гостиничной кровати Салтыков тоже не находит покоя. Тысяча мыслей и тревог мучат непривычную к ним голову.

Сегодня он был в лечебнице, но к Тэни его не допустили. Даже секунду не увидел желанного лица. А завтра, что будет? Опять неизвестно, примут ли? Целый день тоски и тревоги, которыми не с кем поделиться. Еще недавно он так снисходительно, насмешливо жалел ее мужа. Теперь он ему завидовал, — муж имел законное право быть у нее в любую минуту, знать о ней все, не мучиться напрасно, как он. Ему вспомнился его не

давний разговор с Никки о любви. Он уверял, что в теперешнее время не надо заводить длительных связей, а лучше всего любовь „à la fourchette". На это Никки, смеясь, возразил, что так можно пойти еще дальше и самое удобное для любви — это своего рода автомат — „квиссисана". Опустил монетку и на ходу любой бутерброд, который тебя ни к чему не обязывает.

Как мало все эти рассуждения применимы к жизни, когда зарождается сильное чувство. Беда вся в том, что он всегда был рабом своих страстей. Если отнестись серьезно, что, кроме неудобств и тягот, может ему принести его дальнейшая связь с Хвалыниной? Все лучшее, что может дать страсть, он получил. Теперь положение осложняется тысячами мелочей. Взять ее к себе, он, конечно, не может. Дела его совсем не в блестящем состоянии, а жить одной любовью, к сожалению, нельзя. Тэни не из тех женщин, которые умеют устроиться и приспособиться. Ей нужна определенная рамка, без которой она потеряет половину прелести. Конечно, как любовница она идеальна, лучшей и желать нельзя, но как жена, — вероятно, много хуже. Да если бы она и была совершенством, все же он не имеет права связать себя женитьбой при своем образе жизни. Сегодня — здесь, завтра — там, ничего определенного. А самое тяжелое — отсутствие регулярного притока денег. Вот и сейчас, два дела, на которые он так рассчитывал, сорвались, а с ними и доход.

Жизнь же не остановишь. А между тем, чувство к Тэни так его захватило, что он не может заставить себя бросить все и уехать, как велит благоразумие. Особенно сейчас, когда она больна, когда он не видит ее, не может поговорить, проститься, как следует. Хорошо сказать — проститься. А хватит сил расстаться добровольно, жить вдали от нее, зная, что она в об'ятиях другого? Голова идет кругом от всех мыслей. А тут еще дела, как на зло, не ладятся.

Может-быть, забрать ее, как только поправится, и уехать из Москвы. Но куда и на какие средства? Допустим, что он получит место. Жить с нею на жалованье советского служащего, подсчитывать сколько можно тратить в день на еду, не держа прислуги, допустить портить ей лицо и руки над примусом. Брать в рассрочку в разных швейпромах готовые вещи и потом аккуратно, каждый месяц погашать их из грошевого жалованья. Он представил себе Тэни в нитяных чулках и скороходовских ботинках, с корзинкой идущую на рынок. Даже мороз по коже идет. Нет, это надо исключить окончательно. На это он не способен.

О том, что есть еще один способ, — вести трудовую жизнь обоим, — Юрию в голову не приходит. Такая жизнь не по нем.

Он — истинный представитель того класса, который, как растение чужеяды, живет, пользуясь чужими соками, не затрачивая собственных сил.

Утром, торопливо одевшись, Салтыков едет снова в лечебницу. Сегодня он добьется, чтобы его пустили к ней.

Видеть ее, видеть во что бы то ни стало.

Чаевые швейцару, чаевые сиделке и, несмотря на строгий запрет доктора, он в палате.

Тэни лежит спиной к окну и на белых подушках едва заметно ее бескровное лицо. Полузакрыты прозрачные веки. Так непривычно видеть ее в этой больничной обстановке. Сердце у Салтыкова сжимается от жалости к ней, невольно останавливается на пороге, не смея итти дальше. Приподнялись веки, чуть улыбнулись бледные губы.

— Подойди поближе. Как это тебя впустили? Я рада.

Поспешно подходит он к ней и долго, долго целует руку, которую она, будто с трудом подняв с одеяла, ему протянула.

— Милая, ты очень страдаешь? — тихонько говорит он, глядя на ее изменившееся лицо.

— Теперь мне лучше, а ночь не спала.

Даже голос изменился, такой слабый и глухой. Юрию безгранично жаль эту женщину, которая дала ему столько красивых минут, а теперь расплачивается за это физическими муками.

Опустившись на колени перед кроватью и положив голову возле ее головы, тихо и нежно говорит:

— Моя чудная, прости...

Тэни качает головой.

— За что? Разве ты виноват?

По коридору шаги. В секунду Юрий снова на ногах. И во-время. В палату входит Хвалынин. От фельдшерицы он уже знает, что Тэни провела плохо ночь, что был жар и что могут быть осложнения. Весь он полон тревоги. В первый момент он не может разобрать, кто стоит возле кровати жены. Потом, рассмотрев, сразу узнает, хотя видел Салтыкова один раз в жизни. Что-то кольнуло сердце. Что здесь делает этот посторонний человек, да еще в такой интимной обстановке? На мгновение подавив в себе эту неприязнь, он также спокойно, как всегда, идет к Тэни.

Она беспокойными глазами смотрит на него. И эти глаза больнее всего поражают Хвалынина.

— Что с нею? Что случилось? — Но ни звука не спрашивает он и, поцеловав лоб жены, протягивает руку Салтыкову:

— Кажется, встречались.

Опустив голову и пряча глаза за ресницами, Юрий отвечает:

— Я по поручению Марины Павловны. Она просила узнать и обязательно лично повидать Татьяну Александровну, так как очень беспокоится о ее здоровьи и приедет попозже.

Бедная Марина! Сколько уже раз участвует она героиней в несуществующих повестях.

Хвалынин верит. Все же странно, но если говорят, то возможно, что это и так.

Пробыв для приличия еще минуты две, Юрий откланивается. Надо ехать прямо к Марине, предупредить, чтобы не проболталась. Через час он вернется снова, когда муж уйдет на службу.

После его ухода Хвалынин чувствует себя легче. Ему хочется спросить, что за странная манера у Ольшевской узнавать о здоровьи, посылая мало знакомых людей в лечебницу, да не стоит волновать Тэни. Ей, видно, и самой это неприятно. Вон какое расстроенное лицо.

Сев в кресло, у кровати, заботливо расспрашивает он жену о ее самочувствии. Потом рассказывает о своих ночных думах и переживаниях.

Занятая своими мыслями Тэни рассеянно слушает его. Скорее бы поправиться, уехать отсюда, так здесь все противно.

Ну, что же? Если разрешат, завтра же он перевезет ее. Будет лежать у себя, пока не выздоровеет окончательно.

Завтра. Это хорошо. Только наверное и нечего ждать позволения. Доктор, конечно, будет противиться и надо действовать решительно. Увезти и все.

Хвалынин смеется. Вот она какая воинственная, он даже не знал за ней таких качеств. Пускай же она успокоится, все будет как она хочет. А доктора он уговорит.

Благодарно протягиваются к нему обе руки и, обняв его шею, притягивают к себе.

— Спасибо тебе. Ты такой милый.

Тэни чувствует себя немножко виноватой, и его деликатность ее трогает.

О Юрии не только упрека, вопроса себе не позволил. А имел к тому основание. Она знает, как тяжела ему также ее операция, и все же ничем не проявил он своего недовольства и обиды. Странное чувство испытывает она, любя одного, как-будто начинает любить и другого. Только-что они были здесь вместе, и обоих было жаль. Обоих хотелось видеть. Как плохо, что нельзя сказать Хвалынину всю правду, устроить так, чтобы оба остались при ней. Со времени болезни Хвалынин ей стал необходим. В нем она видит свое спасение. Так счастливо можно было бы зажить втроем...

Невольно Тэни улыбается нелепости своих мыслей. Только после наркоза можно дойти до такой ерунды.

Прижавшись к груди, Хвалынин чувствует сквозь расстегнутую рубашку, как неестественно горячо ее тело под его щекой. Часто, часто, неровными ударами бьется ее сердце. Что же это значит? Неужели у нее жар? Это опасно. Подождать обязательно доктора, хотя и нужно спешить по делам. Но разве можно чем-либо серьезным заняться, когда все мысли у ее постели и ум, и сердце во власти тревожных предположений.

Тэни не отпускает его.

— Не уезжай, побудь со мной. Дела твои не убегут. Ведь я так редко задерживаю тебя.

Скоро пришел доктор.

Зачем Хвалынину сидеть так долго у больной? Мало ли чего она попросит? Это ей только вредно. Пусть поскучает. Это ничего.

Бесцеремонно выпроваживает он Хвалынина.

— Опасного нет ничего. Жар не сильный, а если и повысилась немножко температура, то это не беда, часто бывает. Очень она у вас нервная особа.

Уверенный тон доктора действует на Хвалынина, и он уезжает почти спокойный.

XXV.

Однако, уверенность доктора оказалась ошибочной. Состояние здоровья Тэни ухудшалось. Жар, усилившийся с вечера, не падает всю ночь, держится и утром. Доктор при осмотре неодобрительно качает головой — недостает, чтобы случилось что-нибудь. Сотни таких операций делает он и через три часа домой идут, а тут такая история, да еще с кем. Теперь целую бурю подымут — отчего, да как, да кто виноват?

Поэтому, когда приехавший Хвалынин просит у доктора разрешение взять Тэни домой, он не противится, предпочитая, чтобы вдруг роковой исход случился не у него в лечебнице.

Ему уже было ясно, что у Тэни началось заражение крови.

Она была совсем не той, которую Хвалынин оставил накануне. Ярко рдевшие румянцем щеки,

блестевшие глаза и быстрый, беспрерывный разговор.

Хвалынин, которого она почти не узнала, с ужасом слушал, как без всякой последовательности она задавала самые необычайные вопросы, не дожидаясь ответа, рассказывала целые истории. Потом вдруг, как будто сознательно, с прояснившимся взглядом, смотрела на Хвалынина и говорила:

— Не уходи, мне страшно. Я боюсь умереть. Попроси доктора спасти меня.

И снова бесконечный набор слов и самые нелепые предложения. Не замечая, что она не понимает его, Хвалынин успокаивал ее, уверял, что сегодня же она будет дома.

С величайшими предосторожностями на руках Тэни перенесли домой. Хвалынину казалось, что теперь ей станет легче. Страшно было только то, что она часто теряла сознание. Десятки раз склонялся он над ней и, глядя в мутные глаза, с тревогой спрашивал:

— Ты узнаешь меня? Хочешь чего-нибудь?

Десятки раз измерял температуру, радуясь понижению хотя бы на одну десятую и впадая в отчаяние от малейшего повышения. Тэни становилось заметно хуже. Бессильный помочь Хвалынин страдал едва ли меньше ее самой. Сидя ночами возле ее постели, слушая полусознательные мольбы о спасении (ею овладевала безумная жажда жизни), он готов был на все мучения, лишь бы ее облегчить.

В тяжелое время он узнал и оценил спокойную твердость духа Варвары Михайловны, которая проводила все дни возле больной дочери. Она одна с виду оставалась такой же, не теряясь даже тогда, когда, казалось, жизнь, как догоревшая свеча, должна была потухнуть в изнеможенном теле Тэни.

Никки заходил два раза в день, но не вынося вида чужих страданий, молча сочувственно пожимал руку Хвалынина и, даже не заходя в комнату Тэни, поскорее убегал.

Салтыкову было хуже всех: он не смел прийти к ней в дом, не желая новой встречи с мужем, знал, что она при смерти и жил только теми сведениями, которые получал через Марину.

Дела его складывались так, что ему необходимо было уехать, а уехать и не знать, что с нею,— он не мог. В таком безнадежном кошмаре проходили дни.

У Хвалынина, по обыкновению, было бесконечно много работы, так как происходил С'езд Советов, и он положительно разрывался на части. На службе он вздрагивал при каждом звонке телефона, ожидая ужасного известия. Возвращался домой, готовый ко всему, боясь, что пока он ехал, Тэни умерла.

С ужасом смотрел он на ее лицо, изменившееся до неузнаваемости: обтянутые кожей кости, заострившийся пожелтевший нос, бескровные губы и два синеватых пятна по обеим сторонам рта.

Спутанные волосы, которых Хвалынин не позволял трогать, как свалявшийся войлок, оттеняли ввалившиеся щеки.

Тяжелые веки не закрывающиеся совсем, оставляли щелку, сквозь которую были видны жуткие, молочные глаза. А прекрасные прежде руки, напоминали теперь скелет с пергаментной кожей.

Тэни, то беспрерывно шевелила руками, рвала на мелкие ленточки шелк от одеяла, порывалась куда то бежать, то лежала без движения, без звука, не проявляя признаков жизни.

И глядя на эту тень от прежней Тэни, Хвалынин невольно вспоминал, как любовался ею спящей в первую ночь их совместной жизни.

Думал ли он тогда, что через год будет оспаривать ее у смерти? Как далека смерть, когда она касается других и как она страшна и близка сейчас? Сколько раз видел он ее лицом к лицу, сколько товарищей умерло у него на руках? А фронт, а бои? И ничего общего с тем, что переживал теперь.

Тогда были печаль, боль, но ощущал и себя,— теперь себя отдельно не было. Весь он был в этом полумертвом теле, стараясь не дать угаснуть той, которая стала его собственной жизнью.

Часто бешеным усилием воли, подавляя в себе рыдание, Хвалынин, в короткие минуты сознания Тэни, успокаивал ее, уверяя, что ее болезнь не опасна.

Он не мог видеть её улыбки (вернее жалкого ее подобия), обнажавшей зубы, которые казались теперь такими большими от общей худобы лица.

Как то, в одну из ночей, когда Тэни было особенно худо, он сидел в кресле, у ее кровати.

Истомленная сиделка дремала на диване, в другом углу спальни.

Осторожно освободив свою руку из огненной руки Тэни, которую он все время держал, Хвалынин идет к шифоньеру, чтобы достать чистый платок. В сашэ его рука нащупывает какую-то бумажку. Почти машинально вынимает ее и пробегает глазами. Сначала рассеянно, потом внимательно.

Это письмо Салтыкова, полученное Тэни перед самой операцией и случайно не уничтоженное. Хвалынин перечитывает письмо несколько раз, все еще не понимая в чем дело. Буквы прыгают перед глазами, слова теряют свой смысл и значение. Проведя рукой по лбу, будто желая прояснить сознание, он опускается на стул и снова, силясь понять, читает:

„Ты не позволяешь прийти к тебе, моя любимая, и это так мучит меня. Особенно сейчас, когда знаю твое положение. Ведь и я имею право голоса в этом вопросе, поскольку я его виновник. Не томи дольше, дорогая, скажи когда придешь? Воспоминания о твоих ласках сжигают меня. Жить без твоей близости — не могу. Брось все, перестань думать о своих каких-то обязательствах

к мужу. Все это вздор, который выдумали люди, не испытавшие безумия любви.

Жду, не задерживайся. Твой весь".

Ни обращения, ни подписи.

Бросив дикий взгляд на Тэни, Хвалынин перечитывает письмо еще и еще. Он, кажется, знает его уже наизусть.

„Кто же это ей пишет?"

Перед глазами с поразительной ясностью всплывает лицо Салтыкова.

„А, может быть, не ей? Ведь обращения нет",— вдруг мелькает облегчающая мысль.

И первое движение — спросить ее. Как бы в ответ Тэни долго и глухо стонет.

Хвалынин бросается к ней. Пузырь со льдом сполз на сторону, мешает лежать. Положив его снова на лоб, Хвалынин всматривается в лицо жены, стараясь прочесть на нем ответ на свой вопрос,— виновна она или жертва стечения обстоятельств? Все может быть.

Но лицо Тэни ничего не об'ясняет.

Спросить... Если бы и могла ответить, то, пожалуй, солжет. Надо искать, искать доказательств ее измены.

В углу, у окна, стоит ее секретер. С каким-то странным чувством, словно роется в чужой душе, открывает Хвалынин верхний ящик. Никогда раньше не касался он ее стола. Но надо привести все в ясность. В верхнем ящике аккуратно сложенные лежат бинокль, ленты для белья, коробка

для перчаток, — их несколько пар разных цветов и фасонов. Вот и последняя, привезенная из Парижа по его поручению, фасона „Мускетер", которую она не успела еще одеть. Вот, рядом с сумочкой, завернутый в папиросную бумагу, букетик фиалок. В коробке от духов сломанная жемчужная серьга и в самом углу — синем сафьяновом переплете евангелие, из которого выглядывает кусок белой бумаги.

Взволнованный Хвалынин берет книжку в руки. Она раскрывается на том месте, где заложено. Сначала глаза пробегают мелкую убористую французскую печать на пожелтевших листках, потом переходят на бумагу: второе письмо — записка и опять без подписи.

Да кто же это, кто?

Охватив голову обеими руками, Хвалынин начинает перебирать все факты, все мелочи своей жизни с Тэни. Положительно ничего нет, что пролило бы малейший свет на мучивший его вопрос. В бессильном отчаянии он мечется по комнате. Судорожной рукой растегивает ворот рубашки, который его душит. Надо что-нибудь предпринять, иначе можно сойти с ума.

Проснувшаяся сиделка приподнялась:

— Сами дадите лекарство, или мне позволите?

Нечеловеческим усилием поборов себя, почти спокойно, говорит Хвалынин:

— Я сам.

XXVI.

Опершись руками о стол, зажав руками голову, Хвалынин покачивается из стороны в сторону, мучимый почти физической болью.

Уже сутки прошли со дня открытия несчастного письма, а он все еще ничего не придумал, ничего не узнал, все так же жестоко страдает.

Тэни, как будто лучше, доктора подают надежду, — если выдержала до сих пор, то может „выскочить".

Хвалынину теперь это безразлично. Пожалуй, даже лучше смерть. Он представляет себе жену в гробу, ее похороны, ищет в себе горя, ужаса. Их нет. Тупое безразличие. Если останется жить, то впереди еще об'яснение, распутывание завязавшегося узла. Но, как честный человек, он сделает все, чтобы спасти ей жизнь. А там — будь, что будет.

Дни идут. Хвалынин наружно ничем не проявляет своих переживаний, продолжает все также ухаживать за Тэни. Между тем, мозг работает, обдумывает различные планы :— ехать к Никки, который, наверное, посвящен во все, просить его назвать того, кого любит Тэни, потом говорить с „тем", узнать каковы их отношения, когда они начались, быть-может, просто отдать ему ее. Пусть будет счастлива... Нет, ехать прямо к Салтыкову, уничтожить его... При этой мысли бешеная злоба охватывает Хвалынина. А если это не Салтыков?.. Придется ждать, пока Тэни не

поправится совсем и тогда, чего бы это ни стоило, — узнать всю правду.

Все последние дни Салтыков так мучился отсутствием известий, что не выдержав, решил итти на квартиру Хвалыниных. Оставаться дальше в этой неизвестности он не мог. Он должен ее видеть. Там ли муж, нет ли, ему все равно.

В нервном, напряженном ожидании подходит он к дому.

Секунду поколебавшись, звонит решительно. Дверь открывает сам Хвалынин. Глаза обоих встречаются. Мгновенно острая душевная боль пронизывает Хвалынина. Как бык, которого ведут на бойню и который не видя опасности, но чуя ее бессознательно, упирается при входе, делает Хвалынин шаг назад вглубь комнаты.

— Чем могу служить?

Нерешительно входит смущенный Юрий.

— Могу я видеть Татьяну Александровну? — тихо спрашивает он.

„Да, это он!“ — решает Хвалынин, с отвращением рассматривая красивое лицо Салтыкова.

„Сейчас я все узнаю“.

— Пройдите сюда. — Он пропускает Салтыкова в кабинет и закрывает дверь. Юрий впервые в квартире Тэни.

„Где же она сама? Что это за приготовления? Почему не пускает прямо к ней?“

— Садитесь.

Указывая на стул против себя, Хвалынин опускается в кресло перед столом, открывает ящик и достает из него какую то бумажку. Медленно говорит:

— Это вы писали? — и впивается глазами в глаза Юрия.

Салтыков сразу узнает свое письмо, но для чего-то наклоняется над ним, внимательно его рассматривает, потом растерявшись, ошеломленный неожиданностью бормочет:

— Не знаю, может быть.

Хвалынин пожимает плечами. Он сам удивлен своим спокойствием, он не испытывает ни злобы, ни раздражения. Полное равнодушие. Потом протягивает руку, чтобы взять письмо.

Непроизвольно Салтыков откидывается в сторону, как будто уклоняясь от готовящегося удара.

— Вы можете не бояться, вам ничего не угрожает, — произносит Хвалынин.

Юрий вспыхивает. Он уже овладел собой, досадуя на себя за невыдержку.

— Я ничего не боюсь. За все свои поступки я готов в любую минуту дать удовлетворение, — надменно говорит он, вставая со стула.

— Это, что же, дуэль, что ли? — смеется Хвалынин. Потом, сразу становясь серьезным: — Мой разговор с вами окончен. Теперь я знаю все, что хотел знать. Угодно вам будет итти к больной или, быть может, отложите визит на некоторое время?

Хвалынин встает. На светлом фоне окна както угрожающе чернеет его высокая фигура.

Инстинктивно отходя к дверям, Юрий говорит:

— Я зайду в другой раз.

— Как хотите.

Через минуту Салтыков за дверьми. Теперь только понимает он, что произошло, и как глупо, по-мальчишески вел он себя. Точь в точь, как и в корпусе, пойманный воспитателем на месте преступления в гадкой шалости.

Все известно мужу. Что же теперь делать? Возвратиться туда, ждать окончательного выздоровления Тэни и потом забрать ее к себе? Или быть благоразумным и немедленно уехать? Она отлично расхлебает всю эту историю сама. Женщины так изворотливы. Если бы еще ее муж не был коммунистом. А то свяжись с ним,—сам будешь не рад. Еще в Нарым угодишь.

На улице — яркое солнце. Продавщицы цветов старательно зазывают покупателей. Ландыши из корзин посылают тонкую струю своего нежного, чудесного аромата. Их белые цветы напоминают Юрию тело Тэни. Сердце сжимается. Неужели надо навсегда оборвать то, что могло так красиво продолжаться... Не надо этих мыслей. Скорее домой, скорее укладывать вещи и уезжать из этой гостиницы, из этого города, где каждый угол отравлен воспоминаниями.

XXVII.

Сквозь кружевные шторы косыми лучами светит красное заходящее солнце.

Тэни, одетая в мягкий халат, полулежит в кресле, поставив ноги на низенькую скамеечку. Только что ушел доктор. Он сказал, что она совершенно здорова. Хвалынин вышел его проводить и сейчас вернется.

Тэни с нетерпением ждет мужа. Ей нужно с ним поговорить. Последнее время она замечает в нем какую-то перемену. Внешне он также заботлив, также внимателен, но ни одной ласки, ни малейшей нежности. Вначале Тэни приписывала это боязни ее тревожить, потом думала, что разлюбил ее, подурневшую после болезни. Нет, не то. Что то есть другое, более серьезное.

„Неужели узнал о Юрии?" — мелькает опасливая мысль. Но сейчас же успокаивает себя: — „откуда? кто мог выдать? Нет, этого не может быть".

О Салтыкове она ничего не знает. Сам он не подает признаков жизни, спросить ей не у кого. Начнет выходить, тогда все выяснит, поедет прямо к нему.

На пороге Хвалынин. Холодно говорит:

— Очень рад за тебя, поздравляю с выздоровлением.

— Пойди ко мне.

Он делает несколько шагов вперед:

— Что тебе?

— Пойди ко мне ближе, совсем близко, — настойчиво зовет Тэни.

Повинуясь, он подходит вплотную к ее креслу.

Ее рука охватывает его шею и притягивает к себе.

— Дмитрий, что с тобой? Ты разлюбил меня?

Хвалынин вздрагивает и отстраняется. Все таки сильна еще над ним власть ее тела, хотя и знает, что оно захватано чужими руками.

С трудом произносит:

— Что за мысли? Не будем сейчас об этом говорить. Тебе нельзя волноваться.

Тэни вспыхивает.

— Нет будем, будем об этом говорить. Я достаточно сильна. А твоя отчужденность волнует меня гораздо больше. Я все вижу и все замечаю. Ты— не тот. В чем дело? — В голосе ее слышны слезы.

На секунду Хвалынину делается ее бесконечно жаль, но тут же вспоминает письмо, лицо Салтыкова, свои страдания.

— Да, ты права. Я — не тот. Да и ты не та, которую я полюбил тогда, в Кисловодске, чистую, гордую Тэни.

Тэни бледнеет:

— Кончай! Я хочу знать, в чем я переменилась с тех пор?

И странно — спокойно звучит голос Хвалынина:

— Не будем играть в прятки. Не унижай себя новой ложью. Я знаю все о твоих отношениях с этим... — он не может произнести фамилии Салтыкова.

В комнате воцаряется тишина. Слышно, как жужжит и бьется об оконное стекло залетевшая муха, стараясь вырваться на свободу.

Из-за угла, мягким движением, выходит серый кот Тэни. Выгибая пушистую спину, трется сначала о ноги Хвалынина и, подняв морду, смотрит изумрудно-хрустальными глазами, в которых красными бликами горит заходящее солнце. Потом, легким прыжком взбирается на плечи и мурлычет, щекоча шею пушистыми усами. Но не получая обычной ласки, недовольный соскакивает на пол и исчезает между мебелью.

Тэни ошеломлена. Что же теперь будет? Ей не верится, что все потеряно. В висках учащенно пульсирует кровь, сердце бьется громко и тревожно. Что делать? Может быть он знает еще не все, и можно попытаться выкрутиться?

Будто угадав ее мысли, Хвалынин говорит:

— Я читал его письма. Ты была неосторожна, не уничтожив их.

В секунду Тэни переходит от обороны к нападению.

— Вот как? Пока я лежала без сознания, ты рылся в моих вещах? Обыск устраивал. Как это благородно. Впрочем, это в вашем духе.

— Брось говорить о благородстве, — стараясь сдержаться говорит Хвалынин. — Едва ли ты отдаешь себе отчет в истинном значении этого слова. К сожалению, у тебя благородство вполне заменяется хорошими манерами. Лишь бы

внешне все было прилично. А внутри—обман, подлость, лицемерие.

Тэни с усилием припоминает, что было в письме. Оно было без обращения и подписи, значит, можно еще бороться.

— Откуда тебе известно, что письмо ко мне и от кого оно?—вызывающе говорит она.

— Я видел Салтыкова и говорил с ним,— с усилием произносит Хвалынин.

— И он подтвердил тебе?

В волнении Тэни спускает ноги на пол и встает. Делает несколько шагов по комнате, но, не рассчитав своих сил, шатается.

Инстинктивно Хвалынин бросается к ней, чтобы поддержать.

— Не надо,—отстраняет она его и снова опускается в кресло.

Бледная по прозрачности, похудевшая, она— совсем, как маленькая девочка.

И снова непрошенная гостья-жалость проникает в сердце Хвалынина.

— Подтвердил он тебе, что это его письма ко мне?—стараясь успокоить дрожь голоса, повторяет Тэни.—Может быть, сказал, что я его любовница?

Хвалынин морщится, как от физической боли.

— К чему эти разговоры? Лишняя трепка нервов и только. Ты знаешь, я не ревнив и не подозрителен. То, что я знаю, знаю наверное, иначе я не сказал бы тебе ничего. Это я уже пережил, перестрадал. Кончим наше об'яснение.

Тэни смотрит на мужа. Неужели он окончательно ее разлюбил? И как это вяжется: он знал об ее измене, знал давно и продолжал также самоотверженно ухаживать за ней, спасать ее от смерти.

— Что же ты решил? Как поступить с преступной женой? — иронически спрашивает она. — Неужели спас для того, чтобы отдать другому?

Хвалынин пожимает плечами.

— Решать придется тебе. Свою дальнейшую жизнь устраивай, как хочешь.

— А ты?

— Я уезжаю через две недели за границу и, вероятно, надолго.

Тэни широко открывает глаза. Этого она не ожидала. Думала, что будут сцены, упреки, может быть, даже насилие, но такой спокойной холодности, а главное — его от'езд, на это она не расчитывала. Не может быть, чтобы сразу исчезла его любовь, такая огромная. А Юрий? Предал ее, не предупредив обо всем случившемся. Может быть, даже уехал, не простившись. Испугался.

— Что делать, господи, что делать? — тоскливо думает Тэни, теряясь в мыслях о будущем.

Хвалынин уходит из комнаты. На пороге полуобернувшись, говорит:

— В смысле материальном ты не беспокойся. Будешь получать достаточно, чтобы жить независимо от брата.

Тэни вспыхивает. Эта фраза звучит, как пощечина. Хочет ответить резко, но вместо этого спазма сжимает горло, и едкие, непрошеные слезы, не то злости, не то обиды, застилают глаза.

XXVIII.

Ночь. Тэни в спальне одна. Теперь она физически чувствует себя настолько хорошо, что в присутствии Хвалынина нет необходимости, а поэтому он спит у себя, в кабинете.

Тэни не может уснуть. Ворочается с боку на бок, тяжело вздыхает. Мысли бегут цепью нанизываясь одна за другой, прогоняют сон и покой. „Мысли, как черные мухи“...

Летняя ночь коротка. Вот-вот начнет сереть за окном, а там и рассвет не далек.

Как сразу, в один час, изменилась вся ее жизнь. Из счастливой жены, имеющей мужа, который ее обожает, любовника, безумно влюбленного — она превратилась в одинокую, покинутую, полубольную женщину. И только сама во всем виновата.

Сегодня была у нее Марина. С лицемерным участием расспрашивала о ее болезни, привезла целый сноп цветов, радовалась ее выздоровлению и, между прочим, сообщила, что Салтыков уехал. Тэни отлично понимает, что это сообщение и было целью ее визита.

Итак уехал, даже не простившись. Попросту, бросил ее, испугавшись счетов с мужем. Хорошо

еще, что никто не знает о том, что все известно Хвалынину.

Во что бы то ни стало, надо вернуть любовь мужа, заставить простить, забыть ее измену. Но как? Эта ледяная вежливость и спокойствие прямо убивают. Не знаешь, как подойти.

Попробовать еще последнее средство—искреннее раскаяние.

Насторожившись, Тэни чутко прислушивается к тому, что делается в кабинете. Хвалынин тоже не спит. Нет-нет и скрипнут пружины дивана,— значит повернулся на другой бок. Вот, вспыхнула спичка, зажженная нервной рукой, — закуривается новая папироска. Хронометр звонит свои четверти, показывая сколько их прошло бессонных и тоскливых.

А что, если пойти сейчас к нему? Ничто так не сближает, не помогает всяким трудным об'яснениям, как ночь. В глубине души Тэни надеется и еще на один шанс — на свое обаяние. Надеется, что разожжет в нем страсть и желание, тогда дело ее выиграно, в этом она уверена.

Бесшумно встает Тэни и босая, дрожащая от волнения и предрассветной прохлады, идет в кабинет. Придерживается рукой за стенки и за мебель, чтобы не упасть. Также неслышно подходит к дивану, на котором лежит муж. Опустившись на колени, склоняется головой к его рукам, шепчет:

— Прости меня.

Пораженный ее появлением Хвалынин поднимается.

— Что ты делаешь, иди скорей к себе. Ты простудишься,— взволнованно говорит он отнимая руки. Но Тэни еще крепче прижимается к ним, и он чувствует, как горячими каплями падают ее слезы.

Он наклоняется над ней, силясь поднять ее с пола.

Знакомый запах ее тела, ее волос... Вся она дрожащая, трепещущая, такая беспомощная и жалкая и такая близкая и доступная.

Руки ее снова вокруг его шеи, мягкие губы на его груди.

— Тэни, Тэни не надо!

Руки еще крепче обвиваются, и вплотную прижимается трепетное тело.

В мыслях Хвалынина проносится: „что я делаю, ведь это гибель!“, а все существо тянется к ее ласке, по которой изголодались душа и тело.

Что думать о прошлом, о будущем? Сейчас она снова „его Тэни“, такая нежная, любящая, такая желанная. Во имя чего отказываться от мгновенья счастья?

Опять жизнь Хвалынина полна мучений, противоречий. Днем, занятый делом, он старается не не думать ни о чем домашнем. Думать об этом,— это презирать себя за слабость, ненавидеть Тэни за свою страсть к ней, за то, что стала снова ему

близкой и необходимой. Днем, все больное и оскорбительное, пережитое им благодаря ей, чувствовалось так ярко. Он делался замкнутым, почти враждебным. Приходила ночь, и снова Тэни властвовала над ним. Малодушно, он даже пытался подвести легальную базу под свое к ней отношение: он стоит выше половой ревности, видит в ней больше человека, чем женщину, хочет помочь ей подняться, не толкнуть ее на дурную дорогу своим презрением. Он даже находит ей оправдание: не так она виновата, она — продукт той среды и воспитания, в которых жила. Быть-может, он сам способствовал ее падению, давая такую полную и бесконтрольную свободу.

Время шло.

Тэни не поднимала никаких разговоров о будущем, не спрашивала его ни о поездке за границу, ни об их дальнейшей жизни.

Хвалынин видел, что любовь к ней опутывает его все больше, что он уже не ощущает боли от ее измены. Пройдет еще время, и он станет ее рабом, больше чем прежде, так как теперь она будет знать, что он готов ей все простить, лишь бы не лишиться ее близости.

Зачем не ушел он тогда же как только узнал об ее измене? Бессмысленное дон-кихотство. Не мог ее бросить больную, беспомощную.

Она, вероятно не думала о нем, когда была со своим любовником, когда втаптывала в грязь его любовь, его имя.

Через несколько дней он должен уезжать. Тэни, конечно, захочет ехать с ним, и он заранее знает, что не в силах будет отказать ей. И тогда полная и окончательная гибель. Дело, с которым его посылают, серьезно, требует его целиком, эта поездка — шанс выправить свою линию, стать снова на настоящую дорогу. Он знает, что Тэни, как тяжелый груз, свяжет его по рукам и ногам. Он должен ехать один, хотя бы для этого ему пришлось малодушно бежать.

XXIX.

В первый раз после болезни Тэни на улице. Непривычно-ярким кажется солнце, воздух опьяняет, голова кружится от шума и грохота.

Первый ее визит — к матери. Там она увидит Никки, который давно к ней не заходил.

Стройная, помолодевшая, как-будто болезнь обновила весь организм, легко и быстро идет Тэни, не закрываясь от горячего солнца.

Какое наслаждение быть здоровой! Хочется жизни, движенья и любви.

Где-то Юрий сейчас? Хорошо было бы его снова увидеть. А муж? — чуть кольнула совесть.

Настроив себя серьезно, Тэни усиленно старается не думать о Юрии. Ведь он поступил с ней так подло, разве можно это простить? Разве можно рисковать снова попасть в то ужасное положение, в котором она была и еще неизвестно, как из

него выйдет. Надо взять себя в руки и постараться быть благоразумной.

В доме Варвары Михайловны, как всегда, тишина и порядок. Мебель, по-летнему, в чехлах, картины завешаны кисеей. Везде вышитые салфеточки из сурового полотна, вместо зимних белых Многочисленные букеты цветов в вазах, в бокалах, в низких хрустальных кюветках. После жары улицы так приятны свежесть и прохлада, тщательно сохраняемая спущенными до вечера шторами.

Тэни с наслаждением вытягивает отвыкшие от ходьбы утомленные ноги. На широком кожаном диване так хорошо и покойно.

Тихо и неторопливо рассказывает Варвара Михайловна обо всем, что в их жизни интересует Тэни

— Ну, а ты как? Говорят, что твой муж получил назначение за границу? Когда вы едете?

Тэни беспечно пожимает плечами.

— Не знаю, абсолютно. У нас все не по-людски. Я не гарантирована, что узнаю об этом накануне. А как Никки? Каковы его планы на лето?

— Никки тоже собирается за границу. Есть возможность получить туда командировку. Но нужно нажать кой-какие пружины. И это мог бы сделать твой муж. Быть-может, ты поговоришь с ним. Никки тебе расскажет подробно. Я ведь плохо разбираюсь во всех нынешних названиях и учреждениях.

Тэни морщится. Самое неудобное время для просьб такого сорта, так как сама она еще не

слишком твердо стоит на ногах в своих отношениях с мужем. Но и отказать нельзя, надо помочь брату. Да и что стоит Хвалынину сказать одно слово, попросить за Никки? Все они, эти „нужные люди" — его приятели, с ним на „ты". Ведь это у „них" так просто.

Входит Никки. Он рад видеть Тэни на ногах. Он находит, что она очень похорошела. Мать ей уже говорила о его просьбе. Быть-может, удобнее будет ему самому повидаться с Хвалыниным. Надо думать, что в такой безделице он не откажет. Кроме того, у Никки есть к ней лично маленькое дело. Говоря это, Никки увлекает сестру в свою комнату.

— Ну-с, моя прелесть, услуга за услугу. Ты помоги мне устроить командировку, а за это я тебе что-то передам. Но с одним условием: ты обещаешь мне быть благоразумной и не попасть в неприятную историю.

— В чем дело? — недоумевает Тэни.

Никки вынимает из кармана бумажник и из потайного отделения достает узкий серый конверт.

— Бери, да помни мою доброту.

— От Юрия! — вырывается у Тэни радостное восклицание.

Она сама не ожидает, что это известие делает ее такой счастливой.

— Значит любит, значит не забыл.

От недавних хороших намерений не остается и следа. Внутри все поет от радости.

Задыхаясь от волнения, распечатывает она дорогое письмо.

— Ты позволишь? — спрашивает она Никки, и не дожидаясь ответа, погружается в чтение.

Она не интересуется—как попало это письмо к брату, почему он отдал ей его не сразу. Не все ли равно, если Юрий пишет, что попрежнему любит ее, хочет видеть.

Нужды нет, что в письме, кроме бессодержательных фраз, ничего нет— ни заботы о ней, ни намека на об'яснение с Хвалыниным.

Он хочет ее видеть, и она, чего бы ей это ни стоило, должна это устроить. Все обиды забыты.

По разгоревшимся глазам сестры Никки видит какое впечатление производит на нее письмо.

— Будь осторожна, особенно с письмами, — наставительно говорит он.

О, да! Она это слишком хорошо знает. И как ни жаль, а придется его уничтожить. Перечитав письмо еще раз, Тэни со вздохом, рвет его на мелкие кусочки. Смахнув с колен застрявшие в складках обрывки, она поднимается. Ей пора домой. Да и устала она с непривычки, надо отдохнуть.

А самой хочется поскорее остаться одной, чтобы хорошенько обдумать безопасный способ свиданья. Теперь она будет осторожна, второй раз не попадется так глупо.

Хвалынин вернулся домой, имея на руках все нужные для от'езда документы. Этим он, как-

будто, хотел застраховать себя от последствий об'яснений с Тэни. Документы были только на него, и от'езд был назначен на завтра. Если бы Тэни и хотела, то теперь, выехать вместе с ним она уже не могла.

Решительно входит Хвалынин к Тэни. Она сидит у раскрытого окна с работой в руках, но, не работая, сосредоточенно что-то обдумывает. При входе мужа она вздрагивает, но сейчас же делает любящее лицо и радостную улыбку: теперь больше, чем когда-либо надо усыпить его подозрения, заставить его поверить в ее любовь и раскаяние.

— Здравствуй, милый. Я тебя с утра не видела. Я была у своих, — поднимаясь к нему навстречу, нежно говорит она.

Положив обе руки ему на плечи, Тэни ласково заглядывает ему в глаза.

— У меня к тебе есть просьба, относительно Никки.

Осторожно сняв ее руки и удерживая их в своих, Хвалынин, стараясь говорить уверенно и строго, произносит:

— Тэни, я пришел тебе сказать, что завтра уезжаю.

— Как, уже завтра? — удивленно восклицает она. — Отчего же так скоро?

— Тебе ехать со мной не придется.

— Это ты говоришь напрасно. Я отлично понимаю, что если ты говоришь „я еду", а не

„мы едем", то значит обо мне нет вопроса,—перебивает его Тэни.

Все устраивается к лучшему. Конечно, жаль не поехать за границу, но зато впереди полная свобода и Юрий..

Хвалынин облегченно вздыхает. Он не ожидал, что все обойдется так просто и хорошо. Он так боялся, что она будет настаивать на своей поездке.

— А в чем же твоя просьба? Что там с Никки?

Вкратце, толково рассказывает Тэни о своем деле. По мере того, как рассказ подходит к концу, лицо Хвалынина мрачнеет.

К сожалению, он ничем не может быть полезен ее брату. Он никогда, никому протекций не оказывает, он жестокий враг всякого кумовства. Если начальство Никки найдет нужным для дела послать его, то пошлет и без его просьбы, а давления своего он оказывать не может, тем более для родственника.

Тэни и удивлена, и возмущена. Что за предрассудки, что за узость взглядов? Неужели нельзя помочь человеку в таком пустяке?

В былое время она наговорила бы много неприятных слов по этому поводу, но теперь нельзя. Нужно прежде всего думать о себе.

— Ну, как хочешь. Заставить тебя сделать по-моему, я не могу и настаивать не стану. Жаль будет огорчить Никки. Он так надеялся на твою помощь, — кротко говорит она.

Хвалынин разводит руками.

— Ничего поделать не могу.

„Тогда устрою свое дело“, — думает она.

— Мне еще нужно что-то сказать тебе.

Она садится на диван рядом с ним.

— Я хочу, чтобы перед от'ездом ты сказал — простил ли ты меня. Я отлично знаю, что физически ты все же любишь меня. Но я хочу другого. Я хочу полного, прежнего чувства, а для этого необходимо и полное прощение, забвение моей ошибки.

— Зачем она затрагивает опять эту тему? — досадливо думает Хвалынин, страдая почти до боли от всякого напоминания об ее измене.

— Простить или не простить я не могу. Ты как-то по-детски к этому подходишь. Разве можно уничтожить то, что было? Я могу заставить себя не думать об этом, не напоминать и тебе, и только.

Тэни жалостно вздыхает.

Как все это тяжело! Бог свидетель, что она сделала все, чтобы загладить вину, восстановить отношения. Что же делать, если он такой злопамятный и трудный человек? Пускай едет куда хочет. Она чувствует, что была бы не в состоянии долго выдерживать роль „кающейся Магдалины“.

XXX.

Душный июльский вечер. Не шевелятся ни травка, ни листок. Громко кричат на лугу коростели, пьяные луной и любовью. От цветников тянет пряным запахом матиолы и табака; от дре-

млющего пруда, который так нежно прижался темной водяной грудью к голубому от незабудок берегу, веет сыростью.

На узенькой дорожке белеет платье Марины, рядом с темным силуэтом Никки.

Медленным шагом идут они к даче, приятно подмигивающей, сквозь темную зелень деревьев, глазом-огнем лампы на балконе.

— Хорошо, все же, что вырвался, хотя с последним поездом. А то ждала тебя весь вечер и обидно было бы, если бы не приехал: муж сегодня не ночует, и я совсем свободна.

Ласковой кошечкой прижимается Марина к Никки, заглядывает ему в лицо.

При ярком лунном свете подведенные глаза — прямо огромны, а волосы — совсем как серебро. Четко вдавливаются на песке тоненькие каблучки и едва намечаются очертания узкой подошвы, рядом с определенными ступнями „Джим".

Еще бы! Будто ему самому не хотелось вырваться из московской сутолоки и жары, отдохнуть до утра у нее на даче.

Больше недели они не видались. Прекрасно она сделала, что не послушала мужа и не уехала на курорт. Тогда они были бы отрезаны друг от друга. А если мужу нужно полоскать свой желудок в Ессентуках, то и пускай едет, никто ему не мешает. Нельзя же быть эгоистом, думать только о себе.

Медленно поднимаются оба по ступенькам на балкон. Не стоит итти в комнаты, так хорошо посидеть на воздухе. Они садятся рядом на верхнюю ступеньку.

— Что нового? Каковы успехи за границей твоего высокопоставленного родственника?

Марина не может забыть холодного изумления, с которым ее встретил Хвалынин, когда она приехала на вокзал его провожать. Только ради Тэни пошла она на такую любезность, а он волком смотрит, будто делает одолжение, что разговаривает с ней. Форменное безобразие!

Никки машет рукой.

— И не говори! Он оказался таким сухим и черствым человеком, как мы никогда и не думали. Отговорился какими-то принципами, не пожелал помочь мне и сорвал мою заграничную командировку. Перед от'ездом даже не нашел нужным зайти к нам проститься. Вообще типик!

Марина пожимает плечами.

— Что можно требовать от большевика. У них и психика другая и ко всему подход большевистский. Хвалынин ничем от них не отличается. Некоторое время, благодаря Тэни, был приличен, но au fond, он остался тем же. Для него первое дело коммунистическая партия да всемирная революция. А своя семья на втором плане.

— Да, бедняжка Тэни. Воображаю, как ей было тяжело с ним. Теперь, по крайней мере, отдохнет от него, — сочувственно говорит Никки.

— И развлечется, — добавляет Марина.

— Я не понимаю, что ты хочешь этим сказать?

— Только то, что говорю. Она отлично развлечется с Салтыковым.

— Что за фантазия! Салтыкова и близко здесь нет. Он давным-давно уехал из Москвы, — с досадой отрицает Никки.

Марина громко смеется.

— Как ты наивен! Не дальше, как вчера я их видела вместе на улице. Даже разговаривала с ними. Они мало стесняются после от'езда Хвалынина и влюблены друг в друга сильнее, чем когда бы то ни было. Я больше тебе скажу, они собираются в августе в Крым, так как Тэни будто врачами предписано ехать на море. Вот тебе и „Lune de miel" на законном основании.

Никки возмущен. Разве это не безобразие? Так афишировать свою связь. Он уверен, что и так какие-то слухи дошли до Хвалынина, и об'яснения между ним и Тэни были. Вывернулась один раз, второй — попадется обязательно. Никки с ней поговорит, попытается образумить.

— Да каксе тебе дело? Они люди взрослые, у Тэни есть муж. Пускай он и смотрит. И наконец, так и надо этому большевику. Разве он мог оценить такую женщину, как твоя сестра? Оставил ее одну, не взял с собой за границу. Да я еще удивлена ее кротости, что она это так спокойно перенесла. Провожала его так нежно, прощалась, просила чаще писать. А он, наверное, там прекрасно

утешается с какой-нибудь сотрудницей полпредства. Или пропагандой занят, а о Тэни и думать забыл.

Верно. Марина права. Довольно у Никки своих забот, чтобы добровольно брать еще и чужие.

В воздухе заметно посвежело. Как-будто задернувшаяся облаком луна перестала согревать землю опаловым светом.

Зябкая Марина поеживается. Не пойти ли в комнату? Холодно!

— Нет, — протестует Никки, — только дышать можно после целого дня жары. Если тебе холодно, я принесу что нибудь одеть, а уходить не стоит.

Покорно соглашается Марина. Она, как воск. К чему спорить? Если ему хорошо, то и ей прекрасно.

Спокойным, уверенным движением обнял за плечи, привлекает ее к себе Никки. Какое счастье, что она именно такая. Без особенных страстей и переживаний, веселая, рассудительная, спокойная.

Такая если и обманет — не обидно. Зато и сама не будет требовать подвигов.

Склонившись к карминным губам Никки с наслаждением пьет долгий, вкусный поцелуй.

Чего еще ему требовать от жизни? Пускай Хвалынины работают, борются, рискуют жизнью, страдают, ему, Никки, это „без делов". Умело можно прожить и на чужой счет, не теряя собственного достоинства.

Славу богу, вся его жизнь тому блестящий пример.

XXXI.

Знойный, безветреный день. С балкона, на котором сидит Тэни, видна бесконечная синева моря. Оно подозрительно-спокойно, сияет и блестит, как стекло, глубокое и чистое.

Тэни только что вернулась с пляжа. Через час придет Юрий, он живет в комнате рядом, проводит с ней целые дни. Они вместе купаются, вместе часами лежат на песке, наслаждаясь ничегонеделанием и взаимной близостью.

Тэни загорела, посвежела, окрепла. Всю жизнь могла бы так прожить, греясь на солнце и плескаясь в воде, зная, что Юрий близко, что некуда спешить, что не надо расставаться.

Но Юрий уже по горло сыт этой жизнью, и любовью Тэни и даже начинает слегка ею тяготиться. Теперь, когда в их отношениях нет прелести запретного плода, они удовлетворяют его гораздо меньше. Уже кажется стеснительной постоянная близость Тэни, ее неизбежный контроль над всеми его действиями.

Он положительно не создан для семейной жизни.

Поэтому теперь все чаще выдумывает он себе различные предлоги для отлучек. Благо Тэни по беспечности и лени не очень за этим следит.

Кроме того, темным пятном их жизни — его ревность.

Юрий ей не верит: обманывала Хвалынина со мной, меня обманет с другим.

Тэни привыкшая к абсолютной свободе, не может примириться с его подозрениями и частыми сценами из-за всяких пустяков: то слишком любезно заговорила с соседом по табльдоту, то кокетливо посмотрела на кого-нибудь. Правда, ссоры мимолетны, сменяются потом поцелуями и уверениями в любви, но в душе у каждого нарастает недовольство.

О муже Тэни думает мало. Он так далеко. Вначале писал часто, потом реже, и вот уж скоро месяц ничего от него нет.

„Вероятно, очень занят", — думает Тэни: „Ведь если бы с ним что нибудь случилось, ей дали бы знать, да и в газетах было бы написано".

Иногда кольнет мысль: „почему же раньше, как бы ни был занят, всегда находил время для меня?" Но сейчас же прогонит эту мысль. К чему омрачать себе жизнь всякими предположениями?

Если бы чувствовала себя чистой и правой перед ним, то, конечно, обиделась бы на это молчание и перестала бы писать сама. А теперь регулярно, каждую неделю отправляет нежные, любящие письма.

Занятая своими мыслями, Тэни не замечает, как входит Юрий.

Высокий, загоревший, в белом костюме, с открытой смуглой шеей, он безусловно красив.

Тэни влюбленно смотрит на него.

— Сделал свои дела? — подставляя щеку для поцелуя, говорит она.

— Ничего не сделал! — с легкой гримасой отвечает он.—Такая дикая жара, что можно солнечный удар получить. Только и спасение у моря.

В изнеможении он падает в соломенное кресло.

— Все-таки, нелепая мысль была ехать в Крым,— вдруг заявляет он, обмахиваясь веером Тэни.—То ли дело, сейчас у нас в деревне — прохладно, свежо, зелено. Нет этого надоедливого однообразного моря, пахнущего дохлыми краббами и иодом, как в земской больнице.

— Кто же тебе мешает уехать?—обиженно говорит Тэни. — Пожалуйста, я тебя не держу.

Поняв, что он зашел далеко, Салтыков встает и садится на диван, рядом с Тэни. Положив голову ей на колени, он говорит:

— Ты, моя кошечка, мешаешь, потому что я тебя люблю и не хочу с тобой расстаться.

Полушутя, полусердито Тэни слегка ударяет его по губам:

— Не лги. Тебе просто надоело быть со мной Я уеду к мужу.

Тэни уверена, что стоит ей только выразить свое желание приехать, Хвалынин будет от этого в восторге и немедленно выпишет ее.

— Ах да! Чуть не забыл! — вскакивает Салтыков. — Тебе есть письмо. Мне передал его портье. Постой-ка, где оно?

Он похлопывает себя по карманам и, наконец, подает Тэни конверт с заграничной маркой.

Взглянув на почерк, Тэни небрежно бросает:— от мужа. А в душе: наконец-то.

Спокойно, не торопясь вскрывает конверт. Папиросная бумага подкладки, поднятая налетевшим вдруг ветром, улетает синей бабочкой за перила балкона.

Юрий, не желая мешать, закрывает глаза и дремлет, убаюканный мягким шумом начинающего прибоя.

„Я не сказал тебе сразу то, что должен был сказать. Сначала я пережил все в себе самом, чтобы иметь возможность стать беспристрастным. Теперь я могу сообщить тебе мое решение.

В тот день, когда я случайно нашел письмо, я раздваивался в своем чувстве. Ты знаешь, как я любил тебя, но, несмотря на это, я порой желал твоей смерти. Однако, я сделал все, чтобы спасти тебе жизнь. Потом случилось самое скверное, самое подлое. Презирая тебя, я снова стал рабом моей страсти. Ты умело сыграла на моей слабости. Я увидел, что качусь по наклонной плоскости. Что могло нас связывать? Даже не кровать, как у пошлых мещан, а только материальные интересы. Не кровать потому, что ты и физически никогда меня не любила. Найденное письмо подействовало на меня, как нашатырный спирт на алкоголика: я отрезвел и понял, что должен уехать от тебя. Теперь я совершенно освободился от всякого влечения к тебе. Пишу это, чтобы ты знала, что возврата к прошлому быть не может. Ты совер-

шенно свободна. Устраивай свою жизнь, как хочешь. Все, что нужно для развода, я немедленно сделаю по первой твоей просьбе. Но в твоих интересах с этим не спешить, пока не найдешь для себя более подходящего мужа, чем я.

Здесь я останусь еще надолго. Если найдешь нужным что либо мне написать, передай письмо через **, он сможет переслать его мне. Прощай. Д.

P. S. Меня удивляет, для чего тебе нужен был этот обман. Разве я держал бы тебя, если бы ты честно сказала, что любишь другого?

С пересохшим от волнения горлом дочитывает Тэни письмо до конца. Потом опасливо косится в сторону Юрия. Видел ли он, догадался ли по ее лицу? Ни один человек не должен знать об ее отношениях с Хвалыниным.

К счастью, Юрий мирно дремлет.

Тэни перечитывает письмо еще раз, испытывая чувство, будто нажимает на больной зуб. Потом тихонько встает и прячет письмо у себя в комнате.

С полчаса сидит подавленная, обдумывая свое положение. Она знает, что ей делать. Никому она не скажет, что с Хвалыниным все кончено. А что теперь все кончено бесповоротно, она уверена. С хладнокровием крупного игрока, она понимает, что игра проиграна, но подведя итоги, видит, что ее положение не так уж плохо. Для всех она попрежнему жена Хвалынина, и все выгоды от этого она извлечет.

В перспективе полная свобода и твердая материальное положение, ибо она знает характер мужа,— деньги он давать будет по прежнему.

А вся жизнь еще впереди. Мало ли кого она еще встретит?

Свои силы она знает, да и опыта больше.

Все к лучшему, если умело подойти к вопросу.

Из окна, у которого стоит Тэни, видно, как мерно всплескивают волны. Над синей гладью моря то там, то здесь мелькают белые барашки пены. Ветер крепчает.

Будет шторм.

Московское Товарищество Писателей

Адрес редакции: Москва, Б. Полянка, 12, кв. 1. Тел. 85-51.

1. **Волков, М.** Байки Антропа. Рассказы.
2. **Викторова, Е.** Сенька Беленький. Повесть.
3. **Вересаев, В.** На повороте. Повесть.
4. **Его же.** К жизни. Повесть.
5. **Дорохов, Павел.** Фронт учительницы Перепелкиной. Повесть.
6. **Его же.** Колчаковщина. Роман хроника. Изд. 4-е.
7. **Дмитриев, Т.** Зеленая зыбь. Роман.
8. **Его же.** Пути-дорожки. Рассказы.
9. **Евдокимов, И.** Крылатые мельницы. Рассказы.
10. **Костерин, А.** Морское сердце. Рассказы.
11. **Касаткин, Ив.** Лесная быль. Рассказы.
12. **Крутиков, Д.** Целина. Повесть.
13. **Каманин, Ф.** Ивановская мельница. Роман
14. **Лазарев, Вл.** Крепкий сон. Рассказы.
15. **Ловцов, Н.** За Яблоновым хребтом. Рассказы.

Московское Товарищество Писателей

Адрес редакции: Москва, Б. Полянка, 12, кв. 1. Тел. 85-51.

16. **Лукашин, И.** Пыльные. Рассказы.
17. **Майоров, Ив.** Два берега. Повесть.
18. **Миртов, О.** Помещички. Повесть.
19. **Новиков-Прибой, А. С.** Море зовет. Повесть.
20. **Новокшенов, И.** Великий Аным. Рассказы.
21. **Низовой, Павел.** В горных ущельях. Рассказы.
22. **Его же.** Крыло птицы. Рассказы.
23. **Пушков, В.** Без компаса. Рассказы.
24. **Рязанцев, Вс.** Слепцы. Повесть в 3 частях.
25. **Сивачев, М.** Бунт. Рассказы.
26. **Его же.** Федор Быльников. Повесть.
27. **Шильдкрет, К.** В землю Ханаанскую. Роман.
28. **Его же.** Скованные годы. Роман.
29. **Его же.** Мертвая хватка. Повесть.
30. **Лаврова, К.** Двойник. Стихи.

Цена 1 р. 40 к.

Р

СКЛАД ИЗДАНИЯ:
ИЗДАТЕЛЬСТВО «МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ».
МОСКВА, КУЗНЕЦКИЙ МОСТ, 1.